

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 6 ЭКОНОМИКА

№ 3 • 2016 • МАЙ–ИЮНЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в два месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Вопросы устойчивого развития

Порфирьев Б. Н. «Зелёный» фактор
инновационной модернизации экономики: вызов для России 3

Экономическая теория

Рассади́на А. К. Реиндустриализация
на основе инновационного развития:
зарубежный опыт и российские реалии 15

Отраслевая и региональная экономика

Корнеева Д. В. Задачи и инструменты конкурентной политики
в российской металлургии за прошедшие четверть века 35

Степанова С. В. Общие тенденции и особенности
развития инфраструктуры туризма российских регионов 68

Вопросы управления

Рачковская И. А. Основные тенденции трансформации логистики
в ходе неоиндустриализации 85

Трибуна преподавателя

Антипина О. Н., Никифоров А. А., Миклашевская Н. А.
От учебного задания — к научному исследованию
(методика организации проектной работы студентов магистратуры) 103

Научная жизнь

Герасименко В. В.
Экономическая наука и развитие университетских научных школ
(по итогам научной конференции «Ломоносовские чтения-2016») 122

Белянова А. М., Бирюков В. А., Черковец В. Н.
Стратегическое планирование
в условиях современной экономики России
(материалы научного семинара
по проблемам стратегического планирования) 141

CONTENTS

Sustainable Development

- Porfiriev B. N. «Green» Factor in Innovative Modernization
of the Economy: a Challenge for Russia 3

Economic Theory

- Rassadina A. K. Reindustrialization on the Basis of Innovative Development.
Foreign Experience and Russian Reality 15

Industrial and Regional Economics

- Korneeva D. V. Aims and Tools of Competitive Policy
in the Russian Metal Industry over the Past Quarter Century 35
- Stepanova S. V. General Trends and Features
of Tourism Infrastructure Development in Russia's Regions 68

Management Issues

- Rachkovskaya I. A. The Major Trends in Logistics Transformation
in the Course of Neoindustrialization 85

Professor's Tribune

- Antipina O. N., Nikiforov A. A., Miklashevskaya N. A.
From Learning Task to Scientific Research
(the technique of teamwork projects for graduate students) 103

Academic Life

- Gerasimenko V. V.
Economic Science and the Development of University Scientific Schools
(the results of the conference «Lomonosov Readings-2016») 122
- Belyanova A. M., Biryukov V. A., Cherkovets V. N.
Strategic Planning in Conditions of Modern Russia's Economy
(materials of research seminar on strategic planning) 141

ВОПРОСЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Б. Н. Порфирьев¹,

Институт народно-хозяйственного прогнозирования РАН
(Москва, Россия)

«ЗЕЛЁНЫЙ» ФАКТОР ИННОВАЦИОННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ: ВЫЗОВ ДЛЯ РОССИИ²

Инновационная модернизация экономики — процесс многофакторный, многогранный. Одну из таких граней, которая привлекает внимание высоких политических и деловых кругов, можно было бы образно охарактеризовать как «зелёный» фактор инновационной модернизации. Под указанным фактором подразумевается комбинация экологических и климатических вызовов долгосрочному экономическому росту и развитию общества в целом, стратегия реагирования на которые предусматривает поиск и разработку инновационных технологических и управленческих решений, обеспечивающих поддержание устойчивого уровня и качества жизни, включая снижение рисков для качества среды жизнедеятельности человека.

Ключевые слова: инновационная модернизация, экология, «зелёная» экономика.

«GREEN» FACTOR IN INNOVATIVE MODERNIZATION OF THE ECONOMY: A CHALLENGE FOR RUSSIA

Innovative modernization of the economy is a multifactorial process. One of these factors, which attracts the attention of the high political and business circles, could be described as the green factor of innovative modernization. This factor means a combination of environmental and climate challenges for long-term economic

¹ Порфирьев Борис Николаевич, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор, замдиректора; e-mail: b_porfiriev@mail.ru

² Статья подготовлена в рамках проекта и при финансовой поддержке гранта РГНФ 15-02-00411 «Модернизация высокотехнологичных секторов промышленности в контексте «зелёного» роста в экономике». Она является дополненной и обновленной текстовой версией выступления автора на Экспертной дискуссии «Проблемы инновационной модернизации российской экономики» в рамках Гайдаровского форума «Россия и мир — взгляд в будущее» (РАНХиГС, Москва, 15 января 2016 г.).

growth and development of society as a whole, the strategy of response that provides search and develop innovative technological and management solutions that maintain a sustainable level and quality of life, including the reduction of risks to the quality of the human living environment.

Key words: innovative modernization, ecology, «green» economy.

Нарастающие угрозы окружающей среде, прежде всего устойчивости экосистем, обеспечивающих условия и ресурсы для воспроизводства материальных благ, и самой жизнедеятельности человека в купе с последствиями глобальных климатических изменений — в числе ключевых глобальных рисков, причем климатический риск, по оценке экспертов Всемирного экономического форума на начало 2016 г., — приоритетный¹. Указанные вызовы диктуют необходимость принципиальных структурно-технологических перемен в мировой экономике и ее основных подсистемах, включая российскую экономику.

Всего один пример, связанный с экологией. Ущерб экономике России, обусловленный смертностью только из-за опасного загрязнения воздуха, оценивается примерно в 8% ВВП — для сравнения: в Индии и Китае эти показатели составляют соответственно 6,5 и 11%². Обращает на себя внимание близость последнего индикатора к величине среднегодовых темпов роста ВВП в Китае за 1980—2010 гг., выявляющая тесную корреляцию между двумя параметрами. Она отражает ту огромную социально-экологическую цену, которую платит и еще длительное время будет платить Китай за достижение и поддержание его экономическим локомотивом в течение почти трех десятилетий скорости, не виданной до этого в мировой истории.

При этом дело не ограничивается исключительно ухудшением качества воздуха и только в Пекине, который превратился в главный мрачный символ неблагополучия экологической ситуации в стране, зачастую затеняющий положение дел в этой сфере в целом. Почти пятая часть сельхозугодий Китая официально объявлена непригодной (токсичной) для производства продовольствия, а дефицит и низкое качество водных ресурсов являются не менее пагубными для здоровья людей и устойчивости производства, чем загрязненный воздух. Доля загрязненных подземных вод только в 2000—2013 гг.

¹ Global Risks 2015 (10th Edition). — Davos: World Economic Forum, 2016.

² Better Growth — Better Climate: The New Climate Economy Synthesis Report. The Global Commission on the Economy and Climate. — Washington DC: World Resources Institute, 2014. — P. 21.

увеличилась с 37 до 60%. В шести крупнейших речных системах Китая вода загрязнена на 85% их совокупной протяженности. Загрязнение почв, воды и воздуха является причиной преждевременной смерти 1,2 млн жителей страны ежегодно, не считая ущерба здоровью десяткам миллионов жителей¹.

Столь резкое и масштабное ухудшение качества окружающей среды, дополнительно осложненное последствиями глобальных климатических изменений, не могло негативно не сказаться на экономике и, по нашему мнению, является одной из ключевых причин торможения темпов экономического роста в Китае в последние несколько лет на 3,5–4 п.п. (по сравнению с предшествующими десятилетиями). Эти причины связаны, с одной стороны, с социально-экологическими последствиями указанного процесса, прежде всего с резким ухудшением качества жизни и условий жизнедеятельности человека, включая условия труда и отдыха экономически активного населения, которые непосредственно влияют на рост производительности труда. С другой стороны, с реакцией государства на эти стратегические риски устойчивости экономического роста и развитию общества в целом, вынуждая его внести значительные коррективы в существующую экономическую политику. Закономерно, что новый, XIII пятилетний план на 2016–2020 гг. и долгосрочная стратегия развития Китая смещают приоритеты с динамики темпов экономического роста — по официальным оценкам, среднегодовые темпы прироста ВВП должны сократиться в указанный период до 6,5%, а в 2021–2025 гг. — до 5,5%² — на качество роста. Последнее неразрывно связано с модернизацией хозяйственного комплекса, разработкой и широкомасштабным использованием инноваций, позволяющих обеспечить экологическую, социальную и экономическую устойчивость развития. Ценой перехода на эту новую стратегию и является вышеупомянутое снижение темпов экономического роста во втором десятилетии 2000-х гг.

Опыт второй экономики мира 1970-х — начала 2000-х гг. доказывает, что Россия не может и не должна выходить из сложившейся сложной экономической ситуации таким дорогим (в прямом и переносном смысле) путем, если ставит перед собой стратегическую цель долгосрочного устойчивого социально-экономического

¹ Green teeth // Economist. — 2014. — May 17th. — P. 52; Transparency in the haze // Economist. — 2014. — February 8th. — P. 47; Rich Chinese rent American wombs as rate of infertility soars // Times. — 2014. — February 1. — P. 4.

² См: Aiming low // Economist. — 2016. — March 12th. — P. 51.

развития и обеспечения национальной безопасности. Тем более, учитывая возрастающую роль фактора климатических изменений, последствия которого население и хозяйственные системы ряда российских регионов испытывают уже сейчас. И хотя в макроэкономическом измерении это, скорее, вызов более отдаленного будущего, тем не менее соответствующие меры по снижению климатических рисков должны быть предусмотрены уже сегодня при разработке стратегии долгосрочного устойчивого развития и обеспечения национальной безопасности.

Реализация указанной стратегии, несомненно, требует вначале преодоления экономического спада 2013–2015 и начала 2016 г. и восстановления экономического роста. По расчетам ученых Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН, это реально уже в 2016 г.¹, причем не за счет ухудшения качества окружающей среды и тем более качества жизни. В свою очередь, восстановление экономического роста создаст необходимые условия для решения в период 2017–2025 гг. задач структурно-технологической перестройки хозяйственного комплекса, предусматривающих модернизацию экономики и повышение эффективности производства, которые в более отдаленной перспективе (2025–2040 гг.) позволят обеспечить устойчивые и достаточно высокие среднегодовые темпы роста ВВП в 3–5%².

Вопреки укоренившимся среди части политиков и общественности из числа радикальных «зелёных» представлениям о разрушительном воздействии быстрого развития экономики на природу, высокие темпы роста — необходимое (хотя и недостаточное) условие эффективной экологической политики. Практика доказывает, что ущерб окружающей среде и здоровью человека наносит не рост производства как таковой, а устаревшие мощности и технологии, обновление которых является неотъемлемой частью политики как инновационной модернизации, так и ускорения экономического роста. При этом обеспечивается положительное влияние высоких темпов роста на состояние окружающей среды благодаря сокращению удельных выбросов загрязняющих веществ, которое, в свою очередь, связано с тем, что при соответствующей инвестиционной активности повышается качество роста, предполагающее повышение качественных параметров уровня жизни населения. На-

¹ Восстановление экономического роста в России. Научный доклад. Руководитель и отв. редактор академик В. В. Ивантер. — М.: ИНП РАН, 2016.

² Там же. С. 20, 29.

ряду с другими требованиями это подразумевает поддержание качества природного капитала, включая земельные и водные ресурсы, адаптацию к изменениям климата, а также сбережение здоровья нации на основе снижения смертности населения, улучшения условий труда и экологической обстановки¹.

Принципиально, что, как доказывают современные исследования, справедливо и обратное утверждение, а именно: развитие природоохранное законодательство и жесткое экологическое регулирование не являются существенным ограничением для конкурентоспособности², отражающей качество экономического роста; а также для роста производительности и занятости, которые определяют темпы экономического роста³. Тем самым, по сути, опровергается известная гипотеза «тихой гавани для предприятий — источников загрязнения окружающей среды» (*pollution haven hypothesis*), согласно которой ужесточение природоохранного регулирования в данной стране ведет лишь к росту издержек национальных производителей, побуждая их перевести свои производственные мощности в государства с более мягкими экологическими стандартами.

¹ Указ. соч. С. 29; *Ивантер В. В., Порфирьев Б. Н., Широков А. А., Мусеев А. К.* От антикризисных мер к структурной перестройке экономики. / Сб: О мерах по преодолению кризисных процессов в экономике России. Под общей ред. А. Г. Аксакова. Отв. ред. М. С. Айрапетян. — М.: Издание Государственной Думы, 2015. — С. 56.

² Это положение было сформулировано более 20 лет назад М. Портером и К. ван дер Линде (см.: *Porter M. E. and van der Linde C.* Toward a new conception of the environment-competitiveness relationship. // *Journal of Economic Perspectives*. — 1995. — Vol. 9. — No 4. — P. 97–118) в виде гипотезы, которая была позднее в существенной мере подтверждена последующими исследованиями. См.: *Ambec S., Cohen M. A., Elgie S. and Lanoie P.* The Porter Hypothesis at 20: can environmental regulation enhance innovation and competitiveness? // *Review of Environmental Economics and Policy*. — 2013. — Vol. 7(1). — P. 2–22; *Koźluk T. and Timiliotis C.* Do environmental policies affect global value chains? A new perspective on the pollution haven hypothesis. / *OECD Economics Department Working Papers*, No. 1282. — ECO/WKP(2016)6. — Paris: OECD Publishing, 2016. — 64 p.

³ См.: *Dechezprière A. and Sato M.* The Impacts of Environmental Regulation on Competitiveness Policy Brief. — London and Seoul: Grantham Research Institute on Climate Change and Global Green Growth Institute. — November 2014. — 24 p.; *Albrizio S., Botta E., Koźluk T. and Zipperer V.* Do Environmental Policies Matter for Productivity Growth? Insights from new Cross-Country Measures of Environmental Policies / *OECD Economics Department Working Paper* No 1176. — ECO/WKP(2014)72. — Paris: OECD Publishing, 2014. — 40 p.; *Botta E. and Koźluk T.* Measuring environmental policy stringency in OECD countries: A composite index approach / *OECD Economics Department Working Papers*, No. 1177. — Paris: OECD Publishing, 2014. — 48 pp.; *Green tape // Economist*. — 2015. — January 3rd. — P. 59.

Это, в свою очередь, ведет к сокращению занятости, выпуска продукции, а также экспорта и конкурентоспособности продукции.

В частности, согласно новейшему докладу ОЭСР, в странах ЕС со строгим экологическим законодательством, которое за последние 20 лет ужесточилось (Дания, Германия и Швейцария), связанный с этим рост издержек в ТЭКе, черной металлургии и химической промышленности был невелик и более чем компенсировался выгодами, полученными благодаря упомянутому ужесточению экологически более чистыми видами экономической деятельности, прежде всего машиностроением и электроникой¹. Это означает, что по мере ужесточения международных и национальных экологических и климатических норм — что и происходит в усиливающемся режиме на самом деле, в том числе в связи с необходимостью реализации Парижского соглашения по климату 2015 г., — конкурентоспособность компаний и экономик государств, сумевших адаптироваться к этим изменениям (не говоря уже о лидерстве), будет возрастать, тогда как отстающие, напротив, будут терять свою долю на рынке. Кроме того, более строгое законодательство в сфере защиты окружающей среды и смягчения последствий изменений климата будет способствовать технологической модернизации производства, ускорению инновационных процессов, что позитивно скажется как на качестве жизни, так и на темпах и качестве экономического роста.

Перечисленные характеристики соответствуют широкой трактовке так называемой «зелёной» экономики, рассматриваемой экспертами ООН как хозяйственная деятельность, «которая повышает благосостояние людей и обеспечивает социальную справедливость, существенно сокращая при этом риски для окружающей среды и обеднение природы»². Таким образом, говоря образно, «зелёная»

¹ Так, прирост добавленной стоимости в экспорте из указанных стран ЕС в страны БРИКС (в которых строгость экологического законодательства за последние 20 лет в целом не возросла или была немного ослаблена) первой из упомянутых выше группы товаров превысил в докризисный период 1995–2008 гг. 11 млрд долл. Если бы экологическая политика стран-экспортеров не была ужесточена, этот показатель был бы на 3% выше, однако в этом случае темп роста экспорта продукции второй группы товаров оказался бы на 3% меньше. См.: *Koźluk T. and Timiliotis C. Op. cit.* — P. 15.

² См: Навстречу «зелёной» экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности. Обобщающий доклад для представителей властных структур. Резюме. Найроби: ЮНЕП, 2011. — С. 50; Модернизация России: социально-гуманитарные измерения / Под ред. академика Н. Я. Петракова. — М.-СПб.: Нестор-История, 2011. — С. 281–292.

экономика — не мода, а модус, т.е. образ жизни и способ воспроизводства, диктуемый экологическими, социальными и технологическими условиями и требованиями начала XXI в.

Указанные требования, которые академик Н. Н. Моисеев в 1980-е гг. именовал экологическим императивом и которые сегодня точнее называть эколого-климатическим, или «зелёным», императивом, уже являются значимым фактором модернизации и инноваций в мировой экономике. В перспективе же его роль будет если не приоритетной, то как минимум паритетной по отношению к человеческому капиталу, не говоря уже о денежном капитале. Это подтверждается высокой наукоемкостью разработок и высоким уровнем технологичности «зелёных» производств, обеспечивающих ускоренный переход к новому (шестому) технологическому укладу, который будет определять лицо мирового хозяйства и конкурентоспособность национальных экономик, вероятно, уже в середине нынешнего века¹.

Таким образом, «зелёный» императив означает важные позитивные структурные и технологические перемены в экономике, за которые, как и за все, надо платить. Процесс вышеупомянутого перехода достаточно капиталоемкий и сопряжен с существенными рисками, что объясняет, почему стратегически столь важный процесс движется не так быстро, как хотелось бы, причем даже в развитых и наиболее передовых развивающихся странах, не говоря о современной экономике России. В то же время, вероятно, более важен сам вектор модернизации и особенно связанные с экоиновациями технологические и логистические цепочки и обусловленные ими мультипликативные эффекты, охватывающие практически все секторы и сферы экономики.

При этом большинство экоиноваций, как и инноваций в целом, представляют собой синтез традиционных технологий (например, фильтрационных и сорбционных) и новых разработок (веществ, материалов и т.д.) и в меньшей степени связаны с единичными прорывными технологиями. Это подтверждается, в частности, анализом патентной статистики, который недавно опубликовал авторитетный британский журнал *Economist*: в начале XXI в. инновационные подъемы и рывки в основном осуществляются именно через синтез технологий, а не через единичные прорывные технологии, составлявшие ядро прежних промышленных революций.

¹ Порфирьев Б. Н. «Зелёная» экономика: общемировые тенденции и перспективы // Вестник РАН. — 2012. — Том 82. — № 4. — С. 323–344.

Подчеркнем, что влияние «зелёного» фактора модернизации проявляется не только в реальном секторе экономики, но и в ее финансовом секторе, в виде инновационных финансовых инструментов, таких как углеродные рынки (биржи), углеродные налоги, «зелёные» облигации и ценные бумаги, обеспеченные активами (ABS), и др., которые не существовали еще 4–5 лет назад. И хотя эти инновации занимают пока более чем скромное место на финансовых рынках — например, выпуск «зелёных» облигаций и ABS меньше 0,2% от рынка корпоративных облигаций, — тем не менее ежегодный рост такого выпуска выражается двузначными числами. По некоторым оценкам, уже в ближайшее пятилетие можно ожидать, что до 20% нового выпуска обязательств составят «зелёные» облигации.

Возвращаясь реальному сектору экономики и вопросам наукоемкости «зелёных» производств, подчеркнем, что наиболее показательным в этом плане является ядро «зелёной» экономики — энергетика. Там же наиболее ярко проявляется интеграция решений собственно экологических и климатических проблем, учитывая, что в обоих случаях ключом к решению является снижение выбросов соответственно загрязняющих веществ и парниковых газов. Наибольший прогресс достигнут и далее ожидается в области повышения энергоэффективности и развития возобновляемых источников энергии (ВИЭ).

Что касается энергоэффективности, в кратко- и среднесрочной перспективе для вышеупомянутого перехода от нынешних низких темпов к устойчиво высоким темпам экономического роста представляется необходимым изменение приоритетов государственной политики в реальном секторе экономики со снижения энергоёмкости ВВП, выдвигающего на передний план задачу экономии энергии, на увеличение энергопроизводительности, подразумевающее рост выпуска продукции (на уровне национальной экономики — ускорение темпов экономического роста) на единицу использованной энергии¹. Учитывая, что увеличение энергопроизводительности является необходимым условием повышения производительности труда, указанное изменение приоритетов в области энергоэффективности означает смещение акцентов государственной политики: с экономии энергоресурсов, которые в условиях России не являются

¹ *Башмаков И. А.* Российский ресурс энергоэффективности: масштабы, затраты, выгоды // Вопросы экономики. — 2016. — № 2. — С. 71–89; *Порфирьев Б.* Выбор стратегического приоритета (ключ к модернизации в рациональном использовании ресурсов) // Независимая газета. — Приложение «НГ - Энергия». — 13 декабря 2011 г.

фактором ограничения роста экономики, на трудосбережение (экономии трудовых ресурсов) — несомненно, критически значимый фактор экономического роста. В сфере услуг, прежде всего ЖКХ, в кратко- и в долгосрочной перспективе приоритетной экономической и экологической задачей остается энергосбережение — не как экономия ради экономии, а как рациональное использование энергоресурсов при обеспечении приемлемого уровня комфортности для населения¹.

Для России последнее обстоятельство важно вдвойне, учитывая, что существующая энергетика базируется на углеводородах, эффективность извлечения и использования которых оставляет желать много лучшего, при этом масштабные потребности страны в распределенной генерации (2/3 территории и 1/7 населения России) и огромный потенциал ВИЭ остаются «пасынками» государственной энергетической политики. Указанный потенциал охватывает не только соответствующие энергетические ресурсы (солнца, воды, биомассы и т.д.), но существующие технологические заделы. Так, имея всего лишь 0,3% в мировом количестве выданных патентов, такая же доля в области гидроэнергетики на порядок выше и составляет 4%. Есть перспективные инновации и в области биотоплива второго поколения.

Уже упоминавшиеся выше масштабные потребности в распределенной генерации, в первую очередь в удаленных, энергоизолированных районах российской Арктики, диктуют необходимость инноваций в сетевом хозяйстве, прежде всего в развитии микросетей. Показательно, что мировым лидером по их использованию является штат Аляска в США. Представляется весьма полезным присмотреться и использовать этот опыт в отечественной Арктике, учитывая как историческую и природно-климатическую общность обоих макрорегионов, так и специфику и стратегические приоритеты арктической политики в России.

Еще одна перспективная сфера «зелёной» модернизации в России — строительство. Прежде всего, речь идет о «зелёных» строительных стандартах, которые пока во многом заимствуются из практики развитых стран, но уже появляются и собственные системы сертификации². Тем не менее в настоящее время использование ука-

¹ Ивантер В. В., Порфирьев Б. Н., Широков А. А., Моисеев А. К. Указ. соч. — С. 56.

² Порфирьев Б. Н., Дмитриев А. Н., Владимирова И. Л., Цыганкова А. А. Системы сертификации по стандартам «зелёного строительства» в мире и в России // Стандарты и качество. — 2015. — № 10. — С. 26–31.

занных стандартов в России — пока экзотика, касающаяся единичных зданий и сооружений в крупнейших мегаполисах. Тем не менее эту экзотику можно и нужно трансформировать в масштабную практику, принимая во внимание то, что сердцевиной «зелёного» строительства в целом и стандартов в первую очередь является решение проблемы повышения энергоэффективности зданий и сооружений. В особенности повышение энергосбережения, которое является приоритетной проблемой в той же российской Арктике.

Особого внимания заслуживает тема «зелёной» модернизации в агропродовольственном комплексе. Благодаря широкому использованию современных, менее ресурсоемких и более производительных технологий и увеличению инвестиций в природный капитал «зелёная» агроэкономика обеспечивает четверной дивиденд¹. Во-первых, повышение продуктивности и ускорение темпов роста производства, которое является императивом для преодоления экономического спада в кратко- и среднесрочной перспективе и обеспечения продовольственной безопасности — на долгосрочную перспективу. Во-вторых, снижение ресурсоемкости, экологических издержек производства, нагрузки на здоровье человека и окружающую среду², что благоприятствует улучшению качества жизни населения и повышению эффективности производства. Особое значение при этом имеет снижение водоемкости и повышение интенсивности водопользования, а также уменьшение загрязнения воды пестицидами, удобрениями, ГСМ и др. средствами сельскохозяйственного производства. В-третьих, комплексное использование ресурсов и смягчение проблемы сельскохозяйственных отходов. Россия располагает огромными ресурсами побочной продукции растениеводства и животноводства, которые могут использоваться и частично уже используются как биотопливо. Крупнейшая в стране биогазовая установка «Лучки» мощностью 2,5 МВт в Белгородской области уже позволяет ежегодно обеспечивать переработку свыше 45 тыс. т свиноводческих стоков и отходов мясопереработки в 67 тыс. т первоклассных органических удобрений, обеспечивая при этом выработку почти 20 млн кВт·ч электрической и свыше 18 тыс. Гкал тепловой

¹ Аганбегян А. Г., Порфирьев Б. Н. Замещение импорта продовольствия и развитие «зелёной» агроэкономики как стратегические ответы на антироссийские секторальные санкции // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. — 2015. — № 2. — С. 16–27.

² Включая в дополнение к сокращению нагрузки на экосистемы и снижение загрязнения среды также сокращение вышеупомянутых выбросов парниковых газов, которые в АПК составляют 6% от общероссийского объема их эмиссии.

энергии, тем самым доказывая комплексный характер «зелёного» решения одновременно экономических, экологических и энергетических проблем. В-четвертых, обеспечение «разумного» импортозамещения и повышение конкурентоспособности отечественной сельскохозяйственной продукции, закрепление и завоевание новых ниш в глобальной цепочке и на мировом рынке производства продовольствия. Имеющийся агроэкологический потенциал и инфраструктура позволяют аграриям более чем 2/3 субъектов Российской Федерации производить экологически чистые продукты (молоко, мясо), спрос на которые, по некоторым оценкам, достигает не менее четверти внутреннего продовольственного рынка. Использование получаемых от развития «зелёной» агроэкономики преимуществ в сфере неценовой конкуренции наряду с сокращением отставания по производительности труда и положительными сдвигами в сфере ценовой конкуренции могли бы обеспечить не только существенное повышение доли импортозамещения, но и заметно улучшить перспективы продовольственного экспорта страны.

Подчеркивая перспективность и эффективность «зелёных» технологий и производств в инновационной модернизации экономики России, вместе с тем следует иметь в виду имеющиеся ограничения и риски. В частности, они касаются приоритетов развития энергетики. Вслед за активным продвижением ВИЭ в международной практике некоторые отечественные ее энтузиасты видят в развитии альтернативной энергетики панацею от всех проблем в этой сфере. Однако реальность свидетельствует о том, что при огромном потенциале и экономической целесообразности и социальной выгоде развития распределенной генерации во многих регионах России она в обозримой перспективе не решает проблему достаточности и комфорта энергообеспечения в городах, особенно крупных и мегаполисах, в которых проживает более половины населения страны. Что касается тех российских регионов, где развитие ВИЭ оправдано существующей ресурсной базой, технологическими и финансовыми возможностями, в масштабах национальной экономики приоритет принадлежит не солнечной и ветровой генерации — которая в этом плане является лидером в большинстве развитых и ряде развивающихся стран, — а малой гидроэнергетике и использованию биомассы. Если рассматривать проблему альтернативной (углеводородной) энергетики шире, выходя за пределы ВИЭ и включая низкоуглеродные источники энергии, то — опять-таки в отличие от приоритетов развитых экономик — нельзя недооценивать значимость АЭС. Атомная энергетика — органическая часть атомно-

промышленного комплекса, являющегося стратегическим ресурсом инновационного развития России и одной из ключевых подсистем системы национальной безопасности страны.

Что касается «зелёной» агроэкономики, подчеркивая перспективность развития органического сельского хозяйства, в то же время не следует его противопоставлять существующей неоклассической индустриальной системе агропроизводства, учитывая фактор инерционности и ценовые разрывы между «традиционными» и органическими продуктами питания, которые составляют от 2 до 100 раз. На достаточно продолжительную перспективу представляется необходимым синтез или сбалансированное развитие обоих типов сельского хозяйства: образно говоря, органическое земледелие и животноводство должны органично вписаться и стать важной частью существующего АПК. Хорошей иллюстрацией такого подхода может служить приведенный выше пример Белгородской области, в которой благодаря вводу биогазовой станции значительно увеличилось производство органических удобрений и экологически чистого продовольствия, но при этом минеральные удобрения по-прежнему широко используются.

Контрпродуктивным также было бы жесткое противопоставление органического и генно-инженерного типов сельского хозяйства. Последнее также правомерно считать частью «зелёной» агроэкономики, по крайней мере в части производства с применением ГМО технических культур, принимая во внимание существенно меньшую — по сравнению с традиционным, использующим гербициды и пестициды, производством — нагрузку на водные ресурсы и почвенные экосистемы. В отношении производства продовольствия с использованием ГМО, по вопросу безопасности которого продолжаются активные дискуссии специалистов, представляется необходимым продолжить научные исследования с тем, чтобы получить надежный ответ на этот жизненно важный вопрос. Эти исследования — основа развития инновационных технологий, без которых невозможно обеспечить импортозамещение, устойчивое производство продовольствия на долгосрочную перспективу и которые составляют ядро «зелёной» агроэкономики.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

А. К. Рассадина¹,

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ НА ОСНОВЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ

Причины сокращения промышленной сферы в Европе и США, имевшего место в последние десятилетия, принципиально отличаются от причин деиндустриализации российской экономики постсоветского периода, явившейся следствием экспортно-сырьевой ориентации экономического развития. Дальнейшее существование в рамках данной модели ведет к сохранению депрессивного состояния экономики и представляет угрозу национальной безопасности страны. В статье рассматривается один из двух альтернативных подходов к изменению стратегии экономического развития России, в основе которого лежит реиндустриализация в рамках структурной перестройки и диверсификации экономики. При этом обосновывается необходимость применения промышленной политики для осуществления столь сложной структурной трансформации. На базе изучения западных и российских экспертных оценок и эмпирических данных автор анализирует причины и возможности западной и российской реиндустриализации, а также обосновывает необходимость новой индустриализации на основе развития высоких технологий и инноваций — в качестве необходимого условия устойчивого экономического роста.

Ключевые слова: реиндустриализация, промышленная политика, инновационное развитие, структурная трансформация, латентное преимущество.

REINDUSTRIALIZATION ON THE BASIS OF INNOVATIVE DEVELOPMENT: FOREIGN EXPERIENCE AND RUSSIAN REALITY

The reasons for reduction of industrial sphere in European countries and in the USA during last decades considerably differ from those in Russia during

¹ Рассадина Алла Константиновна, к.э.н., старший научный сотрудник экономического факультета; e-mail: rassalla20@yandex.ru

post-soviet period. The main reasons of Russian deindustrialization lie in the export–raw orientation of economic development. Further existence in such an economic development model leads to the conservation of economic depression and poses threat to national security. The paper depicts one of the two alternative approaches to the change of Russian economic development strategy, based on reindustrialization within structural transformation and diversification of economy. Such complicated structural transformation may be possible in case of competent industrial policy implementation. Basing on western and Russian expert estimates, we study the reasons and possibilities of western and Russian reindustrialization and prove the new high-technological innovative industrialization — as a necessary condition for sustainable economic growth.

Key words: reindustrialization, industrial policy, innovative development, structural transformation, latent advantage.

Введение

Рецессия, которую переживает в настоящее время российская экономика, обусловлена внутренними, накопившимися за долгие годы причинами и лишь усилена внешними факторами — падением нефтяных цен, санкциями и общим ухудшением геополитической ситуации. Сегодняшний кризис наглядно показывает, что модель экономики, главной целью которой является поддержание сырьевой ренты, не имеет ничего общего с развитием [Губанов, 2014, с. 16] и порождает только стагнацию и все большее отставание нашей страны от высокоразвитых государств. Формальные показатели благополучия в период быстро растущих цен на энергоносители лишь маскировали глубинные системные причины будущих проблем, вскоре продемонстрировавших уязвимость российской экономики.

Главная проблема, которую необходимо решать, состоит не в ценах на нефть и даже не в зависимости от них, а в причинах этой зависимости. К сожалению, в течение всего периода высоких цен на сырье экономическая политика правительства не была направлена на использование в должной степени преимуществ получения огромной сырьевой ренты для реальной модернизации экономики, диверсификации ее структуры, перевода в русло высокотехнологичной реиндустриализации. Да это и не представляется возможным в рамках существующей модели развития. Более того, продолжалось сокращение промышленного производства.

Необходимость перехода к более прогрессивной модели развития, способной обеспечить устойчивый экономический рост и по-

высить конкурентоспособность российской экономики, сегодня уже никто не отрицает. Однако подходы к выработке новой стратегии развития, ее принципам, равно как и путям выхода из тяжелейшей кризисной ситуации, принципиально отличаются друг от друга.

Первый подход, который принято называть либеральным, основывается прежде всего на либерализации в качестве главного средства реформирования российской экономики (А. Кудрин, Е. Гурвич, В. Мау, Б. Титов и др.). Основной причиной сегодняшней рецессии его сторонники считают слабость рыночных механизмов, а в качестве основы новой стратегии предлагают радикальное сокращение нерыночного сектора и бремени государственного регулирования [Кудрин, Гурвич Е., 2014, с. 16, 21, 33].

Многое из того, что предлагается приверженцами указанной точки зрения, уже применялось в нашей стране в постсоветский период, когда акцент делался на рыночное саморегулирование, и принесло в основном отрицательные результаты. По существу, сторонники данного направления предлагают лишь сократить нефтяную зависимость экономики, серьезно реформировав прежнюю экономическую модель.

Существует альтернативная точка зрения, в основе которой лежит приоритет реиндустриализации экономики на базе высокотехнологического инновационного развития и стратегического или селективного планирования (С. Бодрунов, А. Бузгалин, С. Глазьев, С. Губанов, А. Колганов, К. Хубиев и др.). В условиях происходящего стремительного ухудшения экономической ситуации число сторонников этой точки зрения в научном сообществе растет, и мы ее также разделяем. В ее основе лежит справедливый, по нашему мнению, тезис о том, что именно беспрецедентная деиндустриализация, явившаяся следствием паразитирования экономики на извлечении сырьевой ренты, стала причиной усугубляющегося отставания нашей страны от высокоразвитых государств и нынешней рецессии.

Сторонники обоих подходов едины в необходимости ухода России от экспортно-сырьевой зависимости. Однако если первые в основе новой стратегии развития видят резкое сокращение государственного регулирования экономики [Кудрин, Гурвич, 2014, с. 16], то вторые — ее структурную трансформацию и реиндустриализацию на основе инновационного развития, т.е. не реформирование существующей модели, а полный отказ от нее и переход к новой прогрессивной модели развития.

Известно, что в процессе сокращения промышленного производства в наибольшей степени пострадали отрасли обрабатывающей промышленности и главным образом машиностроительный комплекс — т.е. базовые сегменты, которые являются драйверами экономического роста.

Доказательством продолжающейся деиндустриализации служат данные 2015 г., указывающие на снижение промышленного производства практически по всем его видам. Если в первом квартале 2015 г. общее снижение составило $-0,4\%$ по сравнению с аналогичным периодом 2014 г., то в последнем квартале 2015 г. этот показатель составил уже $-4,4\%$. Темпы снижения в четвертом квартале 2015 г. составляли примерно $0,3\%$ к каждому предшествующему месяцу. В целом же снижение объема производства промышленной продукции в ноябре 2015 г. по отношению к ноябрю 2014 г. составило $3,5$, а в декабре — уже $4,5\%$ [Центр..., 2016, с. 17].

Таблица

**Динамика промышленного производства в 2015 г.
по сравнению с аналогичными периодами 2014 г.
(темпы прироста, в %)**

	I кварт. 2015	II кварт. 2015	III кварт. 2015	IV кварт. 2015	10.2015	11.2015	12.2015
Промышленное производство (в среднем за месяц)	-0,4	-4,9	-4,2	-3,9	-3,6	-3,5	-4,5
Обрабатывающие производства	-0,6	-0,6	0,2	-0,6	-0,8	-0,6	-0,4
Товары инвестиционного спроса	-0,8	-1,3	-0,2	-1,6	-2,7	-0,7	-1,6

Источник: по данным Росстата. Рассчитано Центром макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования в 2016 г.

При этом надо отметить, что еще в докризисном 2012 г. стали снижаться темпы роста основных воспроизводственных параметров. Так, темпы роста инвестиций в основной капитал, являющиеся одним из основных показателей состояния экономики, уменьшились с 11% в 2011 г. до $6,6\%$ в 2012-м [Российский статистический ежегодник, 2013, с. 298].

Причины падения и возможности возрождения промышленного производства в нашей стране принципиально отличаются

от ситуации, связанной с деиндустриализацией в европейских странах и США. И, к сожалению, многие проблемы, связанные с возрождением нашей промышленности, больше похожи на те, которые стоят перед слаборазвитыми экономиками. Обратимся к опыту западных стран, а затем перейдем к обоснованию необходимости и возможных направлений российской реиндустриализации.

Сравнительный анализ реиндустриализации в ЕЭС и США

В последние годы западными экспертами активно обсуждаются вопросы, связанные с негативными последствиями сокращения промышленной сферы и необходимостью ее восстановления. Данный подход был отражен в качестве составной части стратегии европейского развития до 2020 г., в рамках которой была поставлена задача разработки промышленной политики, которая должна создать благоприятную среду для поддержания и развития сильной конкурентоспособной и диверсифицированной индустриальной базы в Европе [EU Commission, 2010].

В конце 2012 г. Европейская комиссия поставила задачу увеличения доли промышленного сектора в Европе к 2020 г. с 16 до 20%. Эти задачи были поставлены на фоне резкого сокращения доли промышленности в валовой добавленной стоимости во всех странах Европейского союза на протяжении 2000-х гг. Исключением явилась только Германия, где доля промышленности оставалась более или менее неизменной. Германия является единственной западноевропейской страной, где доля промышленности в валовой добавленной стоимости в 2012 г. была выше, чем в 2000 г. Хотя этот прирост и составил всего лишь одну десятую процента [Deutsche Bank Research, 2013, p. 4]. В остальных европейских странах доля промышленности в экономике падала, хотя и по-разному.

Основными факторами, способствовавшими снижению доли промышленности в странах ЕС, послужили: рост сектора услуг; вывоз производств за рубеж; снижение международной конкурентоспособности продукции соответствующих отраслей.

Последний фактор играл весьма значительную роль. Если Германия и Скандинавские страны сохраняют высокую конкурентоспособность своих товаров, то целый ряд других государств ЕС в этом плане значительно от них отстает.

Существует целый ряд причин, побуждающих европейские страны к возрождению промышленной базы своих экономик:

- известно, что именно отрасли обрабатывающей промышленности, и прежде всего машиностроение и станкостроение, в наибольшей степени продуцируют развитие высоких технологий и инноваций. Европейские правительства рассчитывают, что усиление национальной промышленной базы окажет благоприятный эффект на развитие исследовательского сектора, что, в свою очередь, будет стимулировать дальнейший рост в ней инновационной составляющей. Это приведет к увеличению доли добавленной стоимости в производимых товарах и услугах и будет способствовать росту их международной конкурентоспособности. Сегодня промышленный сектор в западноевропейских странах обеспечивает не менее — а часто и более — 60% вложений частного сектора в R&D (НИОКР). Однако эти показатели считаются недостаточно высокими, прежде всего в условиях растущей конкуренции с США и НИС [Deutsche Bank Research, 2013, p. 2];
- развитие мощной индустриальной базы требует наличия рынка соответствующей высококвалифицированной рабочей силы. Это стимулирует развитие рынков труда;
- развитие ключевых секторов промышленности, наиболее восприимчивых к инновациям (прежде всего отрасли машиностроения), способствует росту высокотехнологичных разработок в смежных отраслях промышленности и в сфере услуг. Эта тенденция является свидетельством того, что промышленное производство сегодня не является синонимом дымящих заводских труб — напротив, оно стимулирует развитие интенсивной исследовательской деятельности и является дружественным по отношению к окружающей среде;
- немаловажным является пример Германии, сумевшей значительно более легко справиться с финансово-экономическим кризисом по сравнению с большинством стран ЕС в значительной степени благодаря высокой конкурентоспособности своего промышленного производства. Этот пример явился наглядным аргументом в пользу развития последнего;
- рост производства высокотехнологической промышленной продукции открывает новые возможности для экспорта. Возрождение промышленного производства на базе высоких технологий позволяет рассчитывать на то, что западноевро-

пейские страны смогут лучше конкурировать на этом направлении со странами Юго-Восточной Азии и США.

Проблема усиления индустриальной сферы в последнее время актуальна не только в европейских странах, но и в США. По мнению Дж. Стиглица, корень зла кризиса, который случился в США в 2008 г., лежит не в банковском секторе, проблемы которого являлись лишь следствием накопившихся макроэкономических проблем, а в разрушении промышленности, продолжавшемся в течение десятилетий. Уменьшение рабочих мест в реальном секторе экономики США было впечатляющим — от примерно одной трети работников в общем числе рабочих мест 60 лет назад до соответственно приблизительно одной десятой — в настоящее время [Stiglitz, 2013]. Произошло это вследствие роста производительности труда в промышленности (что само по себе является положительным моментом) и катастрофического по своим масштабам вывода обрабатывающих производств за рубеж. Доля обрабатывающих отраслей промышленности в ВВП США только за период с 1990 по 2009 г. снизилась с 17 до 11%. Вместе с тем надо отметить, что за три года — с 2009 по 2012-й — промышленный сектор США переломил эту тенденцию, подняв, хоть и незначительно, свою долю в ВВП до 11,9% в 2012 г. [Deutsche Bank Research, 2013, p. 14].

Ключевым фактором проблем, накопившихся в экономике США и наиболее рельефно проявившихся в 2008 г., Дж. Стиглиц считает переход от развития экономики промышленности к преимущественному развитию экономики услуг. Если все американские работники, считает он, «будут заниматься стрижкой газонов, оказанием парикмахерских услуг, экспортом сырья и продажей продукции, произведенной в других странах, вряд ли это приведет к экономическому процветанию нации» [Stiglitz, 2013]. Несмотря на некоторое утрирование, это бесспорный факт, так как все перечисленные и подобные им виды деятельности не создают никаких материальных благ, но, в свою очередь, нуждаются в передовом оборудовании. В случае продолжения негативного тренда США, по его мнению, с большой долей вероятности будут постепенно превращаться в третью экономику мира, не будучи в состоянии поддерживать даже существующий уровень жизни, не говоря уже о его росте [Stiglitz, 2013]. Необходимую трансформацию Стиглиц видит в восстановлении роли промышленности в русле интенсивного развития креативной экономики, главным драйвером которой является развитие инновационной составляющей. В основе развития такой

экономики лежит формирование креативного класса работников [Florida, 200, p. 25].

Многие аналитики считают, что тенденция, связанная с реиндустриализацией в США, будет продолжаться и, более того, что они близки к тому, чтобы пережить длительный промышленный ренессанс [Boston Consulting Group, 2011]. В основе этой точки зрения лежит следующая логика. Вступает в силу фактор, противоположный тенденции, связанной со строительством дополнительных офшорных производств. Это связано со стремительным восстановлением преимуществ экономики США по себестоимости продукции по сравнению с развивающимися странами. Несмотря на то что и в настоящий момент оплата труда в Китае и других азиатских странах все еще значительно ниже американской, эти различия уменьшаются намного быстрее, чем разница в его производительности. Если в 2000 г. средняя заработная плата китайского работника в сфере промышленности составляла лишь 3% от соответствующей заработной платы в США, то к 2015 г. она составила примерно 15% [Deutsche Bank Research, 201, p. 15]. А цена на энергоносители и некоторые виды недвижимости в отдельных наиболее экономически развитых регионах Китая сейчас иногда даже выше, чем в США — в особенности в связи со снижением цен на энергоносители в результате расширения добычи там сланцевых месторождений нефти и газа. Так как себестоимость продукции на развивающихся рынках все еще значительно ниже, местный спрос там будет по-прежнему удовлетворяться за счет производств, размещенных в данном регионе. Однако в отношении товаров, которые реимпортируются оттуда в США, практика будет меняться и уже меняется. Это связано с тем, что реимпорт влечет за собой дополнительные издержки, связанные с транспортными и таможенными расходами. По данным журнала *The Economist*, себестоимость продуктов некоторых калифорнийских компаний сейчас только на 10% выше продукции соответствующих китайских компаний, если принимать в расчет транспортные и таможенные расходы [The Economist, 2013].

Другими факторами, способствующими новому тренду, могут стать более высокое качество и большая инновационная гибкость промышленного производства в США. Поэтому для американских компаний становится все более выгодным удовлетворять по крайней мере часть внутреннего спроса за счет собственного производства и создавать новые производственные мощности у себя дома. Сложно говорить сегодня именно о ренессансе, но падение доли

промышленного производства в ВВП США и вывод его за рубеж в настоящее время прекратились.

Очевидно, что сценарии американской реиндустриализации могут быть в меньшей степени применимы в Европе. Это связано с рядом причин, связанных прежде всего с тенденциями развития в ней промышленного производства, подходами к защите окружающей среды и т.д. Принципиально различались и пути вывода производств за рубеж. В то время как основная часть производственных мощностей, выведенных из США, была перемещена в Мексику, а также Китай, Индию и другие азиатские страны, большинство выведенных производств западноевропейских компаний было размещено в восточноевропейских членах ЕЭС. Это было выгодно в силу меньших затрат при условии к тому же отсутствия торговых барьеров в виде таможенных пошлин, отсутствия необходимости получения разрешения на рабочую силу, разницы в стандартах и т.д. В 2012 г. немецкие компании, выведившие свои производства за рубеж, 61% всей продукции производили в Германии, 21% – в других европейских странах и только 8% в странах Азии [Deutsche Bank Research, 2013. р. 15]. Похожая ситуация сложилась и в других развитых европейских странах. Поэтому им вряд ли удастся существенно расширить долю промышленного сектора только за счет возвращения промышленности из стран за пределами Европейского континента. Возвращение же из третьих европейских стран не рассматривается.

Существует еще одно существенное различие, связанное с развитием американской и европейской промышленности в целом и влияющее на возможности реиндустриализации. Издержки европейских компаний значительно отличаются от американских в пользу последних. Это связано с рядом причин. Рост производительности труда в США в последние несколько лет был выше, чем в большинстве европейских стран. Кроме того, издержки производства в Европе выше в связи с тем, что норма эксплуатации рабочей силы в европейских странах ниже американской — расходы на оплату труда в ряде ключевых европейских государств часто превышают американские показатели, хотя эти значения сильно дифференцируются по ЕС. Похожая ситуация имеет место и в энергетическом обеспечении. Издержки на оплату электроснабжения в европейских компаниях как минимум в два раза выше, чем в США. По газу разница еще больше. Вследствие всего этого получается, что только в небольшом числе случаев ЕС, в отличие от США, удалось улучшить свою конкурентоспособность в сфере издержек производства по сравнению со своими производствами вне Европейского континента.

нента. И тем не менее тенденция вывода производств из европейских стран также значительно сократилась в последние годы. Так, в 2006 г. 15% немецких промышленных компаний заявляло о том, что по крайней мере часть своего производства они вывели в третьи страны за предыдущие два года. В 2012 г. эта цифра снизилась до 8%. Эта тенденция проявилась еще более отчетливо в отношении секторов, в которых объем вывода за рубеж был выше средних значений. Например, в отраслях, связанных с металлообработкой и электрическим машиностроением, только 11% фирм Германии выводили хотя бы часть своего производства в третьи страны в 2010–2011 гг. За двухлетние периоды между 1990 и 2000 гг. соответствующий показатель превышал 25% [Deutsche Bank Research, 2013, p. 17].

Существует еще одно существенное отличие стран Евросоюза от США в сфере промышленного развития и реиндустриализации как одного из его аспектов. Оно состоит в том, что, несмотря на высокий уровень высокотехнологичной и инновационной составляющей европейской индустриальной базы, в целом она все же проигрывает США, прежде всего в силу неоднородного состава Европейского союза, в котором существует значительная дифференциация уровней экономического развития между различными странами. США же, в отличие от Европы, представляют собой единое государство, и им соответственно проще обеспечить более высокую концентрацию наукоемких технологий и инноваций. Не случайно, несмотря на то что промышленная сфера в наиболее экономически развитых европейских странах основывается преимущественно на высокотехнологичном производстве, в качестве основной задачи в рамках реиндустриализации в Евросоюзе называется развитие инноваций. Являясь усилителем роста технологической составляющей промышленности, именно развитие инноваций, включая фактор человеческого капитала, рассматривается в качестве необходимого условия роста конкурентоспособности европейской продукции на мировых рынках. В настоящее время в среднем по группе стран, состоящей из Германии, Швеции, Великобритании, Ирландии и Франции, более 30% работников, занятых в отраслях промышленности, работают в высоко- и среднетехнологичных отраслях. И именно технологически емкие отрасли промышленности стали главными драйверами европейского экономического роста в последние годы. Если в середине 2013 г. общий выпуск промышленной продукции был все еще на 11% ниже соответствующего объема начала 2008 г., то выпуск именно **высокотехнологичной** продукции в стоимостном выражении

уже к 2011 г. восстановил прежний, докризисный уровень [Deutsche Bank Research, 2013, p. 15].

Причины деиндустриализации и возможности возрождения промышленного производства в нашей стране принципиально отличаются от ситуации в европейских странах и США. И, к сожалению, многие проблемы, связанные с возрождением промышленной базы российской экономики, больше похожи на те, которые стоят перед слаборазвитыми государствами. В западных странах основными причинами деиндустриализации были гипертрофированный рост сферы услуг и вывод производств за рубеж. В нашей стране основной причиной стало паразитирование экономики на сырьевой ренте и незаинтересованность государственных и частных компаний в модернизационном развитии. Это значительно усложняет проблему быстрого восстановления промышленности и достижения ею международной конкурентоспособности.

Реиндустриализация российской экономики: главные проблемы и возможные решения

Сложности реиндустриализации российской экономики связаны с масштабностью задач в условиях ограниченности ресурсов, которые усугубляются общей неблагоприятной обстановкой, как внешней (экономические санкции и контрсанкции, низкие цены на нефть и пр.), так и внутренней (кризис управления, высокая степень коррупции, слабая правовая база и т.д.). Поэтому принципиально важно определить, следует ли фокусировать внимание на развитии **текущих преимуществ** экономики или сосредоточиться на **стимулировании инвестирования в высокопродуктивные высокотехнологичные отрасли**, способные стать конкурентными лишь в долгосрочной перспективе [Lin, 2012, p. 287–289]. С нашей точки зрения, необходимо сбалансированное применение обоих подходов. Иными словами, принципиально важным является взвешенное определение исходных пунктов новой индустриализации, ее общей направленности, этапов ее реализации [Хубиев, 2015, с. 13] и, что представляется особенно критичным, правильного выбора приоритетов. Сложно себе представить, что все эти задачи могут быть выполнены при уменьшении регулирующей роли государства, без применения грамотной промышленной политики.

С нашей точки зрения, главный приоритет в процессе структурной трансформации должен состоять прежде всего в создании высокотехнологичной индустрии на основе наукоемкого производства

продукции с высокой долей добавленной стоимости. Для России приоритет высокотехнологичной диверсификации экономики является исключительно важным. Между тем наиболее серьезной проблемой, значительно затрудняющей решение этой задачи, является то, что в постсоветский период так и не произошло настоящего поворота к развитию высоких технологий и человеческого капитала. То, что было сделано в последние годы, абсолютно недостаточно. Вместе с тем новая индустриализация может стать основой устойчивого экономического роста только в случае, если она будет основываться на инновационном развитии.

Решением вопроса, по нашему мнению, может быть точечное применение высоких технологий в наиболее прорывных секторах, которые имеют наибольший потенциал достижения международной конкурентоспособности. В этой связи весьма показателен опыт стран Юго-Восточной Азии. Как известно, ориентация на наращивание экспорта высокотехнологичной продукции явилась основным драйвером их ускоренного экономического роста. При этом регулирующая роль государства имела принципиальное значение. Так, предоставление частным компаниям различных, в том числе налоговых, привилегий было поставлено в прямую зависимость от их экспортной деятельности. В Южной Корее, например, неудача в достижении целей по экспорту имела шанс закончиться не только потерей компанией субсидий, но и передачей предприятия другому промышленному конгломерату (*chaebol*). Там, где угроза применения такой принудительной практики становится реальной, компании получают побудительные стимулы для повышения своей конкурентоспособности. Правда, такие инструменты государственной промышленной политики эффективны только в том случае, когда существует справедливость и честность в отношениях между государством и бизнесом [A World Bank Policy..., 1993, p. 15]. В странах же, где господствует система отношений, основанная на фаворитизме и коррупции, существует риск того, что принудительная практика такого рода будет превращаться в рейдерские захваты, а результаты могут быть «перехвачены» конкретными заинтересованными группами. Зачастую эти группы бывают весьма близки к властным структурам.

Применительно к нашей стране на начальном этапе более рациональной представляется концентрация усилий на подъеме секторов и отраслей, **уже** имеющих наибольший потенциал роста конкурентоспособности и в то же время в большей степени восприимчивых к высоким технологиям, — например, авиастроения, двигателестро-

ения, производства грузовых машин, электротехнического оборудования, на производствах, связанных с глубокой переработкой нефти, инфраструктурных комплексах и т.д. Планово-селективная поддержка таких высокотехнологичных секторов и проектов с большей степенью вероятности будет способствовать доведению их до уровня международной конкурентоспособности. Положительным примером движения в этом направлении сегодня является проект «Иркут МС-21» по производству современного ближне- и среднемагистрального пассажирского самолета. В его основе лежит производство высокотехнологичного авиадвигателя ПД-14, на котором будет базироваться разработка целого семейства новых двигателей. Проект предусматривает будущий экспорт продукции в страны Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, а впоследствии в Европу.

Двигателем реиндустриализации в России могут стать крупные компании оборонного комплекса, получающие сейчас существенные финансовые средства и в наибольшей степени восприимчивые к высоким технологиям. Эти компании по определению имеют значительно больший потенциал конкурентоспособности, так как изначально исходят из соображений глобальной конкуренции. При этом их развитие предполагает увеличение спроса на продукцию смежных отраслей, прежде всего машиностроительного комплекса. Это стимулирует развитие последнего, в том числе предприятий среднего и малого бизнеса. Однако кооперационные связи в сфере машиностроения развиты пока слабо. Без грамотного применения промышленной политики ни доведение до уровня конкурентоспособности имеющихся, ни создание новых видов деятельности, основанных на высоких технологиях, ни их кооперация не представляются возможными. К сожалению, именно в данном направлении промышленная политика выглядит достаточно спонтанной и неопределенной. Это объясняется прежде всего отсутствием системного выбора стратегических приоритетов в определении тех самых отраслей и производств, которые имеют «латентные» сравнительные преимущества в плане инновационного развития и достижения международной конкурентоспособности. Функцией государства является создание условий для использования этих преимуществ. При этом очень важен селективный подход, так как продвижение экономически неперспективных проектов приведет к потере ограниченных финансовых ресурсов. Необходимым условием минимизации подобных рисков является применение стратегического или как минимум селективного планирования данных процессов [Бузгалин, Колганов, 2016, с. 76].

Инновационное развитие — основа высокотехнологичной индустриализации

Имеется целый ряд причин, затрудняющих инновационное развитие в нашей стране. Известно, что в любом случае инвестиции, связанные с инновациями и широким переливом интеллектуальных знаний, сопряжены с высоким риском для инвестора. Банки не заинтересованы в финансировании компаний, занимающихся реализацией рискованных проектов. А без такого финансирования инновационное развитие становится невозможным. Применительно к Российской Федерации проблема усугубляется тем, что у нас не работает в должной степени долгосрочное государственное стратегическое планирование, что, в свою очередь, еще больше увеличивает корпоративные и банковские риски. В итоге реальный сектор и прежде всего обрабатывающие отрасли промышленности не получают «задела на долгосрочное инновационное развитие, а ориентируются в своих сценариях развития исключительно на экстраполяцию сиюминутного конъюнктурного состояния» [Марьясис, 2015, с. 202]. Тот спрос на инновации, который назрел в реальном секторе, «питает своими деньгами чужие инновационные системы. А отдельные малые компании, разрозненные творческие коллективы — «островки инноваций», — которые у нас есть, «вынуждены встраиваться в чужие бизнес-схемы. Чужие, в смысле не российские» [Рожков, 2009, с. 728].

Ситуацию не улучшает и то, что на рынке доминируют крупные предприятия, которые стараются, «если осознают в этом необходимость, новые технологии создавать внутри, не всегда имея для этого достаточную компетенцию. В итоге экономическая эффективность этих предприятий не повышается и не происходит развитие малых предприятий» [Демидов, 2013, с. 26]. В то же время недостаточное развитие малого и среднего инновационного предпринимательства и, в частности, стартапов признается многими экспертами в качестве еще одного фактора, в значительной степени тормозящего инновационные процессы. Между тем опыт целого ряда стран, и прежде всего США и Израиля, свидетельствует о том, что некоторые стартапы, специализирующиеся на разработке какой-то одной технологии, вырастают потом в крупные корпорации. Известный пример — компания HP. Сегодня в России наблюдается негативный тренд в отношении развития стартапов, так как в связи с недостаточностью финансирования им стало еще более затруднительно разворачивать свою деятельность.

Весьма эффективным, в том числе и в решении подобных проблем, было государственное стимулирование инновационного развития в Израиле. Оно основывалось на трех основных принципах:

- НИОКР — важный элемент технологической цепочки, целью которого является создание новейших видов продукции, что может обеспечить стране мировое лидерство в какой-то конкретной, пусть и небольшой нише. То есть высокотехнологичный экспорт в Израиле, как и в НИС, назывался и называется сейчас в качестве экспортной стратегии страны;
- поощрение конкуренции внутри страны во всех сегментах инновационной экономики;
- роль государства — всемерное стимулирование развития НИОКР в различных отраслях, особенно если существуют провалы рынка, без непосредственного в него вмешательства.

Принципиальным моментом такой политики было предоставление государственного финансирования только в том случае, если компания проводит НИОКР и организует производство на территории Израиля, а за рубеж продает конечную продукцию. Передача результатов, которые получены в результате государственного субсидирования НИОКР, за рубеж **запрещалась**. В случае успешного выполнения проекта, когда начинаются продажи продукта на рынке, получатель финансирования обязан выплачивать государству роялти [Марьясис, 2015, с. 7]. Таким образом, не вмешиваясь напрямую в экономические процессы, правительство Израиля осуществляло и продолжает осуществлять активное грамотное регулирование инновационного развития, в том числе с использованием протекционистских мер и методов экономического принуждения, позволившее стране стать одним из мировых лидеров в этой области.

В связи с объективной сложностью задач по осуществлению высокотехнологичной реиндустриализации в России и множеством сопутствующих негативных условий принципиальным моментом в применении промышленной политики в данном направлении является нахождение правильного баланса функций государства и частных агентов. Безусловно, при недопустимости грубого административного вмешательства и излишней бюрократизации следует тем не менее понимать, что именно государство обязано взять на себя лидирующую роль по слову существующей модели развития и переходу к прогрессивной модели, способной обеспечить устойчивый экономический рост.

Существуют две альтернативные стратегии осуществления государственной промышленной политики. Первая, которую называют стандартной, состоит в том, что правительство планирует развитие определенных стратегических отраслей промышленности, выбирая конкретные виды продукции и продуктовые ниши. После этого оно принуждает рыночными и нерыночными способами заходить туда частные компании [Atkinson, Ezell, 2012, p. 133–150].

Вторая стратегия состоит в фокусировании на регулирующей роли государства в качестве гибкого стимулирующего агента [Марьясис, 2015, с. 29]. В этом качестве его роль состоит в поощрении частного бизнеса к работе в технологически интенсивных сферах и активному сотрудничеству с государством и друг с другом. Правительство же берет на себя создание широкого спектра технологических возможностей, включая подготовку высококвалифицированных кадров. То есть во главу угла ставится обеспечение государством конкретной мотивации частных агентов начать свою деятельность в отраслях экономики, базирующихся на инновационной активности. При этом важно, чтобы существовало определенное разделение труда между ним и частными игроками, «где каждая сторона берет на себя решение определенных задач во имя достижения общей цели — устойчивого экономического роста, основанного на инновационном развитии. Если же государство либо игнорирует возникновение новых отраслей хозяйства, либо, приняв участие в их создании, отказывается выпускать бразды правления из своих рук, то вероятность провала в создании экономики инноваций будет велика» [Марьясис, 2015, с. 29–30].

Таким образом, роль государства, по нашему мнению, должна основываться на трех ипостасях:

- выработке собственных действий, касающихся определения новых секторов хозяйства, основанных на инновациях;
- выработке правильных отношений с частным бизнесом с целью стимулирования его участия в этих процессах¹;
- организации встраивания в инновационную деятельность своих структур — прежде всего образовательной (подготовка кадров), финансовой и правовой.

¹ В качестве положительного примера участия частного бизнеса в развитии высоких технологий можно привести деятельность крупной газоперерабатывающей компании «Сибур», сумевшей, несмотря на кризис, в два раза увеличить свою капитализацию благодаря инвестированию в высокотехнологичные сегменты нефтехимической отрасли [<http://investors.sibur.com/results-centre/financial-results>].

Для обеспечения наиболее эффективного баланса действий очень важна организация различных форм совместной деятельности предпринимателей, рыночных аналитиков и представителей правительства. Это может происходить в формате государственных фондов развития промышленности [Федеральный закон..., 2015, ст. 4, 11], различных форумов по развитию инфраструктуры и снабжения, консультативных инвестиционных советов, круглых столов по развитию секторов промышленности, государственно-частных венчурных фондов и т.д. Деятельность, направленная на структурную трансформацию экономики, предполагает способность правительства координировать работу различных структур государственного и частного секторов на различных уровнях на основе предварительно выработанного совместного видения процесса и разработки инициатив, стимулирующих предпринимателей следовать в русле этого процесса. Такая координация требует, чтобы все полномочия, правомочность и ответственность сторон были четко определены и прозрачны.

Наличие совместных координационных механизмов является необходимым, но недостаточным условием успешной реализации промышленной политики. Положительным примером успешной деятельности такого рода являются решительные меры, предпринятые правительствами восточноазиатских стран в процессе структурной перестройки. Они обладали колоссальными полномочиями обязывать различные министерства и ведомства осуществлять соответствующие изменения. В Японии, например, в число таких ведомств входило Министерство внешней торговли и промышленности, в Южной Корее — Экономическое бюро по планированию, в Малайзии — аналогичная структура. Наличие планового-целевого регулирования со стороны центральных властных структур имеет особенное значение в странах с переходной экономикой, где нет достаточно развитых институтов, позволяющих быстро принимать правильные политико-технологические решения на местах [Ohno, 2009, p. 20–23]. При этом принципиальное значение имеет наличие в государственных структурах ясного представления о деятельности конкретных компаний в частном секторе, функционировании рынков и способности общаться с бизнесом на его языке. Это дает возможность строить процесс высокотехнологичной индустриализации таким образом, чтобы агенты хозяйственной деятельности могли солидарно выполнять первоочередные задачи проводимой политики, а не преследовать свои корпоративные краткосрочные интересы. При этом важно, чтобы любые изменения в принятой стратегии ста-

новились известны заранее, а сама стратегия реализовывалась пошагово, чтобы компании могли адаптировать свои собственные структуры и планы развития к новым реалиям. Государство должно брать на себя помощь в информировании частных компаний по новейшим технологиям и концепциям ведения предпринимательской деятельности, новым рыночным трендам, трендам в формировании потребительских запросов, а также стимулировать трансфер знаний между компаниями. Таким образом, промышленная политика государства должна представлять собой планово-системный процесс осуществления определенных действий.

Выводы

Причины и возможности реиндустриализации российской экономики в корне отличаются от соответствующих процессов в европейских странах и США, где они связаны в основном с возвращением производств и дальнейшим ростом их инновационной и креативной составляющей. Восстановление индустрии в западных странах облегчается тем, что из них выводились только сами производства, но не прекращались прикладные исследования, сохранилась высококвалифицированная рабочая сила, инновационные разработки и т.д. Реиндустриализация в России выглядит не как возвращение промышленности, а как ее восстановление или во многом — создание новой. Это требует целенаправленной концентрации материальных и человеческих ресурсов на новых видах деятельности, основывающихся на наукоемких инновационных технологиях с использованием высокотехнологичной рабочей силы. Важнейшим условием успешности данных процессов является правильное ранжирование стратегических приоритетов и учет реальных ресурсных и макроэкономических возможностей. Не менее важным условием являются стимулирующие меры в рамках государственной промышленной политики, направленные на вовлечение частного бизнеса в инновационное развитие и модернизацию, а также грамотное распределение ролей между государством и бизнесом.

Переход к прогрессивной модели экономического развития невозможен без взятия на себя ответственности со стороны правительства и со стороны бизнеса, а также без согласования интересов ключевых групп в элите. Предпочтение стабильности в виде стагнации приведет только к дальнейшим негативным последствиям, которые могут придать системному кризису еще более острые формы проявления.

Список литературы

1. Бузгалин А., Колганов А. Планирование: потенциал и роль в рыночной экономике XXI века // Вопросы экономики. — 2016. — № 1. — С. 63–80.
2. Губанов С. Экономика без движущей силы: об итогах первого полугодия 2014 г. // Экономист. — 2014. — № 8. — С. 3–19.
3. Демидов В. Малое инновационное предпринимательство: проблемы и решения // Путеводитель российского бизнеса. — 2013. — № 10. — С. 25–26.
4. Кудрин А., Гурвич Е. Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. — 2014. — № 12. — С. 4–36.
5. Марьясис Д. Опыт построения экономики инноваций. Пример Израиля. — М.: ИВ РАН, 2015. — 267 с.
6. Рожков Г. Генезис инновационной экономики в России. — М.: МАКС Пресс, 2009. — 888 с.
7. Российский статистический ежегодник. — М.: Росстат, 2013. — 717 с.
8. Федеральный закон РФ «О промышленной политике в Российской Федерации», ст. 4, 11 // Российская газета. — 11 июня 2015.
9. Хубиев К. Проблемы структурной перестройки экономики на новой промышленной основе // Экономист. — 2015. — № 8. — С. 12–22.
10. Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. Т. 3, 2016. — 7 с.
11. Atkinson R. D., Ezell S. J. Innovation Economics. The Race for Global Advantage. — Yale University Press, 2012. — P. 133–150.
12. Coming Home: Reshoring Manufacturing // The Economist. — 2013. — January 19. URL: <http://www.economist.com/news/special-report/>
13. Europe 2020: A strategy for smart, sustainable and inclusive growth. — EU Commission, Brussels, 2010. URL: <http://www.efesme.org/>
14. Europe's re-industrialization: The gulf between aspiration and reality // Deutsche Bank DB Research. — 2013. — November 26. — 23 p.
15. Florida R. The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community, and Everyday Life. — Basic books, 2003. — 464 p.
16. Lin J. New Structural Economics: A Framework for Rethinking Development and Policy. — Washington DC: World Bank, 2012. — 386 p.
17. Made in America Again. Why manufacturing Will Return to the US. — Made in America, Again. Boston Consulting Group // Third Annual Survey of U.S. — Oct., 2014. URL: <http://www.slideshare.net/>
18. Ohno K. The middle income trap: implications for industrialization strategies in East Asia and Africa. — Tokyo: GRIPS Development Forum, 2009. — 108 p.
19. Stiglitz J. The Price of Inequality. June, 21, 2013. URL: www.vanityfair.com/joseph-stiglitz-the-price
20. The East-Asian Miracle. A World Bank Policy Research Report. — Oxford University Press, 1993. URL: <http://www-wds.worldbank.org>. — 402 p.
21. The Economist, 2013, January 19. URL: <http://www.economist.com/news/special-report/21569570>

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Buzgalin A., Kolganov A.* Planirovaniye: potentsial i rol' v rinochno' ekonomike XXI veka // Voprosi ekonomiki. — 2016. — № 1. — S. 63–80.
2. *Gubanov S.* Ekonomika bez dvijushe' sili: ob itogah pervogo polugodiya 2014 goda // Ekonomist. — 2014. — № 8. — S. 3–19.
3. *Demidov V.* Maloye innovatsionnoe predprinimatelstvo: problemi i resheniya // putevoditel' rossi'skogo biznesa. — 2013. — № 10. — S. 25–26.
4. *Kudrin A., Gurvich E.* Novaya model' rosta dlya rossi'sko' ekonomiki // Voprosi ekonomiki. — 2014. — № 12. — S. 3–21.
5. *Mar'asis D.* Opit postroyeniya ekonomiki innovatsi'. Primer Israela. — M.: IV RAN, 2015. — 267 s.
6. *Rozhkov G.* Genezis innovatsionno' ekonomiki v Rossii. — M.: Maks-Press, 2009. — 888 s.
7. Rossi'ski' statisticheski' ezhegodnik. — M.: Rosstat, 2013. — 717 s.
8. Federal'ni' zakon RF «O promishlenno' politike v Rossi'sko' Federatsii», st. 4, 11 // Rossi'skaya gazeta. — 11 iyunya 2015.
9. *Hubiev K.* Problemi strukturno' perestro'ki ekonomiki na novo' promishlenno' osnove // Ekonomist. — 2015. — № 8. — S.12–22.
10. Tsentr makroekonomicheskogo analiza i kratkosrochnogo prognozirovaniya. T. 3, 2016. — 7 s.

ОТРАСЛЕВАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Корнеева Д.В.¹

НИУ ВШЭ (Нижний Новгород, Россия)

ЗАДАЧИ И ИНСТРУМЕНТЫ КОНКУРЕНТНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ МЕТАЛЛУРГИИ ЗА ПРОШЕДШИЕ ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА²

Статья посвящена анализу влияния внешнеторговой и антимонопольной политики на развитие конкуренции и положение отечественных покупателей продукции российской металлургии. Представлено стилизованное описание развития российской металлургии на протяжении 25-летнего периода с рассмотрением особенностей отрасли, влияющих на проблемы конкурентной политики, охарактеризовано применение антимонопольной и внешнеторговой политики в отрасли, с учетом их связи с отраслевой структурой. Показана проблема компромисса между повышением конкурентоспособности на мировых рынках и защитой интересов потребителей внутри страны в отношении отраслей с доминированием крупных экспортеров. Проведенный анализ выявил противоречия в проводимой политике: одобрение слияний, которые могут ограничить конкуренцию на рынках металлургической продукции в Российской Федерации, и достаточно высокий уровень импортной защиты не согласуются с периодически проводимыми расследованиями о нарушении антимонопольного законодательства российскими металлургами, основанными на ущербе, нанесенном отечественным потребителям.

Ключевые слова: металлургия, антимонопольная политика, внешнеторговая политика, Россия.

AIMS AND TOOLS OF COMPETITIVE POLICY IN THE RUSSIAN METAL INDUSTRY OVER THE PAST QUARTER CENTURY

Paper is devoted to the analysis of impact of foreign trade and antitrust policies on development of competition and the position of domestic buyers of Russian

¹ Корнеева Дина Владиславовна, старший преподаватель кафедры экономической теории и эконометрики, младший научный сотрудник Института анализа предприятий и рынков; e-mail: dkorneeva@hse.ru

² В статье использованы результаты проекта «Экономический анализ оспаривания обвинительных решений органа административной власти», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г.

metal products. It presents a stylized description of the development of the Russian metallurgy over 25-year period, considering the peculiarities of industry, which influence the problems of competition policy; paper describes the application of competition and foreign trade policies in the industry, taking into account relationships with industry structure. It illustrates the problem of trade-off between an increased competitiveness in world market and consumers protection within the country in relation to industries with the dominance of large exporters. The analysis revealed contradictions in pursued policy: approval of mergers that might restrict competition in the markets of metal products in Russia, and relatively high level of import protection are not consistent with regular investigations of violation of antitrust legislation by Russian metal producers, based on harm imposed to domestic consumers.

Key words: metallurgy, competition policy, foreign trade policy, Russia.

Введение

Металлургия занимает значительную долю в ВВП, еще большую — в экспорте. От условий продажи металлов зависят условия развития строительства и машиностроения. Metallургические компании важны как работодатели и градообразующие предприятия. Ключевыми особенностями, выделяющими металлургию среди остальных отраслей российской промышленности, выступают высокая капиталоемкость, значительный эффект масштаба, а также ориентация на экспортный рынок. Преодолев проблемы организации транзакций в цепочке создания стоимости в течение десяти лет после приватизации, российские металлурги существенно расширили границы рынков и вышли на мировой рынок. Российские производители стали занимать лидирующие позиции по экспорту некоторых видов металлов. Однако крупный размер металлургических компаний привел к неоднозначному эффекту для конкуренции на внутренних рынках и благосостояния покупателей. Активная интеграция на мировые рынки приводит к усилению конкурентоспособности более эффективных производителей и вытеснению с рынка менее эффективных компаний, предоставляя возможности для укрепления позиции страны на мировых рынках, а также для роста производительности использования национальных ресурсов. При этом не следует забывать о том, что также это означает укрупнение отечественных компаний, т.е. повышение концентрации на рынке, что может ослаблять конкуренцию, особенно при значительном уровне защиты внутренних рынков. Отсюда и возникает главная проблема для конкурентной политики — вы-

сокие цены для внутренних покупателей. В силу того, что спрос отечественных покупателей на товары, которые активно экспортируются крупными, доминирующими на внутреннем рынке производителями, обладает относительно низкой эластичностью, часто наблюдается эффект жесткости внутренних цен по мировым в сторону понижения [Голованова, 2010]. При увеличении мировых цен цены на внутреннем рынке растут сильнее, а при снижении мировых цен — снижаются слабее. Ограничение роста цен с помощью применения запрета на злоупотребление доминирующим положением в форме установления монопольно высокой цены неоднозначно в силу сложности технической реализации, а также негативного влияния на стимулы компаний и потенциальных конкурентов. Полное устранение тарифных и нетарифных импортных ограничений также не представляется абсолютно верным решением, хотя, несомненно, снижение уровня защиты от импорта окажет положительный эффект на сдерживание рыночной власти крупных производителей-экспортеров [Цыцулина, 2015]. С недавних пор применяемые торговые практики, направленные на регламентацию деятельности компаний с помощью формулы расчета внутренней цены, несмотря на наличие теоретического обоснования — устранение политики ценовой дискриминации, фактически направлены на регулирование цен, тем самым также значительно искажая стимулы участников рынка [Радченко и др., 2013]. Таким образом, представляется интересным проанализировать взаимодействие антимонопольной и внешнеторговой политики в металлургии — крупной экспортно-ориентированной российской отрасли.

Целью данной работы является анализ влияния используемых в России внешнеторговой и антимонопольной политики на развитие конкуренции и положение отечественных покупателей продукции российской металлургии. Представлено стилизованное описание развития российской металлургии на протяжении 25-летнего периода, с рассмотрением особенностей отрасли, влияющих на проблемы конкурентной политики, охарактеризовано применение антимонопольной и внешнеторговой политики в отрасли с учетом их связи с отраслевой структурой.

Особенности промышленного производства продукции металлургии в России

Металлургическая промышленность вносит значительный вклад в экономику России. Средний вклад отрасли в ВВП оценивается

в 5%, в промышленное производство — 18%, в объемы российского экспорта — в 14%¹. На сегодняшний день по производству стали страна занимает 5-е место в мире², по производству стальных труб — 3-е, по производству алюминия — 2-е³, по производству никеля — 1-е место в мире⁴.

Металлургическая промышленность состоит из комплекса предприятий, занимающихся добычей и обогащением руд черных и цветных металлов, нерудных материалов, производством чугуна, стали, проката, стальных труб, метизов, ферросплавов, огнеупоров, кокса, алюминия, меди, никеля, кобальта, свинца, цинка, олова, сурьмы, ртути, вольфрама, молибдена, ниобия, тантала, редкоземельных металлов, обработкой цветных металлов (алюминия, титана, магния, тяжелых цветных металлов), производством твердосплавной, углеродной, полупроводниковой продукции, переработкой ломов и отходов, производством ряда видов химической продукции, а также большого комплекса предприятий вспомогательного назначения, научно-исследовательских и проектных организаций⁵. Большинство предприятий в черной металлургии характеризуются полным технологическим циклом, выпуская чугун, сталь и прокат. Согласно виду конечной продукции металлургические предприятия можно подразделить на трубные, метизные заводы, заводы по производству специальных сталей. Черная металлургия, как и любая другая отрасль, характеризуется спецификой сырья, технологий, конечной продукции (рис. 1).

Рассмотрим кратко цепь технологического процесса в отрасли с помощью понятия передела. Для осуществления металлургического производства прежде всего необходима добыча железной руды, которая отражает состояние сырьевой базы страны. Далее в качестве первого передела выступает производство чугуна, т.е.

¹ Стратегия развития металлургической промышленности на период до 2020 г., утвержденная приказом Минпромторга России от 18 марта 2009 г. № 150. URL: <http://old.minpromtorg.gov.ru/ministry/strategic/sectoral/2>

² World Steel in figures 2014, World Steel Association. URL: <http://www.worldsteel.org/dms/internetDocumentList/bookshop/World-Steel-in-Figures-2014/document/World%20Steel%20in%20Figures%202014%20Final.pdf>

³ <http://www.statista.com/statistics/264624/global-production-of-aluminum-by-country/>

⁴ <http://www.nornik.ru/kompaniya>

⁵ Стратегия развития металлургической промышленности на период до 2020 г., утвержденная приказом Минпромторга России от 18 марта 2009 г. № 150. URL: <http://old.minpromtorg.gov.ru/ministry/strategic/sectoral/2>

Добыча и обогащение железной руды ↓	Доменное производство (первый передел)	Производство стали (второй передел)	Производство проката (третий передел)	Трубное, метизное производство (четвертый передел)
↓ – Сырая руда – Товарная руда – Агломерат – Окатыши	– Передельный чугун – Литейный чугун	– Сталь: конвертерная мартеновская электросталь	– Заготовка – Прокат	– Трубы – Метизы

Рис. 1. Основные производственно-технологические материальные потоки черной металлургии

Источник: составлено автором на основе [Буданов, 2002].

доменное производство металла из природных ресурсов. Второй передел — сталеплавильное производство, продукцией которого являются заготовки из стали, полученные в мартеновских печах, электропечах, конвертерах и машинах непрерывного литья заготовок. В рамках третьего передела осуществляется производство заготовок определенной формы, полученных прокаткой, прессованием, штамповкой и ковкой стали. Наконец, продукцией четвертого передела являются коррозионностойкая и прочая легированная сталь, метизы, трубы и прочие изделия. На рис. 2 представлено соотношение объемов производства на разных переделах — можно выделить преобладающий объем добычи и обогащения железной руды и относительно низкий объем производства на наиболее высокотехнологичном четвертом переделе. В цветной металлургии данные рис. 3 позволяют сопоставить объемы производства по основным видам цветных металлов — лидирует производство алюминия и меди, в течение последних десяти лет существенных изменений не произошло.

В развитии металлургической промышленности в России с начала 90-х гг. можно выделить несколько этапов. До середины 1998 г. в рамках трансформационного спада происходило снижение объемов производства. С начала экономических реформ активно происходили вертикальные слияния, направленные на преодоление глубоких транзакционных проблем, проявившихся после приватизации — в особенности неэффективной вертикальной организации вдоль технологической цепочки. Не рассматривая этот вопрос под-

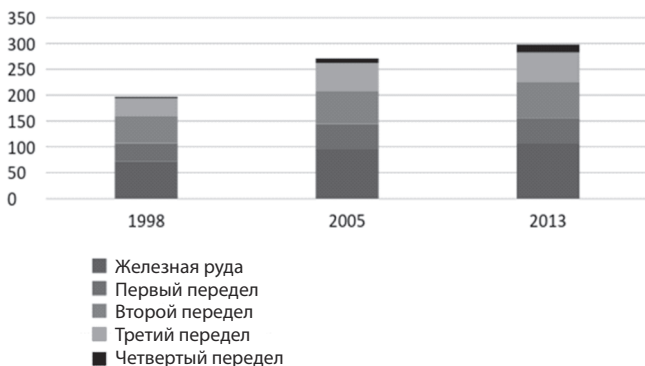

Рис. 2. Объемы производства черной металлургии по переделам, млн тонн
Источник: данные Росстата; Минпромторг России
 «Стратегия развития металлургической промышленности на период до 2020 г.»¹;
 Клебанов И. Концепция развития металлургической промышленности
 России до 2010 г.²

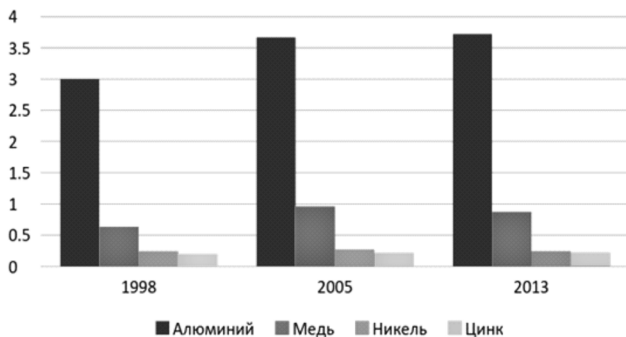

Рис. 3. Объемы производства продукции цветной металлургии, млн тонн.
Источник: данные Росстата; Минпромторг России
 «Стратегия развития металлургической промышленности на период до 2020 г.»;
 Клебанов И. Концепция развития металлургической промышленности России
 до 2010 г.

робно, укажем лишь, что организация договоров вдоль вертикальной цепочки после приватизации предприятий была важным фактором уязвимости российских предприятий. До приватизации этот вопрос не имел существенного значения, поскольку контракты

¹ <http://old.minpromorg.gov.ru/ministry/strategic/sectoral/2>

² <http://www.metalcom.ru/scdp/page?als=279532&R=32>

на поставку ресурсов и продажи готовой продукции организовывались и управлялись директивно извне предприятия, со специфическими для СССР механизмами инфорсmenta. Приватизация, в центр которой было поставлено предприятие, породила множество проблем, часть из которых могла быть решена только на основе вертикальной интеграции [Blanchard, Kremer, 1997; Авдашева, 2000].

Подъем, произошедший в отрасли в 2002–2008 гг., был результатом улучшения внешней конъюнктуры, решением проблем вертикальной организации, но в немалой степени он был результатом экономической политики российского правительства: отмены импортных пошлин на многие виды высокотехнологичного оборудования, уменьшения ограничений на внешних рынках в отношении российской металлопродукции, оказания политического содействия российским компаниям по приобретению активов за рубежом и т.д. Ярким примером является решение проблемы сырья для ОК «РУСАЛ» с приобретением источников глинозема в то время: например, Alpart, глиноземный завод EurAllumina, «Бокситогорский глинозем» и т.д. В течение этого периода происходило увеличение производства основных видов продукции металлургической промышленности, увеличение экспорта, рост инвестиций и наблюдалась положительная динамика финансовых показателей предприятий¹. Рецессия 2008–2009 гг. оказала негативное влияние на темпы роста и положение металлургической промышленности России в мире. Произошло резкое сокращение спроса на металлургическую продукцию вследствие снижения платежеспособности потребителей металла; падение цен на продукцию металлургии при возрастающих затратах; снижение объемов экспорта из-за неблагоприятной внешней конъюнктуры, что усугублялось проблемами слаборазвитого внутреннего рынка металлопродукции и т.д. К 2010 г. металлургия постепенно преодолела кризисные явления. По итогам 2012 г. был зафиксирован рост производства железорудного концентрата, готового проката черных металлов, стальных труб на металлургических предприятиях России.

Специфика металлургии Российской Федерации состоит в высокой концентрации производства, главную роль на рынках играют крупные вертикально интегрированные компании. На предприятиях полного цикла Липецка (ОАО «НЛМК»), Череповца (ОАО «Северсталь»), Магнитогорска (ОАО «ММК»), Нижнего Тагила (ОАО

¹ Концепция развития металлургической промышленности России до 2010 г. URL: <http://www.metalcom.ru/scdp/page?S=1026900031713&R=32&als=279532>

«ЕВРАЗ НТМК»), Новотроицка (ОАО «Уральская Сталь»), Челябинска (ОАО «Мечел») и Новокузнецка (ОАО «ЕВРАЗ ЗСМК») производят более 90% чугуна и около 89% российской стали¹. Причем внутри отрасли потребляется 95% чугуна, 90% стали и более 50% проката, в том числе 30% готового [Буданов, 2002]. После волн слияний и поглощений 1990—2000-х гг. на многих рынках металлургии крупные компании стали занимать доминирующее положение. Учитывая возможные последствия роста концентрации, ФАС России одобряла соответствующие сделки на условиях выдачи предписаний. К числу наиболее разработанных относятся предписания по сделкам «РУСАЛ» — «СУАЛ» — Glencore (2007); LionOre Mining — «Норильский никель» (2007); Новолипецкий металлургический комбинат — «ВИЗ Сталь» (2006).

В табл. 1 представлены коэффициенты концентрации производства по видам продукции металлургии за период 1993—2004 гг. Согласно граничным значениям показателей концентрации CR3 и НН1², все отрасли относятся к среднеконцентрированным, за исключением производства никеля и кобальта, где уровень концентрации оценивается как высокий. Для оценки концентрации в последующий период доступны только данные Росстата по показателю CR3 в разрезе 3-значной классификации ОКВЭД (см. табл. 2). Невозможность представить данные за весь период в сопоставимой форме обусловлена переходом российской статистики с классификатора ОКОНХ на ОКВЭД.

Таблица 1

**Коэффициенты концентрации производства
по видам экономической деятельности, 1993—2004 гг.**

Вид экономической деятельности	CR3			НН1		
	1993	1998	2004	1993	1998	2004
Добыча руд черных металлов	49,0	51,7	61,8	1284	1368	1673
Производство черных металлов	44,4	50,9	47,8	955	1074	959
Производство труб	58,9	55,2	57,5	1573	1409	1510
Производство алюминия, глинозема и фтористых солей	48,2	46,8	52	1141	1150	1069

¹ <http://www.gandars.ru/shkola/geografiya/metallurgicheskij-kompleks.html>

² CR3 — индекс концентрации, рассчитанный как суммарная доля трех крупнейших фирм в отрасли на рынке производимого товара.

НН1 — индекс Херфиндала—Хиршмана, представленный как сумма квадратов долей всех участников рынка. При $45\% < CR3 < 70\%$ и $1000 < НН1 < 2000$ — определяется средний уровень концентрации в отрасли.

Вид экономической деятельности	CR3			ННП		
	1993	1998	2004	1993	1998	2004
Производство никеля и кобальта	96,9	99,3	98,5	5324	7466	7276

Источник: данные Росстата, данные [Авдашева, Голованова, 2009].

Таблица 2

**Коэффициенты концентрации CR3
по видам экономической деятельности, 2010–2012 гг.**

Вид экономической деятельности	2010	2012
Добыча и обогащение железных руд	68,19	63,34
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	36,57	19,34
Производство стальных труб и фитингов	87,54	91,93
Производство алюминия	57,61	52,25

Источник: данные Росстата.

Однако сами по себе показатели концентрации не позволяют достаточно полно характеризовать положение ведущих российских металлургических компаний на целевых рынках с учетом их вертикальной структуры и ассортимента. Покажем, насколько различаются крупнейшие российские металлургические компании. Они занимают высокие позиции в мировых рейтингах производства: например, в 2013 г. «ЕВРАЗ», «Северсталь», НЛМК и ММК занимали 20, 23, 23 и 29-е места соответственно в мире по объемам производства стали.

ОАО «ММК» (Магнитогорский металлургический комбинат) является одним из крупнейших производителей стали в России и в мире. Комбинат представляет собой металлургический комплекс с полным производственным циклом, от подготовки железорудного сырья до глубокой переработки черных металлов¹. ОАО «ММК» производит на данный момент самый широкий сортамент металлопродукции с преобладающей долей продукции с высокой добавленной стоимостью среди предприятий Российской Федерации и стран СНГ, при этом являясь единственным в России производителем высококачественной холоднокатаной ленты и белой жести. Комбинат занимает лидирующие позиции в поставках на внутренний рынок: в 2013 г. доля на российском рынке выросла до 17,1%. ОАО «ММК» экспортирует собственную продукцию, пре-

¹ http://www.mmk.ru/about/about_the_company/

имущественно горячекатаный прокат (73%)¹. Основными потребителями продукции комбината являются предприятия Европы, Азии и Дальнего Востока.

ОАО «Северсталь» — крупнейшая вертикально интегрированная сталелитейная и горнодобывающая компания, занимающая по производству стали 2-е место в стране и 14-е место в мире². Компания разделена на два сегмента: «Северсталь Российская Сталь» и «Северсталь Ресурс». Первый дивизион специализируется на листовом прокате с высокой добавленной стоимостью, а также на производстве метизной продукции, второй — занимается управлением всеми горнодобывающими активами ОАО «Северсталь» в России и за рубежом. Основными рынками сбыта предприятия являются Россия и США, при этом дивизион «Северсталь Российская Сталь» экспортирует порядка 40% своей продукции во многие страны мира³.

ОАО «Новолипецкий металлургический комбинат» — крупнейшее предприятие с полным металлургическим циклом. По уровню технической оснащенности НЛМК — лидер среди предприятий отрасли. 80% стали производится конвертерным способом, который является наиболее низкзатратным и экологически чистым. Компания ориентирована на выпуск листового проката широкого ассортимента, начав производство в 2010–2013 гг. более ста новых марок стали. В России НЛМК занимает долю около 21% (15,4 млн тонн стали) в российском производстве стали, являясь лидером в отрасли. НЛМК производит широкую линейку продукции — чугуны, слябы, заготовку, горячекатаный и холоднокатаный прокат, оцинкованный прокат, прокат с полимерными покрытиями, электротехническую сталь, а также различные виды сортовой продукции и метизы, являясь ведущим производителем металлопродукции с высокой добавленной стоимостью на российском рынке⁴. Основным потребителем продукции НЛМК в России является сектор строительства и инфраструктуры. Большая часть продукции поставляется на внутренний рынок (около 40%), около 17% в Европу, оставшаяся часть — в США, Азию и Ближний Восток⁵.

«ЕВРАЗ» является вертикально интегрированной металлургической и горнодобывающей компанией с активами в России, Укра-

¹ http://www.mmk.ru/about/about_the_company/sales_markets/

² <http://www.severstal.com/rus/about/index.phtml>

³ <http://www.severstal.com/rus/about/document9080.phtml>

⁴ <http://nlmk.com/ru/our-business/products>

⁵ <http://nlmk.com/ru/our-business/markets>

ине, США, Канаде, Чехии, Италии, Казахстане и Южной Африке. Он осуществляет поставки металлопроката строительного, промышленного, транспортного назначения и метизов, а также угольной продукции и продукции коксохимического производства. Компания входит в двадцатку крупнейших производителей стали в мире, занимая лидирующие позиции в России¹.

К числу ведущих металлургических компаний относится ОАО «Мечел», объединяющее более 20 промышленных предприятий: производителей угля, железной руды, стали, проката, ферросплавов, тепловой и электрической энергии. ОАО «Мечел» входит в пятерку мировых производителей коксующегося угля (без учета китайских производителей), при этом занимая третье место в России по общей добыче углей и контролируя более четверти мощностей по обогащению коксующегося угля в стране. Компания также занимает второе место в России по производству сортового проката, являясь многопрофильным производителем специальных сталей и сплавов².

На рынке стальных труб лидером является ОАО «ТМК» — ведущий глобальный поставщик трубной продукции для нефтегазового сектора, а также химической промышленности, энергетики, машиностроения, строительства и сельского хозяйства. По итогам 2012 г. компания в четвертый раз заняла первое место среди мировых трубных компаний по объему отгрузки³. Она занимается производством широкого ассортимента трубной продукции, наибольшую долю в котором занимают нарезные нефтегазовые трубы. ОАО «ТМК» осуществляет поставки продукции в более чем 80 стран мира, при этом основными рынками сбыта являются Россия, Северная Америка, страны СНГ, Европа, Африка, Ближний Восток и Юго-Восточная Азия.

В цветной металлургии Российской Федерации также преобладают крупные вертикально интегрированные компании, занимающие лидирующие позиции на мировых рынках металлов. Данные свидетельствуют о высокой концентрации на отечественном рынке (см. табл. 1). В частности, крупнейшим производителем на рынке алюминия в мире является ОК «РУСАЛ», доля в мировом производстве которой в 2013 г. составляла 8%. Также компания занимает лидирующие позиции в производстве глинозема. Она создана в марте

¹ <http://www.evraz.com/ru/about/>

² <http://www.mechel.ru/about/info/>

³ <http://www.tmkgroup.ru/activity.php>

2007 г. в результате объединения ОК «РУСАЛ» и ОАО «СУАЛ» с глиноземными активами швейцарской Glencore. В настоящее время активы «РУСАЛ» расположены в тринадцати странах на пяти континентах. Основными рынками сбыта являются страны ЕС и СНГ, а также Северная Америка и Юго-Восточная Азия¹.

Лидером на мировых рынках никеля (17%) и палладия (41%) является российская компания ГМК «Норильский никель», при этом также являясь крупнейшим производителем платины (11%) и меди (2%) в мире. На отечественном рынке на долю предприятий компании приходится около 96% всего производимого в стране никеля, 55% меди, более 90% МПГ, 95% кобальта. Производственные подразделения находятся на трех континентах в пяти странах мира — России, Австралии, Ботсване, Финляндии и ЮАР².

В качестве основных металлопотребляющих отраслей можно выделить машиностроение, металлообработку, промышленность строительных материалов и строительство, отрасли топливно-энергетического комплекса. Среди машиностроения наиболее металлоемкими подотраслями являются предприятия железнодорожного транспорта, сельскохозяйственного, энергетического и атомного машиностроения, автомобильной промышленности и оборонно-промышленного комплекса [Буданов, 2002]. Состоянием этих отраслей определяется емкость внутреннего рынка металлопродукции из черных металлов. Наиболее активно потребление стальных труб происходит в топливно-энергетическом комплексе, машиностроении, строительном комплексе. Потенциально емким сегментом рынка стальных труб является жилищно-коммунальное хозяйство, а именно работы по ремонту изношенных сетей различного назначения. Помимо этого продукция трубной промышленности применяется в черной и цветной металлургии, химической и нефтехимической промышленности, в сельском хозяйстве.

На рис. 4 приведено сопоставление объемов внутреннего потребления и экспорта по продукции черной металлургии. На протяжении всего рассматриваемого периода экспорт железной руды, а также продукции на втором и третьем переделах по объему сопоставим с потреблением внутри страны. При этом существенных колебаний не наблюдалось.

По мере развития черной металлургии в экспорте преобладает продукция низших переделов. Российские металлургические пред-

¹ <http://www.rusal.ru/about/facts.aspx>

² <http://www.normik.ru/kompaniya>

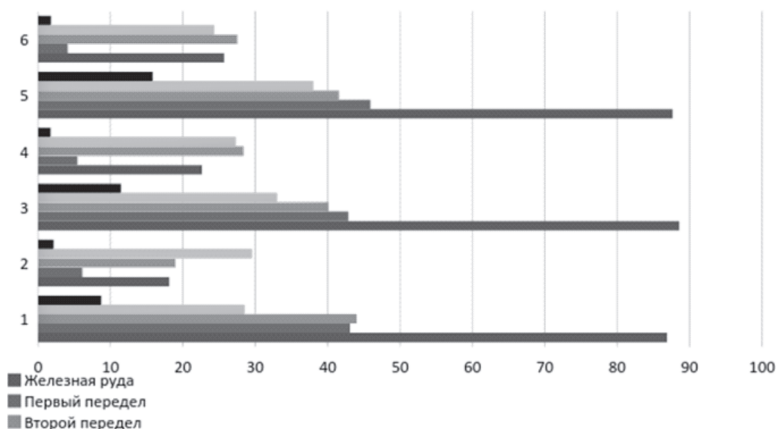

Рис. 4. Внутреннее потребление и объем экспорта продукции черной металлургии по переделам, млн тонн

Источник: данные Росстата; Минпромторг России

«Стратегия развития металлургической промышленности на период до 2020 г.»;
Клебанов И. Концепция развития металлургической промышленности России до 2010 г.

приятия обладают высокой конкурентоспособностью на мировом рынке по экспорту сырья и полуфабрикатов, но на готовую металлопродукцию предъявляется ограниченный спрос. Возможной причиной может выступать ведение протекционистской политики странами, состоящими в ВТО, а именно применение различных мер таможенно-тарифного и нетарифного регулирования против российских производителей. Следовательно, повышение международной конкурентоспособности представлялось важной задачей проводимой политики.

В структуре продаж цветной металлургии в России по сравнению с черной представлено еще большее число отраслей. Структура отраслей, использующих алюминиевую продукцию, выглядит следующим образом: транспорт — 23%, строительство — 20%, электротехника — 16%, упаковка — 14%, машиностроение — 8%, потребительские товары — 9%¹. Спрос на алюминиевую продукцию и прокат поступает со стороны компаний, занимающихся произ-

¹ Стратегия развития металлургической промышленности на период до 2020 г., утвержденная приказом Минпромторга России от 18 марта 2009 г. № 150. URL: <http://old.minpromtorg.gov.ru/ministry/strategic/sectoral/2>

водством тары и упаковки. Основными сферами применения никеля являются транспорт, машиностроение, строительство, химическая промышленности, производство посуды и прочих изделий быта¹. Оцинкованная прокатная продукция применяется для реализации масштабных проектов в строительстве и транспортном машиностроении. Основные конечные потребители рафинированной меди — строительство, электротехническая промышленность, машиностроение, производство промышленного оборудования и потребительских товаров. Соотношение объемов экспорта и внутреннего потребления свидетельствует о ярко выраженной экспортно-ориентированности производства алюминия и никеля, впрочем и по остальным двум металлам объемы экспорта сопоставимы с объемами потребления внутри страны (см. рис. 5).

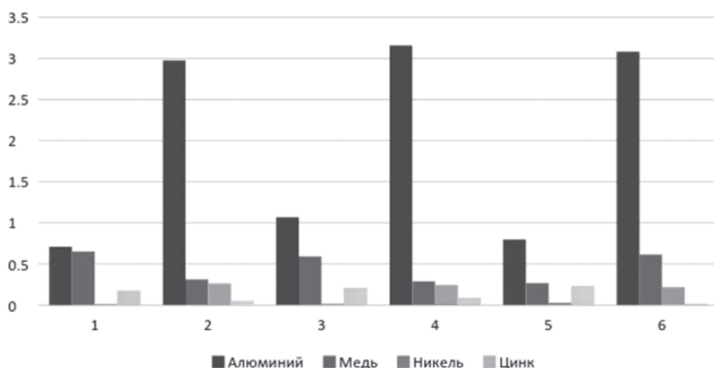

Рис. 5. Внутреннее потребление и объем экспорта продукции цветной металлургии, млн тонн

Источник: данные Росстата; Минпромторг России

«Стратегия развития металлургической промышленности на период до 2020 г.»;
Клебанов И. Концепция развития металлургической промышленности России до 2010 г.

Подводя итог, по мере развития металлургии крупный размер российских производителей и их ориентация преимущественно на экспорт сочетаются с сохранением протекционизма по отношению к внутреннему рынку. В этих условиях проблемой для конкурентной политики является защита интересов внутренних покупателей российских металлов. Однако с точки зрения внешней торговой политики поддержка российских производителей на мировом рынке

¹ <http://www.ereport.ru/articles/commod/nickel.htm>

в условиях жесткой протекционистской политики других стран также является важной задачей. При этом кажется, что защита от импорта не являлась приоритетной задачей, но достаточно высокий уровень тарифных и нетарифных ограничений свидетельствуют об активном ее достижении.

Особенности внешнеторговой политики в металлургии Российской Федерации

Экспорт металлопродукции всегда играл значительную роль в структуре российского экспорта. По данным таможенной статистики Российской Федерации, металлы и изделия из них по итогам 2013 г. занимают 2-е место по объемам экспорта после «Минеральных продуктов» и 4-е место по объему импорта после «Машин, оборудования и транспортных средств», «Продукции химической промышленности, каучука», «Продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья». Рисунок 6 показывает, что в черной металлургии экспортируется в большей степени продукция третьего и второго переделов, а также железная руда. Доля экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью в объеме производства относительно мала и имеет тенденцию к дальнейшему снижению. В цветной металлургии экспортируется более 80% производства алюминия и никеля, по остальным товарам экспорт не превышает 30% (см. рис. 7).

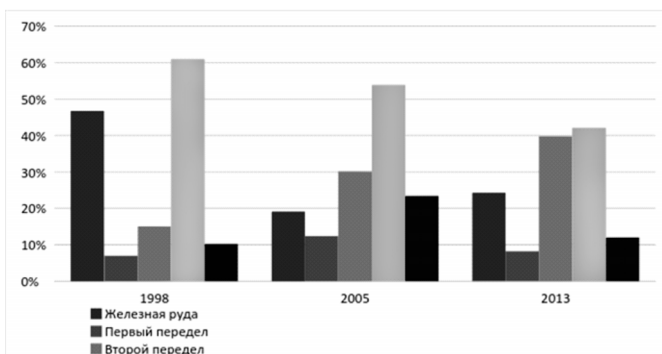

Рис. 6. Доли экспорта продукции черной металлургии в объеме производства по переделам

Источник: данные Росстата; Минпромторг России «Стратегия развития металлургической промышленности на период до 2020 г.»; Клебанов И. Концепция развития металлургической промышленности России до 2010 г.

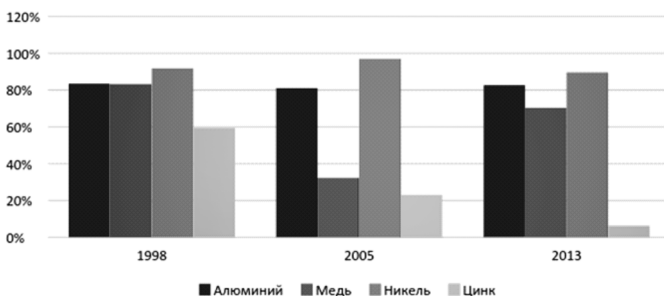

Рис. 7. Доли экспорта продукции цветной металлургии в объеме производства
 Источник: данные Росстата; Минпромторг России
 «Стратегия развития металлургической промышленности на период до 2020 г.»;
 Клебанов И. Концепция развития металлургической промышленности России
 до 2010 г.

Начиная со второй половины 90-х гг. предприятия активно интегрировались в мировой рынок металлопродукции с целью обеспечения доступа к новым рынкам сбыта и капитала. Согласно данным 2013 г., Россия входила в ТОП-5 экспортеров по следующим товарам металлургии: 2-е место по никелю, 5-е место в экспорте алюминия и черных металлов в целом (см. рис. 8).

Усиление позиций российских металлургов на мировом рынке сопровождалось ответными действиями со стороны других стран: государственным протекционизмом на их рынках, выразившимся в введении антидемпинговых процедур, жестких квот и применении высоких импортных пошлин. В отношении российского экспорта металлургической продукции до вступления в ВТО зарубежными государствами применялись инструменты торговой политики, не соответствующие требованиям этой организации. Среди ограничительных мер можно выделить следующие: количественные ограничения, особые пошлины (антидемпинговые, компенсационные, защитные), технические барьеры, лицензирование, субсидии, предоставление импортируемым товарам национального режима и РНБ. Согласно всемирной базе по антидемпингу, в отношении продукции российской металлургической промышленности было проведено 31 антидемпинговое расследование¹. В частности,

¹ Global Antidumping Database (GAD): part of the Temporary Trade Barriers Database (TTBD). URL: <http://econ.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/EXTDEC/EXTRESEARCH/0,,contentMDK:22574930~pagePK:64214825~piPK:64214943~theSitePK:469382,00.html>

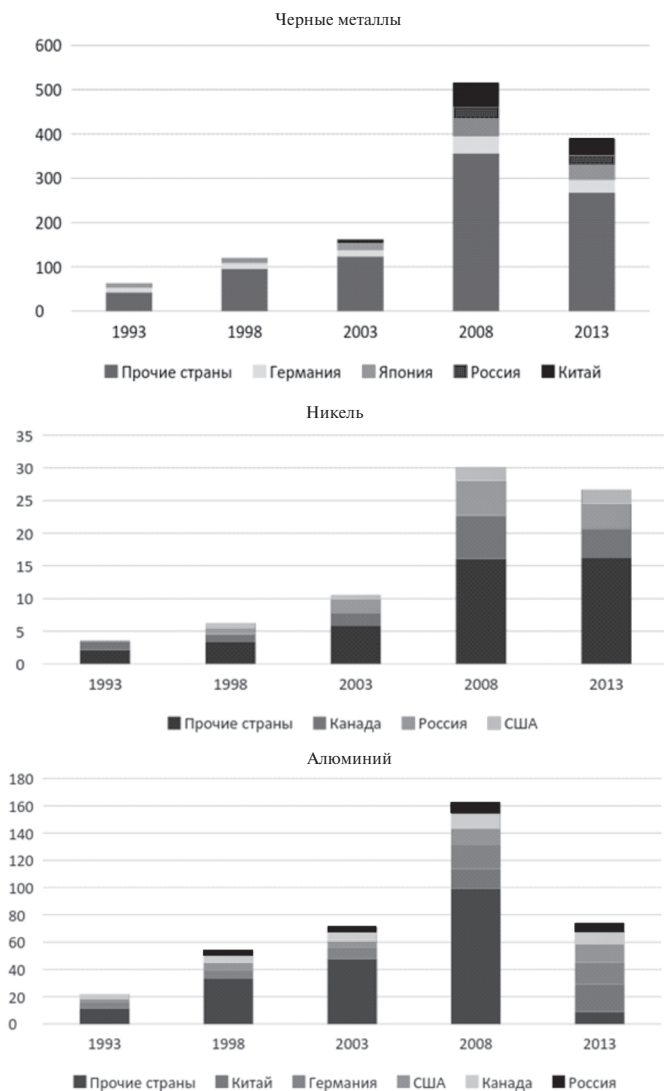

Рис. 8. Объемы экспорта продукции по крупнейшим экспортерам по некоторым металлам в 1993–2013 гг., млрд долл.

Источник: данные United Nations Statistics Division (Commodity Trade Statistics Database).

ЕС использует антидемпинговые пошлины с индивидуальным указанием демпинговой маржи по разным производителям в отношении российских бесшовных труб в период с 05.07.2012 по 04.07.2017¹. Поставки в Китай с 11.04.2010 по 10.04.2015 трансформаторной стали российского производства облагаются антидемпинговыми пошлинами (ОАО «НЛМК» и ООО «ВИЗ-Сталь» — 6,3%, для остальных российских компаний — 24%)². Также антидемпинговые пошлины в отношении российской металлопродукции введены в Мексике, Индонезии, Таиланде, Турции, Колумбии. Кроме того, против российского экспорта металлургической продукции применяются технические барьеры в торговле: «научно необоснованная классификация никелевых солей» в ЕС и обязательная сертификация некоторых видов металлопродукции (горячекатаной стали, стальных листов, электрической стали, стальных прутков, стальной проволоки и т.д.) в Индии³. Вступление России в ВТО способствовало облегчению доступа российской металлопродукции на международные рынки за счет предоставления РНБ и обложения товаров по базовым ставкам таможенного тарифа стран-импортеров (если не применены антидемпинговые пошлины).

Импорт металлопродукции, как правило, осуществляется в рамках исторически существующей кооперации со странами СНГ. В цветной металлургии большую долю занимает импорт ряда видов рудного сырья (медного, цинкового, титанового) и отдельных видов полуфабрикатов. Основными отраслями-потребителями на протяжении всего рассматриваемого периода выступали строительство, автомобилестроение, авиастроение, вагоностроение, станкостроение, судостроение, ВПК, химическая промышленность. Большая часть внутреннего потребления обеспечивается производством внутри страны (см. рис. 9). В черной металлургии импортируются в большей степени товары более высокой степени готовности — продукция третьего и четвертого переделов, импорт чугуна и стали не осуществляется (см. рис. 10).

¹ Перечень ограничительных мер, действующих на зарубежных рынках в отношении российских товаров по состоянию на 01.01.2015.

² Там же.

³ Там же.

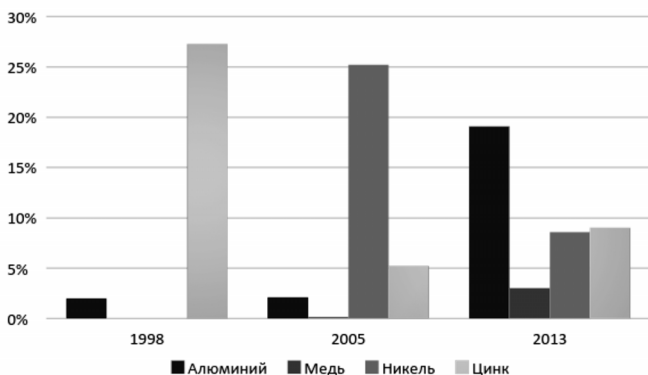

Рис. 9. Доли импорта продукции цветной металлургии в объеме потребления
Источник: данные Росстата; Минпромторг России
 «Стратегия развития металлургической промышленности на период до 2020 г.»;
 Клебанов И. Концепция развития металлургической промышленности России
 до 2010 г.

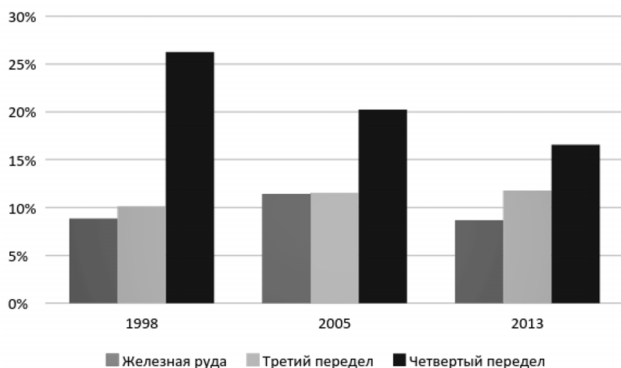

Рис. 10. Доли импорта продукции черной металлургии в объеме потребления
 по переделам
Источник: данные Росстата; Минпромторг России
 «Стратегия развития металлургической промышленности на период до 2020 г.»;
 Клебанов И. Концепция развития металлургической промышленности России
 до 2010 г.

Торговые барьеры создаются как тарифными, так и нетарифными ограничениями. В динамике тарифных ограничений можно выделить три периода. После принятия Таможенного кодекса России и Закона «О таможенном тарифе» в 1993 г. в период 1994–

1998 гг. происходило повышение ставок ввозных таможенных пошлин и расширение списка регулируемых товаров, далее с 2000-х гг. степень защиты внутреннего рынка снижается устойчивыми темпами, во время рецессии 2008–2009 гг. в качестве антикризисных мер были увеличены ставки ввозных таможенных пошлин на некоторые товары. В частности, пошлины на большинство видов труб и проволоки увеличилась с 5 до 15% и с 15 до 20% в зависимости от вида продукции. Также была введена 15%-ная преференция отечественным производителям при проведении государственных закупок, при этом активно проводились антидемпинговые расследования в отношении иностранных поставщиков. Наконец, с 2012 г. вступление России во Всемирную торговую организацию дает основание ожидать изменения ставок согласно утвержденным обязательствам. В табл. 3 представлены ввозные пошлины на некоторые виды продукции, действующие на конец 2014 г. По большинству видов продукции ставки равны 5%, однако по некоторым видам продукции: трубам, проволоке, профилям — величина пошлины достигает 15%.

Используя данные Всемирного банка, оценим тарифные ограничения в металлургии Российской Федерации. В качестве индикатора выступает средняя ставка ввозной таможенной пошлины¹ для раздела 83 «Различные виды неблагородных металлов» (Miscellaneous articles of base metal) (см. рис. 11).

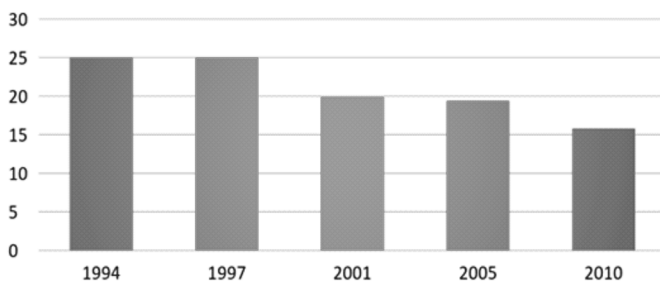

Рис. 11. Средняя ставка ввозной таможенной пошлины в России (по металлам)

Источник: по данным Всемирного банка.

¹ В данном случае различия между средней взвешенной и невзвешенной ставками ввозной таможенной пошлины несущественны.

**Ввозные пошлины на некоторые виды продукции металлургии,
2012 г. — по наст. вр.**

Код ТН ВЭД	Наименование позиции	Ставка ввозной таможенной пошлины (в % от таможенной стоимости)
7212	Прокат плоский из железа или не-легированной стали шириной менее 600 мм, плакированный, с гальваническим или другим покрытием	5
7219	Прокат плоский из коррозионностойкой стали, шириной 600 мм или более	5
7303 00	Трубы, трубки и профили полые из чугунного литья	15
7304 11 000 8	Трубы, трубки и профили полые, бесшовные, из черных металлов (кроме чугунного литья): наружным диаметром более 406,4 мм	13,3
7313 00 000 0	Проволока колючая из черных металлов; скрученная обручная сталь или одинарная плоская проволока, колючая или неколючая, свободно скрученная двойная проволока для ограждений, из черных металлов	12,5
7505 21 000 0	Проволока никелевая	15
7604 10 900 0	Профили алюминиевые	14,7

Источник: Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 г. № 54¹.

В качестве защиты от импорта нетарифные меры: квоты, субсидии, технические барьеры, лицензирование, антидемпинговые процедуры и т.д. — актуальны не в меньшей, а для России в большей степени, чем собственно меры тарифной защиты. Существующие исследования заключают, что именно нетарифные барьеры обуславливают повышенный уровень импортной защиты российского рынка [Голованова, 2014]. Сигналом для данного утверждения выступает сравнение унифицированной ставки ввозной таможенной пошлины (ТТРИ, Trade Tariff Restrictiveness Index), эквивалентной тарифным ограничениям, и унифицированной ставки ввозной таможенной пошлины (ОТРИ, Overall Tariff Restrictiveness Index), эк-

¹ <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=170160;fld=134;from=153608-91;md=0.2658557561977271>

вивалентной тарифным и нетарифным ограничениям (см. табл. 4). Более детальный анализ не представляется возможным в силу отсутствия данных.

Таблица 4

Показатели TTRI и OTRI для российской промышленности, 2000–2009 гг.

	Россия		Европа
	2000–2004	2006–2009	2006–2009
TTRI	8,7	6,4	4,0
OTRI	21,6	17,9	8,7

Источник: по данным Всемирного банка.

В настоящее время в качестве нетарифных мер регулирования выступают антидемпинговые (по противодействию демпинговому импорту) и компенсационные пошлины (по нейтрализации воздействия специфической субсидии иностранного государства (союза иностранных государств) на отрасль российской экономики) только в отношении некоторых видов товаров из Украины.

Таблица 5

Меры нетарифного регулирования в металлургии Российской Федерации

Антидемпинговая пошлина	
Наименование товара	Ставка пошлины
Плоский прокат из железа, легированной или нелегированной стали с цинковым либо алюминивно-цинковым покрытием	24,3
Швеллеры	12,3 — для швеллеров, изготовленных ОАО «Металлургический комбинат «Азовсталь» 17,4 — для прочих
Трехфазные асинхронные электродвигатели переменного тока мощностью не менее 0,37 кВт и не более 7,5 кВт с высотой оси вращения 80, 100 и 112 мм	13,8 — Открытое акционерное общество «Харьковский электротехнический завод «Укрэлектромаш» 59,3 — прочие
Компенсационная пошлина	
Наименование товара	Ставка пошлины
Прутки для армирования железобетонных конструкций	21,0

Источник: таможенный правовой портал tamognia.ru.

В мае 2014 г. Приказом Минэкономразвития России от 25.03.2014 № 155 (ред. от 15.10.2014) «Об условиях допуска товаров, происходящих из иностранных государств, для целей осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» производители из России и из стран Таможенного союза получили 15-процентные преференции при закупках для обеспечения государственных нужд на срок до 31 декабря 2015 г. В перечень товаров включены прокат плоский из нержавеющей стали, кроме холоднокатаного, шириной менее 600 мм, прутки горячекатаные, горячекатаные, экструдированные и кованные (кроме катанки) и профили из нержавеющей стали, прокат плоский холоднокатаный с покрытиями из стали (кроме нержавеющей и быстрорежущей) шириной не менее 600 мм, конструкции стальные шпунтовые, конструкции сварные и материал для железнодорожных путей, трубы и профили пустотелые из литейного чугуна, трубы и профили пустотелые стальные.

Подводя итог, крупный размер компаний — российских производителей и их ориентация преимущественно на экспорт сочетаются с сохранением протекционизма по отношению к внутреннему рынку. В этих условиях проблемой для экономической политики является защита интересов внутренних покупателей российских металлов.

Конкурентная политика в металлургии Российской Федерации

В качестве неблагоприятного эффекта от усиления конкурентоспособности российских металлургических предприятий на мировом рынке выступает ущемление интересов внутренних покупателей, а именно создание ресурсных ограничений для развития отечественной обрабатывающей промышленности. Наличие рыночной власти у отечественных производителей способствует разрыву в уровнях внутренних и мировых цен, что приводит к ценовой дискриминации третьей степени [Pursell, Snape, 1973]. Графически данный эффект представлен на рис. 12. В идеальной ситуации конкурентного рынка (и при отсутствии издержек торговли) цены на товар должны были бы установиться на одном уровне [Krugman, Obstfeld, 2012]. Однако несовершенство конкуренции и ощутимые барьеры входа в виде импортных ограничений приводят к разрыву цен — более низкие цены будут установлены на рынке с менее эластичным спросом, т.е. на отечественном рынке. Причем цена на внутреннем

рынке будет сильнее превышать цену на мировом рынке, чем выше концентрация на внутреннем рынке и ниже эластичность спроса на товар внутри страны.

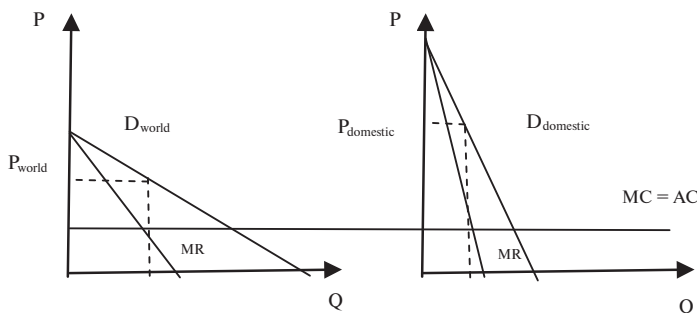

Рис. 12. Ценовая дискриминация третьего типа

Эмпирические оценки показывают, что уровень цен на внутреннем рынке превышает цены экспортных контрактов [Голованова, 2010]. Для анализа металлургии в качестве внутренних цен используются средние цены российских производителей на отдельные виды промышленных товаров согласно Общероссийскому классификатору продукции (ОКП), публикуемые Росстатом. Доступные данные позволяют рассмотреть долгосрочные тенденции (1999–2014 гг.) роста цен на пять видов товаров: железная руда, чугун, прокат, медь, алюминий (рис. 13).

Для сопоставления цен на внутреннем рынке с мировыми ценами использованы средние цены экспортных контрактов в соответствии с Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности (ТН ВЭД), рассчитанные на основе данных Росстата о стоимостных и натуральных объемах международных потоков товаров с зарубежными странами. В целях пересчета указанных цен в одну валюту используются данные Центробанка России об официальных курсах валют (доллар США). На рис. 14 показано, что за рассматриваемый период наблюдается превышение внутренних цен над ценами экспортных контрактов для большинства видов продукции металлургии — проката, чугуна, меди, алюминия. Следует отметить изменения динамики данного соотношения в сторону понижения по алюминию, что может быть обусловлено как повышением эффективности, так и действиями ФАС в форме выдачи предписания.

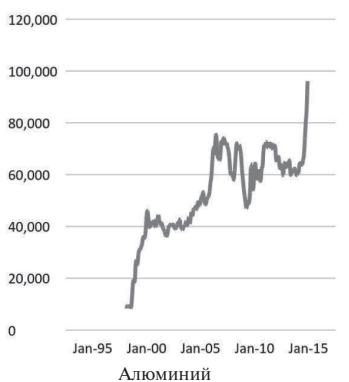
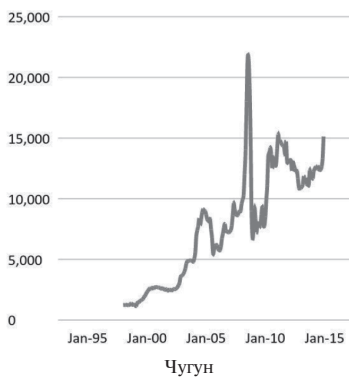

Рис. 13. Средние цены производителей промышленных товаров, 1998–2014 гг., руб.
 Источник: данные Росстата.

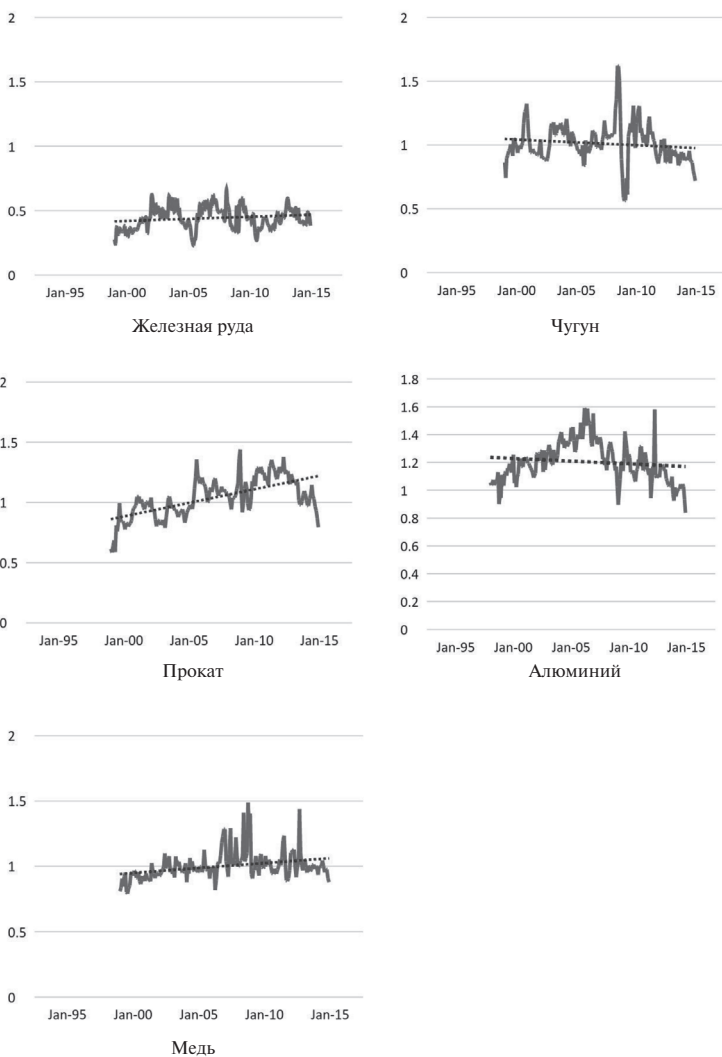

Рис. 14. Отношение внутренней цены к цене экспортного контракта по отдельным товарам металлургии, 1999–2014 гг.

Источник: расчеты автора по данным Росстата.

Итак, производители металла назначают более высокие цены на внутренних рынках по сравнению с ценами экспортных поста-

вок в силу высоких тарифов, ограничивающих вход иностранных производителей, высокой покупательской способности зарубежного рынка и высокой рыночной власти российский металлургов на внутреннем рынке. Однако усилившаяся рыночная власть сама по себе стала результатом разрешения на сделки слияния, которым еще раньше способствовали стимулы компаний к их заключению. То есть одно решение в конкурентной политике — одобрение или запрет сделок слияний вследствие высокой активности компаний в сделках экономической концентрации — провоцирует ряд событий, обнаруживающих необходимость принятия другого решения — эффекты многообразны и взаимосвязаны.

Объем рынка слияний в металлургии постоянно увеличивался до 2008 г. (см. рис. 15), число сделок до рецессии 2008–2009 гг. в среднем составляло 45 в год, после — около 25 в год (см. рис. 16). Контроль сделок экономической концентрации особенно сложен в российской металлургии в силу нескольких причин. В целом воздействие сделки на благосостояние зависит от несовершенств рынка. В общем случае слияния способствуют получению выигрышей эффективности, источниками которых является положительный эффект масштаба — снижение средних затрат при увеличении выпуска и экономия на ассортименте — снижение средних затрат при расширении ассортимента.

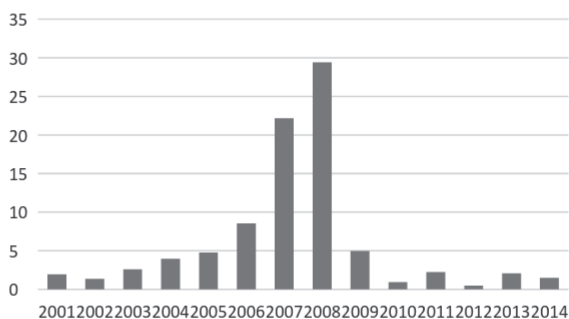

Рис. 15. Объем рынка слияний и поглощений в металлургии РФ, 2001–2014 гг., млрд долл.

Источник: по данным базы портала Mergers.ru.

Кроме того, положительный эффект возникает при реструктуризации предприятий в целях устранения неэффективной вертикальной организации после приватизации. С начала рыночных реформ в России осуществление вертикальных слияний в российской метал-

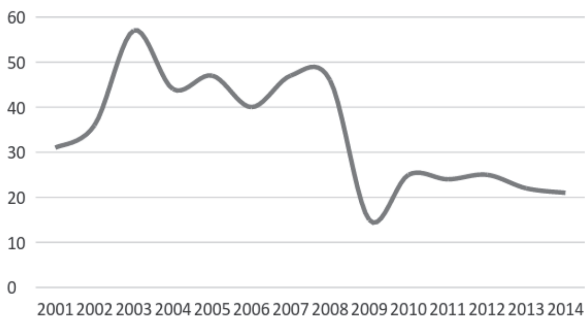

Рис. 16. Число сделок слияний и поглощений в металлургии РФ, 2001–2014 гг.

Источник: по данным базы портала Mergers.ru.

лургии позволяло преодолеть серьезные транзакционные проблемы, связанные с разрушением существовавшей при Советском Союзе контрактной системы [Blanchard, Kremer 1997]. В ранние годы либерализации экономики большинство производителей металла столкнулись со всеми видами агентских проблем, таких как постконтрактный оппортунизм, вымогательство (holdup), устранение стимулов к инвестициям в специфические активы [Williamson, 1971, 1979; Klein et al., 1978; Grossman, Hart, 1986; Hart, Moore, 1990]. Очевидным выходом из сложившейся ситуации являлось объединение с предприятиями, находящимися выше по технологической цепочке, чему и последовало большинство крупных металлургов. Однако большинство приобретаемых компаний являлись поставщиками редких ресурсов, следовательно, в результате распространения рыночной власти по технологической цепочке возникает риск исключения с рынка некоторых групп продавцов (market foreclosure). При анализе горизонтальных слияний, которые также происходили в металлургии Российской Федерации, в качестве эффекта от слияния возникает компромисс по О. Уильямсону между выигрышами эффективности (снижением издержек) и увеличением наносящей ущерб рыночной власти. Большинство сделок слияний было одобрено именно из-за ожидаемого усиления конкурентоспособности российских металлургов на мировых рынках. В качестве примера можно привести рынок электротехнической стали [Цыцулина, 2015]. При этом в целях недопущения ограничения конкуренции на внутренних рынках при разрешении слияний ФАС России выдавала участникам предписания — структурные или поведенческие. В российской практике преобладают именно поведенческие усло-

вия [Авдашева, Калинина, 2014]. В качестве примера можно рассмотреть условия поведенческих предписаний, выданных ФАС России по итогам сделки приобретения ОАО «Западно-Сибирский металлургический комбинат» акций ОАО «Качканарский горно-обогатительный комбинат Ванадий»¹. В частности, компаниям предписано заключать договоры на недискриминационных условиях и информировать ФАС России об условиях договоров: ценах, объемах и т.д. По результатам сделки приобретения ОАО «НЛМК» компании ООО «ВИЗ-Сталь» ФАС России также выдала набор поведенческих предписаний², касающихся информирования антимонопольного органа о прекращении производства, изменении назначения оборудования, увеличении цен более чем на 3% в месяц, об установленных текущих отпускных ценах, о всех приобретениях, изменении состава группы лиц, а также регламентирующих условиях договоров поставок.

При этом в некоторых случаях ФАС применяла инструменты внешнеторговой либерализации — за одобрением слияния «РУСАЛ»—«СУАЛ»—«Гленкор» последовала отмена импортной пошлины на алюминий, что должно было привести по крайней мере к потенциальному усилению конкуренции. Важным также является вопрос нетарифных ограничений в импорте, а именно отказ от открытости к импорту. Пример труб большого диаметра свидетельствует о том, как преференции отечественным производителям привели к импортозамещению и созданию национального производства. Однако впоследствии это привело к значительному повышению цен для покупателей, о чем говорит сам факт последующего антимонопольного расследования [рынок ТБД подробно рассмотрен в работах: Шаститко, Голованова, 2014; Shastitko, Golovanova, 2013; Shastitko et al., 2014].

Попытка оценки результативности политики ФАС основана на принципе сбалансированного подхода, рассматривающего соотношение социально-экономических выигрышей разных групп экономических агентов с издержками по реализации политики. Касательно слияний анализ цен на продукцию металлургии выявил приобретение преимуществ компаниями в отношении конкурентоспособности, однако эффекты для покупателей неоднозначны [Сухорукова, Авдашева, 2013]. Выдача предписаний также может характеризоваться положительными результатами с точки зрения динамики цен на внутреннем рынке. Рынок алюминия является

¹ http://www.fas.gov.ru/solutions/solutions_12444.html

² http://www.fas.gov.ru/solutions/solutions_6843.html

примером этому, впрочем, альтернативным объяснением выигравшей отечественных покупателей может выступать повышение эффективности. Изменения импортных тарифов, в свою очередь, почти никогда (за исключением алюминия) не рассматривались как способ влияния на конкуренцию на рынке. Наконец, действенность как предписаний, так и непосредственно торговых политик неоднозначна. Эффекты предписаний зависят от правильности определения возникающих угроз для конкуренции, а также величины рисков, возлагаемых на компании вследствие применения данного инструмента конкурентной политики [Авдашева, Калинина, 2014]. Внедрение торговых политик в определенных условиях может, даже напротив, усилить риски искажения стимулов участников рынка и еще больше ограничить конкуренцию [Радченко и др., 2013]. Впрочем, хотя применяемые условия торговых политик не идеальны, можно ожидать наличия положительных эффектов в виде устранения потерь отечественных покупателей.

Заключение

Российская металлургия представляет собой высококонцентрированную отрасль, ориентированную на экспорт. Начиная с рыночных реформ, в отрасли активно происходили интеграционные процессы, приводящие к повышению концентрации — на некоторых рынках положение производителей близко к монопольному. Синергетический эффект, возникающий при объединении компаний, позволил российским металлургам занять лидирующие позиции в производстве и продаже металлопродукции в мире. Также одним из мотивов слияний выступало исчерпание сырьевой базы предприятий. Российские компании были нацелены на активный поиск источников сырья за счет сделок слияний и поглощений в целях повышения уровня самообеспеченности сырьем.

Однако подобное развитие структуры рынка ставит проблемы перед конкурентной политикой. Одобрение слияний с участием российских металлургов, позволяющих усилить их позиции на мировых рынках, может привести к ограничению конкуренции на отечественных рынках, особенно в условиях достаточно высоких импортных пошлин. Это подтверждается проведением ФАС России расследований о нарушении Закона о конкуренции, которые основываются на ущербе, причиненном внутренним потребителям. В качестве возможного способа разрешения проблем предлагается применение предписаний и торговых политик, но действенность

данного инструмента ограничена. Помимо защитных инструментов повышается важность применения активных инструментов конкурентной политики — в первую очередь снижение ввозных торговых барьеров. Снижение издержек входа позволит воздействовать на цены внутреннего рынка даже без фактического входа импортеров. В целом протекционистская политика, независимо от непосредственных мотивов и причин ее проведения, создает ощутимые риски повышения цен для внутренних покупателей, которые методами антимонопольной политики могут быть скорректированы лишь в небольшой степени.

Список литературы

1. *Авдашева С. Б.* Хозяйственные связи в российской промышленности: проблемы и тенденции последнего десятилетия. — М.: ГУ ВШЭ, 2000.
2. *Авдашева С. Б., Калинина М. М.* Ценовые предписания и управление рисками компаний // Конкуренция и право. — 2014. — № 3. — С. 39–44.
3. *Буданов И. А.* Черная металлургия в экономике России. — М.: МАКС-пресс, 2002.
4. *Голованова С. В.* Сигналы несовершенства конкуренции: результаты анализа цен товаров, вовлеченных в международную торговлю // Современная конкуренция. — 2010. — Т. 4. — № 22. — С. 11–25.
5. Практика и возможные последствия антимонопольной регламентации торговой политики частной компании // *Авдашева С. Б., Курдин А. А., Шаститко А. Е., Радченко Т. А.* / Под ред. Т. А. Радченко. — М.: МАКС Пресс, 2013.
6. *Сухорукова К. А., Авдашева С. Б.* Слияние — путь к использованию рыночной власти или повышению эффективности? Анализ последствий трех горизонтальных слияний на российских высококонцентрированных рынках // Российский журнал менеджмента. — 2013. — Т. 11. — № 2. — С. 3–24.
7. Тенденции изменения структуры российской промышленности в период экономического подъема // Отв. ред. С. Б. Авдашева, С. В. Голованова. — М.: Юстицинформ, 2009.
8. *Цыганов А. Г.* Международная торговля, потери от слабой конкуренции и вызовы для российской антимонопольной политики // Международная торговля и развитие конкуренции на национальных товарных рынках / Под ред. С. В. Головановой. — М.: ТЕИС, 2014. — 144 с.
9. *Цыгулина Д. В.* Может ли индикативное регулирование цен заменять либерализацию внешней торговли на высококонцентрированных экспортных рынках? // Экономическая политика. — 2015. — № 3. — С. 155–179.
10. *Шаститко А. Е., Голованова С. В.* Вопросы конкуренции в закупках капиталоемкой продукции крупным потребителем (уроки одного анти-

- монопольного дела) // Экономическая политика. — 2014. — № 1. — С. 67–89.
11. *Blanchard O., Kremer M.* (1997). Disorganization // *The Quarterly Journal of Economics.* — 1997. — No. 112. — P. 1091–1126.
 12. *Grossman S. J., Hart O. D.* The costs and benefits of ownership: a theory of vertical and lateral integration // *Journal of Political Economy.* — 1986. — No. 94. — P. 691–719.
 13. *Hart O., Moore J.* Property rights and the nature of the firm // *Journal of Political Economy.* — 1990. — No. 98. — P. 1119–1158.
 14. *Klein B., Crawford G., Alchian A.* Vertical integration, appropriable rents and the competitive contracting process // *Journal of Law and Economics.* — 1978. — No. 21. — P. 287–326.
 15. *Krugman P., Obstfeld M.* *International Economics: Theory and Policy* 9th ed. // Addison Wesley (Pearson), 2012. ISBN-13: 978-0-13-214665-4.
 16. *Pursell G., Snape R.* Economies of Scale, Price discrimination and Exporting // *Journal of International Economics.* — 1973. — No. 3 (1). — P. 85–91.
 17. *Shastitko A., Golovanova S.* Competition Issues Regarding Procurement for Large Companies and Suppliers—The Gazprom Case // *CPI Antitrust Chronicle.* — 2013. — No. 2. — P. 1–19.
 18. *Shastitko A., Golovanova S., Avdasheva S.* Investigation of Collusion in Procurement of One Russian Large Buyer // *World Competition: Law and Economics Review.* — 2014. — No. 37(2). — P. 235–248.
 19. *Williamson O. E.* The vertical integration of production: market failure considerations // *American Economic Review.* — 1971. — No. 61. — P. 112–123.
 20. *Williamson O. E.* Transaction cost economics: the governance of contractual relationships // *Journal of Law and Economics.* — 1979. — No. 22. — P. 233–261.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Avdasheva S. B.* Hozhajstvennye svjazi v rossijskoj promyshlennosti: problemy i tendencii poslednego desjatiletija. — M.: GU VShJe, 2000.
2. *Avdasheva S. B., Kalinina M. M.* Cenovye predpisanija i upravlenie riskami kompanij // *Konkurencija i pravo.* — 2014. — № 3. — S. 39–44.
3. *Budanov I. A.* Chernaja metallurgija v jekonomike Rossii. — M.: MAKSpres, 2002.
4. *Golovanova S. V.* Signaly nesovershenstva konkurencii: rezul'taty analiza cen tovarov, vovlechennyh v mezhdunarodnuju torgovlju // *Sovremennaja konkurencija.* — 2010. — T. 4. — № 22. — S. 11–25.
5. *Praktika i vozmozhnye posledstvija antimonopol'noj reglamentacii torgovoj politiki chastnoj kompanii* // *Avdasheva S. B., Kurdin A. A., Shastitko A. E., Radchenko T. A.* / Pod red. T. A. Radchenko. — M.: MAKSpres, 2013.

6. *Suhorukova K. A., Avdasheva S. B.* Slijanie — put' k ispol'zovaniju rynochnoj vlasti ili povysheniju jeffektivnosti? Analiz posledstvij treh gorizontal'nyh slijanij na rossijskikh vysokokoncentrirovannyh rynkah // Rossijskij zhurnal menezhmenta. — 2013. — T. 11. — № 2. — S. 3–24.
7. Tendencii izmenenija struktury rossijskoj promyshlennosti v period jekonomicheskogo pod#ema // Otv. red. — S. B. Avdasheva, S. V. Golovanova. — M.: Justicinform, 2009.
8. *Cyganov A. G.* Mezhdunarodnaja trgovlja, poteri ot slaboj konkurencii i vyzovy dlja rossijskoj antimonopol'noj politiki // Mezhdunarodnaja trgovlja i razvitie konkurencii na nacional'nyh tovarnyh rynkah / Pod red. S. V. Golovanovoj. — M.: TEIS, 2014. — 144 s.
9. *Cyulina D. V.* Mozhet li indikativnoe regulirovanie cen zamenjat' liberalizaciju vneshnej trgovli na vysokokoncentrirovannyh jeksportnyh rynkah? // Jekonomicheskaja politika. — 2015. — № 3. — S. 155–179.
10. *Shastitko A. E., Golovanova S. V.* Voprosy konkurencii v zakupkah kapitaloemkoj produkcii krupnym potrebitelem (uroki odnogo antimonopol'nogo dela) // Jekonomicheskaja politika. — 2014. — № 1. — S. 67–89.

С. В. Степанова¹,
Институт экономики Карельского научного центра РАН
(Петрозаводск, Россия)

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ ТУРИЗМА РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ²

Сфера туризма представляется в качестве перспективного/приоритетного направления развития приграничных субъектов Российской Федерации. Целью исследования является выявление общих тенденций и особенностей развития инфраструктуры туризма — одного из важнейших структурных компонентов туристской дестинации, ключевого фактора развития регионального туризма. В рамках исследования применялись анализ понятийно-терминологической системы, метод сравнения, метод аналогий, метод анализа рядов динамики. Анализ показателей развития инфраструктуры туризма 37 приграничных регионов, внешняя граница которых совпадает с сухопутной государственной границей Российской Федерации, выявляет влияние пространственного положения региона относительно государственной границы на развитие туристской инфраструктуры. Особое внимание уделено приграничным со странами дальнего зарубежья регионам России. Обосновано, что на состояние и уровень развития региональной туристской инфраструктуры влияние оказывает специфика взаимодействия Российской Федерации с сопредельными странами (странами дальнего и ближнего зарубежья) в исторической ретроспективе. Полученные результаты позволяют формировать комплексное представление о состоянии туристской инфраструктуры, а также могут быть применены при изучении вопросов развития туристской инфраструктуры и туризма на региональном уровне. Практическое применение предложенного подхода позволит расширить возможные варианты принимаемых управленческих решений, выступая в качестве инструмента региональной экономической политики в сфере туризма.

Ключевые слова: инфраструктура туризма, инфраструктура размещения, обеспеченность инфраструктурой туризма, приграничный регион, влияние

¹ Степанова Светлана Викторовна, к.э.н., научный сотрудник; e-mail: svkorka@mail.ru

² Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания в соответствии с Программой фундаментальных научных исследований государственных академий наук на период 2013–2020 гг., тема «Методология исследования эволюции северных периферийных регионов и разработка механизмов управления их экономическим развитием» (№ AAAA-A16-116011900255-1 от 19.01.2016).

государственной границы, сопредельные государства, развитие туризма и рекреации.

GENERAL TRENDS AND FEATURES OF TOURISM INFRASTRUCTURE DEVELOPMENT IN RUSSIA'S REGIONS

Tourism is becoming one of the perspective/ priority guideline of development of the cross-border regions of Russia. The aim of the study is to determine the general trends and features of tourism infrastructure development as one of the major structural components of a tourist destination, a key factor in the development of regional tourism. The study used the analysis of the conceptual and terminological system, comparison method, analog approach, the method of analysis of time series. Influence of cross-border location on the development of tourism infrastructure is proved on analyzing of indexes of 37 cross-border regions. The condition and level of tourism infrastructure development depend of the nature of cooperation between Russia and neighboring countries in historical aspect. The received practical results allow us to present a comprehensive picture of the state of tourist infrastructure. Besides, they can be used in the study of development of tourist infrastructure and tourist business at the regional level. The practical application of the proposed approach gives an opportunity to expand possible options for management decisions, acting as a tool of regional economic policy in the sphere of tourism.

Key words: tourism infrastructure, accommodation infrastructure, provision of tourism infrastructure, cross-border region, the influence of the state border, neighboring countries, development of tourism and recreation.

Введение. Обращение в научной дискуссии к проблематике туристской сферы деятельности как перспективному/приоритетному направлению регионального развития приграничных субъектов Российской Федерации (субъектов Российской Федерации, имеющих выход на государственную границу государства [Вардомский, 2009]) во многом обусловлено влиянием внешних и внутренних воздействий, принципиально изменивших подходы к развитию приграничного сотрудничества. Трансформация социально-экономического пространства государства на рубеже XX—XXI вв. привнесла кардинальные изменения в логику развития приграничных регионов: изменение функций государственных границ отразилось на направлениях, приоритетах и перспективах развития субъектов Федерации. Следует указать, что с начала XXI в. контактные функции границ России впервые за последние десятилетия (если не века) начинают доминировать [Межевич, 2009], положив начало выстраи-

ванию качественно нового политического, экономического и культурного диалога между РФ и сопредельными государствами. Специфика экономико-географического положения регионов, уникальный туристско-рекреационный потенциал, изменение восприятия туризма в качестве сферы экономической деятельности на уровне власти, бизнеса и общества, возможности и перспективы приграничного сотрудничества, «открытие» государственных границ, преимущество приграничных территорий, учитывая положительный опыт приграничных зарубежных дестинаций, создали благоприятную платформу для развития туристского направления регионального развития приграничных субъектов Российской Федерации. Вместе с тем усовершенствование коммуникаций, рост жизненного уровня и уровня образования населения преломились в повышение требований современных туристов к уровню и качеству предоставляемых туристских услуг в категории «цена — качество», к возможностям территории: наличие зон Wi-Fi, уровень развития придорожной инфраструктуры, наличие пунктов обмена валюты и др. [Степанова, 2014]. В этой связи формирование в приграничных регионах развитой туристской инфраструктуры, соответствующей международным стандартам, представляется основой развития туристского бизнеса и предоставления широкого спектра конкурентоспособных туристских услуг, способствуя притяжению туристских потоков в условиях межрегиональной и межстрановой конкуренции за туриста и инвестиции. Наоборот, ограничения, определяемые уровнем развития инфраструктуры туризма (недостаточность развития, износ, значительная территориальная дифференциация, пр.), препятствуют раскрытию и возможностям использования туристско-рекреационного потенциала территории, снижая туристскую емкость региона.

Постановка проблемы и выбор метода исследования. Учитывая ключевую роль развития инфраструктуры туризма в эффективности функционирования регионального туристского бизнеса, к настоящему времени накоплен значительный научный задел для понимания и осмысления сущности, функций и структуризации компонентов региональной туристской инфраструктуры [Величина, 2013; Мартышенко, 2011; Николаевская, 2009; Panasiuk, 2007; Seetanah et al., 2011]. В отношении данных категорий предложено достаточное число авторских дефиниций, отражающих различные подходы к исследуемой проблематике. В последние годы исследования все более сосредотачиваются на выявлении специфики, современного состояния и проблемах развития туристской инфраструктуры в отдельных приграничных регионах [Корнеевец и др., 2013; Мартышенко, 2011; Николаевская, 2009; Солдаткина, 2011; Степанова, 2014; Сунчугашева,

2013; Таппасханова и др., 2015; Jusoh, 2006; Kovacs, 2013; Vodeb, 2010; Wieckowski, 2010]. Особое место занимают исследования, раскрывающие проблематику влияния функций государственной границы на развитие туризма в приграничных регионах. В качестве примера следует привести работу Д. Матцнеттера «Границы и туризм: фундаментальные связи» [Matznetter, 1979], излагающую пространственные взаимосвязи между туризмом и государственной границей. В исследовании «Туризм и политические границы» профессор Д. Тимоти (США, Канада) продолжил работы Д. Матцнеттера, предложив несколько типов взаимодействия: граница как барьер, граница как туристская дестинация и граница как модификатор туристского ландшафта [Timothy, 2001]. В работах польского ученого М. Виецковского указывается, что «использование этого [туристского] потенциала... зависит от изменения функций государственных границ» [Wieckowski, 2010]. В статье профессора МГУ им. М. В. Ломоносова А. Ю. Александровой обосновывается, как «политико-административные границы все чаще выступают в качестве своеобразного туристского ресурса» [Александрова, 2012]. Функции государственных границ, их изменение и роль в развитии международного туризма на приграничных территориях достаточно подробно раскрыты в монографии А. Ю. Александровой и О. Г. Ступиной [Александрова, Ступина, 2014].

Вместе с тем накопленный значительный опыт и практика исследования развития туристского бизнеса не позволяют в полной мере оценить взаимосвязи влияния пространственного положения региона относительно государственной границы на развитие туризма и рекреации. Целью данной статьи является выявление общих тенденций и особенностей развития инфраструктуры туризма как одного из важнейших структурных компонентов туристской дестинации, ключевого фактора развития регионального туризма.

Исследование выполнено на основе анализа показателей развития инфраструктуры туризма 37 приграничных регионов, внешняя граница которых совпадает с сухопутной государственной границей Российской Федерации (Республика Крым в данном исследовании не рассматривается), особое внимание уделено 13 регионам, граничащим со странами дальнего зарубежья.

Результаты исследования и их обсуждение. Исследование развития инфраструктуры туризма в приграничных субъектах Российской Федерации за период 2000–2014 гг. позволяет выявить существование ряда тенденций, в определенной степени детерминированных функциями государственной границы (барьерная, контактная):

- 1) наличие государственной границы оказывает влияние на уровень развития региональной туристской инфраструктуры;

- 2) на состояние и развитие туристской инфраструктуры влияние оказывает специфика взаимодействия Российской Федерации с сопредельными странами в исторической ретроспективе.

Для выявления каузальных связей развития туристской инфраструктуры и влияния пространственного положения региона относительно государственной границы представляется обоснованным и достаточным выбор следующих показателей, распределенных по структурным элементам: для инфраструктуры размещения — число гостиниц и аналогичных средств размещения и мест в них; для инфраструктуры питания — число ресторанов, кафе, баров; для инфраструктуры досуга и развлечения — число театров и музеев Министерства культуры РФ (табл. 1.).

Таблица 1

**Показатели развития инфраструктуры туризма
в приграничных регионах Российской Федерации, 2014 г.***

№	Инфраструктура туризма	Показатель	Среднее значение по		разница к РФ, %
			РФ	37 приграничным регионам	
1	Инфраструктура размещения	число гостиниц и аналогичных средств размещения, ед.	126	145	+15%
2		обеспеченность гостиницами на 1 тыс. чел.	0,07	0,09	+29%
3		число мест в гостиницах, ед.	9587	10128	+6%
4		обеспеченность местами в гостиницах на 1 тыс. чел.	5,7	6,1	+7%
5	Инфраструктура питания	число ресторанов, кафе, баров, ед.	898	877	-2,3%
6		обеспеченность ресторанами, кафе, барами на 1 тыс. чел.	0,53	0,53	—
7	Инфраструктура досуга и развлечения	число театров Минкультуры России, ед.	7,4	5,6	-24%
8		обеспеченность театрами Минкультуры РФ на 1 тыс. чел.	0,004	0,003	-25%
9		число музеев Минкультуры России, ед.	30,5	24	-21%
10		обеспеченность музеями Минкультуры РФ на 1 тыс. чел.	0,02	0,01	-50%

* Здесь и далее рассчитано на основе источников¹.

¹ Официальный сайт Федерального агентства по туризму. URL: <http://www.russiatourism.ru/> и Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

Сопоставление средних показателей аргументирует некоторую зависимость развития инфраструктуры туризма от пространственного положения региона, причем влияние дифференцировано по структурным компонентам: превышение в развитии инфраструктуры размещения и отставание — инфраструктуры питания, досуга и развлечения. Следует указать, что инфраструктура размещения как индикатор одной из первых среди структурных компонентов туристской инфраструктуры реагирует на развитие турбизнеса, отражая общие тенденции и одновременно определяя перспективы и возможности развития регионального туризма и рекреации в целом, а не только экскурсионных услуг. В этой связи особое внимание из всех структурных компонентов будет уделено именно инфраструктуре размещения. Принимая во внимание специфику взаимодействия Российской Федерации с сопредельными государствами в историческом контексте, рассмотрение лидирующей позиции развития инфраструктуры размещения в разрезе регионов, граничащих со странами дальнего и ближнего зарубежья, позволяет определить следующие особенности. Согласно расчетам, высокие средние показатели уровня развития инфраструктуры размещения (по числу гостиниц и аналогичных средств размещения в 2014 г.) 37 приграничных регионов Российской Федерации (145) в сравнении со среднероссийским показателем (126) определяются благодаря приграничным регионам, граничащим со странами ближнего зарубежья (161), аналогично по количеству мест (более 11,5 тыс.). Низкие количественные показатели уровня развития инфраструктуры туризма могут обуславливаться «закрытостью» приграничных регионов со странами дальнего зарубежья (капиталистическими странами) в советский исторический период, когда доминирующая барьерная функция государственной границы ограничивала перемещение товаров, услуг, населения, возможности хозяйственного освоения территорий. Трансформационные преобразования на рубеже XX—XXI вв., изменение геополитического положения государства на мировой арене, сопровождаемые «открытием» приграничных регионов, послужили основой интенсификации освоения и использования потенциала территорий, в том числе туристско-рекреационного освоения. Что способствовало повышению занятости и самозанятости местного населения, поступлению доходов в бюджеты всех уровней, сохранению и воспроизводству культурно-исторического и природного наследия регионов. При этом стремительные темпы развития туристской инфраструктуры в приграничных со странами дальнего зарубежья регионах к 2014 г. не позволили наверстать сложившиеся диспропорции.

Наоборот, превышающие в сравнении со средними по Российской Федерации показатели обеспеченности инфраструктурой размещения обуславливаются высокими значениями 13 регионов, граничащих со странами дальнего зарубежья, что в большей степени детерминируется низкой численностью населения периферийных субъектов. Вместе с тем следует уточнить, что рассчитанные показатели представляют, по сути, «фотографию» уровня развития в определенный временной период (по состоянию на 2014 г.), выявление общих тенденций развития инфраструктуры туризма в приграничных регионах России требует исследования его в динамике.

Влияние государственной границы на развитие инфраструктуры размещения прослеживается в опережающей динамике роста показателей в приграничных регионах в сравнении со среднероссийскими показателями: рост числа гостиниц в 2,8 раза и 2,35 раза, рост числа мест в них 2,77 раза и 2,56 раза соответственно. При этом следует подчеркнуть, что опережающие темпы развития инфраструктуры размещения в период 2000–2012 гг. достигались именно за счет интенсивного развития номерного фонда в граничащих со странами дальнего зарубежья приграничных регионах (почти в 2,2 раза прирост). Активизация развития номерного фонда в остальных 24 приграничных регионах в 2012–2014 гг. (+35%, в количественном отношении более 71 тыс. мест в сопоставлении с 13 регионами — +23,8 тыс. мест) обусловила сопоставимость темпов роста инфраструктуры размещения 2000–2014 гг. (2,77 раза и 2,8 раза). Из регионов максимальный прирост числа койко-мест произошел в Краснодарском крае (более 43 тыс. мест), что во многом обуславливается проведением зимних Олимпийских игр в Сочи в 2014 г. Высокие показатели прироста в 2012–2014 гг. наблюдаются в Воронежской (более 7,5 тыс. мест), Оренбургской (более 3,5 тыс. мест), Тюменской (более 3 тыс. мест), Челябинской (около 3 тыс. мест), а также Самарской областях и Кабардино-Черкесской Республике (более 2 тыс. мест). Динамика развития приграничных со странами дальнего зарубежья регионов будет представлена далее.

Следует заметить, что из исследуемых элементов инфраструктуры туризма самым инертным является инфраструктура досуга и развлечения в силу определенного набора объектов, входящих в ее состав: театры, музеи, парки культуры и отдыха, бассейны, дельфинарии, цирки и пр. — и требующих значительных финансовых затрат и инвестиций на их строительство, обустройство и функционирование. Вместе с тем, согласно данным официальной статистики за период 1992–2012 гг. (93% в 2002–2012 гг.), в Российской Федерации введено в действие около 35 тыс. мест в театрах, из кото-

рых около половины (48,6%) приходится на приграничные регионы. Однако данная динамика соответствует общероссийской тенденции и проявляется на всей территории Российской Федерации вне зависимости от пространственного положения региона относительно государственной границы.

Обращаясь к логике оценки уровня развития инфраструктуры туризма, следует акцентировать внимание на ключевом (определяющем) значении применяемой методики расчета показателей, диаметрально меняющем положение исследуемых регионов, например, по отношению к среднероссийскому значению. Так, способ расчета, построенный на соотношении количественных показателей к среднему по Российской Федерации и по приграничным регионам (37) значению, показывает значительное отставание уровня развития инфраструктуры туризма граничащих со странами дальнего зарубежья 13 приграничных регионов (табл. 2.).

Таблица 2

Показатели развития инфраструктуры туризма в приграничных со странами дальнего зарубежья регионах РФ, 2014 г.

№	Инфраструктура туризма	Показатель	В среднем по 13 регионам	Разница к среднему по РФ, %	Разница к среднему по 37 регионам, %
1	Инфраструктура размещения	число гостиниц и аналогичных средств размещения, ед.	115	-8%	-21%
2		обеспеченность гостиницами на 1 тыс. чел.	0,13	+86%	+44%
3		число мест в гостиницах, ед.	7263	-24%	-28%
4		обеспеченность местами в гостиницах на 1 тыс. чел.	8,1	+42%	+33%
5					
6	Инфраструктура питания	число ресторанов, кафе, баров, ед.	511	-43%	-42%
7		обеспеченность ресторанами, кафе, барами на 1 тыс. чел.	0,57	+8%	+8%
8	Инфраструктура досуга и развлечения	число театров Минкультуры РФ, ед.	3,5	-53%	-38%
9		обеспеченность театрами Минкультуры РФ на 1 тыс. чел.	0,004	—	+33%
10		число музеев Минкультуры РФ, ед.	16	47,5%	-33%
11		обеспеченность музеями Минкультуры РФ на 1 тыс. чел.	0,02	—	+2005

Распределение приграничных регионов, позволяющее соотнести уровень развития со среднероссийскими показателями по структурным элементам, показывает, что только Ленинградская область опережает данные показатели, являясь в данной системе расчета регионом-лидером (рис. 1). Вместе с тем динамизм развития туристской инфраструктуры в Ленинградской области во многом обуславливается подъемом туризма в Санкт-Петербурге. Остальные регионы, согласно расчетам, в значительной степени отстают (исключение, Приморский край, по уровню развития инфраструктуры размещения в 1,85 раза опережающий аналогичный показатель).

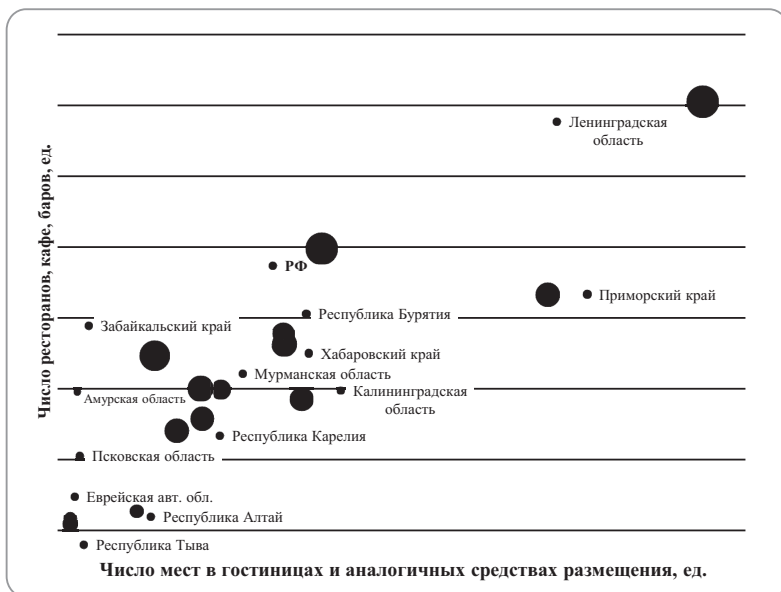

Рис. 1. Распределение приграничных регионов России по уровню развития туристской инфраструктуры, 2014 г.: X (инфраструктура размещения); Y (инфраструктура питания); Z (размер кружка — число музеев Министерства культуры России)

Расчеты показателей обеспеченности инфраструктурой туризма, позволяющие производить сравнение в соотношении с численностью населения регионов, выявляют опережение/сопоставление со среднероссийским показателем, что во многом обуславливается низкой численностью населения исследуемых регионов (895,1 тыс. чел. против среднего по Российской Федерации показателя — 1690,2 тыс. чел.):

- 1) обеспеченность инфраструктурой размещения в исследуемых приграничных регионах более чем на 40% выше среднего по РФ показателя;
- 2) обеспеченность инфраструктурой питания и инфраструктурой досуга и развлечения несколько выше или сопоставима.

Распределение исследуемых 13 приграничных регионов по обеспеченности инфраструктурой размещения выявляет, что 77% исследуемых регионов опережают средние показатели по Российской Федерации, по обеспеченности инфраструктурой питания — 70%, инфраструктурой досуга и развлечения — 40% и 40% соответствуют (рис. 2). Регионами — лидерами по уровню обеспеченности инфраструктурой туризма являются шесть приграничных регионов, показатели структурных элементов инфраструктуры которых опережают (по обеспеченности инфраструктурой досуга и развлечения у четырех регионов соответствуют) среднероссийские показатели: Республика Карелия, Псковская область, Республика Алтай, Ленинградская область, Республика Бурятия и Амурская область (ранжировано по снижению показателей).

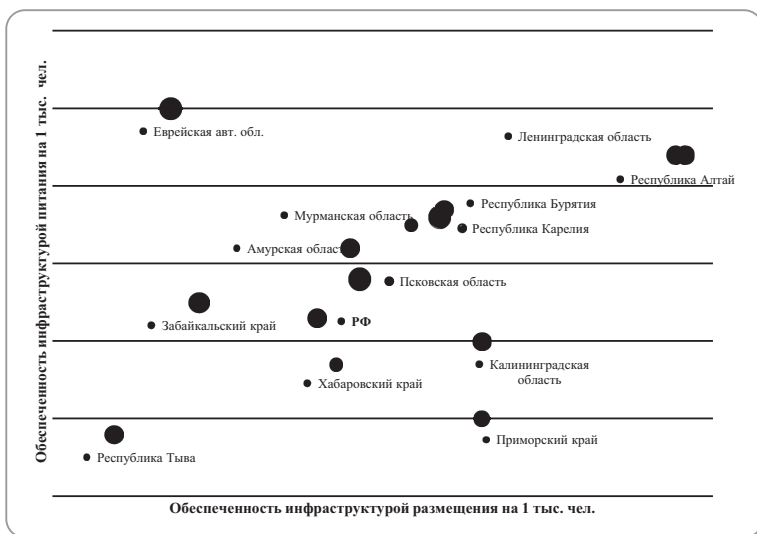

Рис. 2. Распределение приграничных регионов по обеспеченности инфраструктурой туризма, 2014 г.: X (обеспеченность местами в гостиницах и аналогичных средствах размещения на 1 тыс. чел.); Y (обеспеченность ресторанами, кафе, барами на 1 тыс. чел.); Z (размер кружка — обеспеченность музеями Министерства культуры России на 1 тыс. чел.)

Следует указать, что с изменениями, произошедшими в восприятии туризма, принятием данной сферы деятельности в качестве (нового) перспективного и/или приоритетного направления социально-экономического развития регионов на уровне власти, бизнеса и общества начался процесс интенсивного развития туристской инфраструктуры, особенно инфраструктуры размещения (показатели динамики за период 2000–2014 гг. на 8% опережают рост среднероссийских показателей). Таким образом, опережающие темпы роста показателей развития инфраструктуры размещения в 2000–2014 гг. достигаются за счет приграничных со странами дальнего зарубежья регионов (табл. 3.). В некоторой степени подтверждается влияние изменения функций государственной границы (барьерная, контактная), отражающих специфику взаимодействия России с сопредельными государствами в исторической ретроспективе (страны дальнего и ближнего зарубежья).

Таблица 3

Динамика развития инфраструктуры размещения за 2000–2014 гг.

№	Приграничный регион	Число гостиниц		Число мест в гостиницах	
		динамика, разы	прирост, ед.	динамика, разы	прирост, ед.
1	Республика Карелия	1,86	50	1,9	2501
2	Калининградская область	2,4	52	3	5877
3	Ленинградская область	3,4	122	8,6	20 708
4	Мурманская область	1,5	27	1,5	2094
5	Псковская область	1,9	24	2	2166
6	Республика Алтай	8,75	93	12,3	2625
7	Республика Бурятия	6,77	173	4,57	6398
8	Республика Тыва	0	0	–42%	–323
9	Забайкальский край	2,4	67	1,6	1316
10	Приморский край	2,95	160	2,5	10 743
11	Хабаровский край	2,77	115	1,88	3844
12	Амурская область	2,4	73	1,8	2306
13	Еврейская автономная обл.	1,5	3	10%	38
14	В среднем по 13 регионам	2,8	74	2,77	4931

Опережающие темпы роста в разрезе числа гостиниц и аналогичных средств размещения приграничных регионов обеспечиваются за счет строительства и введения новых гостиничных предприятий в пяти приграничных регионах за период 2000–2014 гг.: Республика Алтай и Бурятия, Ленинградской области, Приморском и Хабаровском краях (совокупно 70% от числа введенных в 13 приграничных

регионах). В остальных приграничных регионах темпы прироста ниже среднероссийских показателей, что может быть обусловлено в том числе и достаточным числом предприятий инфраструктуры размещения в регионах (например, обеспеченность в Калининградской области в 1,6 раза выше среднего по Российской Федерации показателя).

Таким образом, в целом, согласно динамике показателей развития инфраструктуры размещения, можно выделить четыре региона-лидера, в которых инфраструктура размещения развивается опережающими темпами: Республика Алтай, Республика Бурятия, Ленинградская область и Приморский край; стремится Калининградская область и Хабаровский край. Исключением из исследуемых регионов является Республика Тыва, где наблюдается тенденция сокращения номерного фонда при сохранении количественного показателя гостиничных предприятий.

Исследование обеспеченности инфраструктурой размещения приграничных регионов в динамике выявляет устойчивую тенденцию роста, что обуславливается в большей степени именно развитием туристской инфраструктуры в регионах, нежели сокращением численности населения (табл. 4).

Таблица 4

Обеспеченность приграничных регионов местами в гостиницах и аналогичных средствах размещения, на 1 тыс. чел.

№	Приграничный регион	2002	2010	2012	2014	Динамика численности населения 2002/2014, %
1	Республика Карелия	3,5	6,4	7,8	8,3	-11%
2	Калининградская обл.	2,6	5,2	6,5	9,2	-1%
3	Ленинградская обл.	1,6	9,7	12,2	13,3	+3%
4	Мурманская обл.	4,6	6,4	6,2	7,7	-12%
5	Псковская обл.	1,9	4,6	5,3	6,6	-13%
6	Республика Алтай	2	9,5	14,5	13,5	+2%
7	Республика Бурятия	1,9	4,1	5,4	8,4	-1%
8	Республика Тыва	2,8	2,6	1,5	1,4	+1%
9	Забайкальский край	1,9	3,2	2,8	3,2	-4%
10	Приморский край	3,6	5,1	5,8	9,2	-6%
11	Хабаровский край	3,1	4,1	4,3	6,1	-7%
12	Амурская обл.	3,75	5,5	5,5	6,4	-9%
13	Еврейская авт. обл.	2,1	2,3	1,7	2,6	-8%
14	В среднем по РФ	2,36	3,7	4,3	5,7	—
15	В среднем по приграничным регионам (13)	2,7	5,3	6,1	7,4	—

Кроме того, следует отдельно выделить Ленинградскую область и Республику Алтай, в которых за исследуемый период 2002—2014 гг. увеличение уровня обеспеченности произошло на фоне увеличения численности населения. Практически все исследуемые приграничные регионы характеризуются превышением среднероссийских показателей, в этой связи при наблюдаемой тенденции можно предполагать переход всех регионов в ближайшей перспективе на уровень выше среднего. В качестве исключения следует выделить три приграничных региона: Республику Тыва и Забайкальский край, имеющих сухопутную государственную границу с Монголией, а также Еврейскую автономную область, — значительно отстающих по данным показателям.

Выводы. Исследование развития туристской инфраструктуры в приграничных регионах России за период 2000—2014 гг. выявляет ряд тенденций, в определенной степени детерминированных функциями государственной границы (барьерная, контактная), а также их изменением. Влияние государственной границы на развитие инфраструктуры туризма дифференцировано по структурным компонентам: опережающая динамика роста показателей инфраструктуры размещения в приграничных регионах в сравнении со среднероссийскими показателями, отставание — инфраструктуры питания, досуга и развлечения. Высокие средние показатели уровня развития инфраструктуры размещения 37 приграничных регионов Российской Федерации в сравнении со среднероссийскими показателем (2014 г.) определяются благодаря приграничным регионам, граничащим со странами ближнего зарубежья. Низкие количественные показатели уровня развития инфраструктуры туризма (2014 г.) приграничных со странами дальнего зарубежья регионов могут обуславливаться «закрытостью» субъектов в советский исторический период (государственная граница с капиталистическими странами). При этом стремительные темпы развития туристской инфраструктуры в данных регионах к 2014 г. не позволили наверстать сложившиеся диспропорции. Наоборот, превышение в сравнении со средними по Российской Федерации показателями обеспеченности инфраструктурой размещения обуславливается высокими значениями граничащих со странами дальнего зарубежья регионов и во многом низкой численностью населения периферийных субъектов.

Наряду с количественными показателями оценки уровень развития инфраструктуры туризма, определение качественных характеристик функционирования представляются ключевым аспектом, формирующим в конечном счете ценностные и стоимостные характери-

стики регионального туристского продукта, тем самым определяя конечные результаты функционирования и развития туристского бизнеса в регионе. Решающее значение в развитии туристского бизнеса, возможности использования туристско-рекреационного потенциала региона (включая транспортную доступность) играет уровень и качество функционирования транспортной инфраструктуры [Солдаткина. 2011; Бухер, 2016]. Решение пространственных диспропорций в количественных и качественных показателях развития туристской инфраструктуры (в условиях межстрановой и межрегиональной конкуренции за туриста и инвестиции), достаточная разреженность социально-экономического пространства приграничных регионов требуют комплексного подхода. Включая интеграцию и кооперацию хозяйствующих субъектов для предоставления качественных туристских услуг, консолидацию усилий всех заинтересованных в развитии регионального туристского бизнеса сторон: власти, бизнеса и общества, — учитывая, что туристская инфраструктура обеспечивает не только удовлетворение интересов туристов, но потребности местного населения в отдыхе и рекреации.

Применение предложенного подхода к оценке уровня развития туристской инфраструктуры на практике позволит проводить ранжирование регионов с целью разработки рекомендаций по совершенствованию региональной инфраструктуры туризма, выстраивания приоритетов инвестиционных инфраструктурных проектов, расширить возможные варианты принимаемых управленческих решений, выступая в качестве инструмента региональной экономической политики в сфере туризма. Дальнейшее исследование предполагает оценку современного состояния, общих тенденций и специфики развития туристско-рекреационной деятельности приграничных регионов России с целью выработки мер региональной экономической политики в области туризма по повышению эффективности функционирования регионального туристского бизнеса, активизации экономического развития периферийных регионов и усиления вовлечения и использования туристско-рекреационного потенциала территорий (без ущерба окружающей среде) в хозяйственной деятельности.

Список литературы

1. *Александрова А. Ю., Ступина О. Г.* Туристское регионоведение: влияние региональной интеграции на мировой туристский рынок. — М.: КноРус, 2014. — 176 с.

2. *Александрова А. Ю.* Политико-административные границы: от барьера к туристскому ресурсу // Вестник Московского университета. — 2012. — № 3. — Серия 5. География. — С. 15–20.
3. *Бухер С.* Конкурентоспособность России на глобальном туристическом рынке // Экономика региона. — 2016. — Т. 12. — Вып. 1. — С. 240–250.
4. *Вардомский Л. Б.* Российское порубежье в условиях глобализации. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 216 с.
5. *Величкина А. В.* Проблемы развития туристской инфраструктуры региона (на примере Вологодской области) // Проблемы развития территории. — 2013. — № 4 (66). — С. 40–48.
6. *Корнеевец В. С., Семенова Л. В.* Кластерный подход в развитии туризма Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — 2013. — № 9. — С. 153–159.
7. *Мартышенко Н. С.* Туристский потенциал Приморского края и перспективы развития туристской индустрии на его территории // Народное хозяйство. Вопросы инновационного развития. — 2011. — № 1. — С. 74–88.
8. *Межевич Н. М.* Приграничное сотрудничество и практика деятельности еврорегионов на Северо-Западе России и в Республике Беларусь. — СПб.: Издательство «Левша. Санкт-Петербург», 2009. — 268 с.
9. *Николаевская Ю. В.* Состояние инфраструктуры туризма в Приморском крае // Вестник ТГУЭУ. — 2009. — № 4. — С. 21–31.
10. *Солдаткина Н. В.* Предпосылки развития международного автобусного туризма в Хабаровском крае // Власть и управление на Востоке России. — 2011. — № 3. — С. 79–84.
11. *Степанова С. В.* Туристская инфраструктура приграничных регионов России: состояние и проблемы развития // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. — 2014. — № 2 (70). — С. 51–64.
12. *Сунчугашева Л. А.* Проблемы формирования инфраструктуры туризма в приграничном регионе (на примере Республики Тыва) // Инфраструктурные отрасли экономики: проблемы и перспективы развития. — 2013. — № 3. — С. 151–156.
13. *Таппасханова Е. О., Мустафаева З. А., Токмакова Р. А., Кудашева М. З.* Развитие туристско-рекреационного комплекса региона // Экономика региона. — 2015. — № 2. — С. 208–219.
14. *Jusoh J., Mohamed B.* (2006). Tourists Infrastructure Provision Versus Successful Destinations; Case Study: Langkawi Island // Proceedings of 12th Asia Pacific Tourism Association & 4th Asia Pacific ChRie. June 26–29, Hualien, Taiwan. — P. 873–879.
15. *Kovács I., Nagy G.* Tourism in peripheric regions — the possibilities of thematic routes // Analele Universităţii din Oradea — Seria Geografie. — 2013. — 2. — P. 220–228.
16. *Matznetter J.* Border and tourism: Fundamental relations // Gruber G., Lamping H. & others (Eds.). Tourism and borders: proceedings of the meeting of the IGU Working Group: Geography of Tourism and Recreation. —

- Frankfurt/Main: Institut für Wirtschafts und Sozialgeographie der Johann Wolfgang Goethe-Universität Frankfurt/Main. — P. 61–73.
17. *Panasiuk A.* Tourism infrastructure as a determinant of regional development / *Ekonomika ir vadyba: aktualijos ir perspektyvos.* — 2007. — 1 (8). — P. 212–215.
 18. *Seetannah B., Juwaheer T. D., Lamport M. J., Rojid S., Sannassee R. V.* Does Infrastructure Matter In Tourism Development? // *University of Mauritius research journal.* — 2011. — 17. — P. 89–108.
 19. *Spiriajevas E.* The impact of tourism factor for development of the south-east Baltic coastal — border regions // *GeoJournal of Tourism and Geosites.* — 2008. — No. 2. — Vol. 2. — P. 118–128.
 20. *Timothy D.* *Tourism and political boundaries.* — London: Routledge, 2001. — P. 240.
 21. *Vodeb K.* Cross-border regions as potential tourist destinations along the Slovene Groatian frontier // *Tourism and hospitality management.* — 2010. — Vol. 16. — No 2. — P. 219–228.
 22. *Więckowski M.* Tourism development in the borderlands of Poland // *Geographia Polonica.* — 2010. — 93.2. — P. 67–81.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Aleksandrova A. Yu., Stupina O. G.* Turistskoe regionovedenie: vliyanie regionalnoy integracii na mirovoy turistskiy rynek [Tourist regional studies: the impact of regional integration on the world tourist market]. — M.: Knorus, 2014. — P. 176.
2. *Aleksandrova A. Y.* Politiko-administrativnye granicy: ot barera k turistskomu resursu [Political and administrative boundaries: from the barrier to the tourist resources]. *Vestnik Moskovskogo Unversiteta, Seriya Geografiya* [Bulletin of Moscow State University]. — 2012. — 3. P. 15–20.
3. *Buher S.* Konkurentosposobnost Rossii na globalnom turisticheskom rynke [Competitiveness of Russia in the global tourism market] // *Ekonomika regiona* [Economy of the region]. — 2016. — T. 12. — V. 1. — P. 240–250.
4. *Vardomskiy L. B.* Rossiyskoe porubezhe v usloviyah globalizacii [Russian borderlands in the context of globalization]. — M., 2009. — P. 216.
5. *Velichkina A. V.* Problemy razvitiya turistskoj infrastruktury regiona (na primere Vologodskoj oblasti) [Problems of tourism infrastructure development in the region (for example the Vologda region)] // *Problemy razvitiya territorii* [The problems of development of territories]. — 2013. — 4 (66). — P. 40–48.
6. *Korneev V. S., Semenova L. V.* Klasternyj podhod v razvitiu turizma kaliningradskoj oblasti [The cluster approach in tourism development of the Kaliningrad region] // *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta.* — 2013. — 9. — P. 153–159.
7. *Martyshenko N. S.* Turistskij potencial Primorskogo kraja i perspektivy razvitiya turistskoj industrii na ego territorii [The tourist potential of Primorsky

- Krai and prospects of the tourist industry development] // Narodnoe hozjajstvo. Voprosy innovacionnogo razvitija [National economy. Questions of innovation development]. — 2011. — 1. — P. 74–88.
8. *Mezhevich N. M.* Prigranichnoe sotrudnichestvo i praktika dejatel'nosti evroregionov na Severo-Zapade Rossii i v Respublike Belarus' [Cross-border cooperation and Euro-regions practice activities in the North-West of Russia and Belarus]. — SPb.: Izdatel'stvo «Levsha», 2009. — 268 p.
 9. *Nikolaevskaja Ju. V.* Sostojanie infrastruktury turizma v Primorskom krae [The current status of the tourism infrastructure in Primorsky Krai] // Vestnik TGJeU. [Bulletin TGEU]. — 2009. — 4. — P. 21–31.
 10. *Soldatkina N. V.* Predposylki razvitiya mezhdunarodnogo avtobusnogo turizma v habarovskom krae [Prerequisites for international coach tourism in the Khabarovsk region] // Vlast i upravlenie na Vostoke Rossii [The power and management of the East of Russia]. — 2011. — 3. — P. 79–84.
 11. *Stepanova S. V.* Turistskaja infrastruktura prigranichnyh regionov Rossii: sostojanie i problemy razvitija [Tourism infrastructure of the cross-border regions: conditions and problems of development] // Izvestija Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. Jekonomika i upravlenie [News of the Far Eastern Federal University]. — 2014. — 2 (70). — P. 51–64.
 12. *Sunchugasheva L. A.* Problemy formirovanija infrastruktury turizma v prigranichnom regione (na primere Respublike Tyva) [Problems of formation of tourism infrastructure in the border region (on the example of the Republic of Tuva)] // Infrastrukturnye otrasli jekonomiki: problemy i perspektivy razvitija [Infrastructure industries: problems and prospects]. — 2013. — 3. — P. 151–156.
 13. *Tappashanova E. O., Mustafaeva Z. A., Tokmakova R. A., Kudasheva M. Z.* Razvitie turistsko-rekreacionnogo kompleksa regiona [Region tourist and recreation complex development] // Jekonomika regiona [Economy of region]. — 2015. — 2. — P. 208–219.

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

И. А. Рачковская¹,

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ЛОГИСТИКИ В ХОДЕ НЕОИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ²

В статье показано воздействие неоиндустриализации, или новой промышленной революции, на изменения в логистике. Анализируется влияние Интернета вещей и аддитивных технологий на изменения в экономике. Особое внимание уделяется основным тенденциям трансформации логистики в неоиндустриальных условиях. На основе оценки развития Индустрии 4.0 рассматриваются ключевые направления совершенствования управления цепями поставок. Выводы, сделанные в статье, могут использоваться в качестве рекомендаций для разработки логистической стратегии компании и при описании процессов.

Ключевые слова: логистика, управление цепями поставок, неоиндустриализация (новая промышленная революция), Индустрия 4.0, Интернет вещей, аддитивные технологии.

THE MAJOR TRENDS IN LOGISTICS TRANSFORMATION IN THE COURSE OF NEOINDUSTRIALIZATION

The article deals with oncoming Neoindustrialization (New Industrial Revolution) influence on logistics' nature. The author analyzes the impact of the Internet of Things and additive technologies for economic development. Special attention is paid to the basic tendencies of transformation of logistics in terms neoindustrialization. Basic ways for logistic transformation under the Industrie 4.0 are considered on the base of modern changes in the supply chains management. Conclusions of this

¹ Рачковская Ирина Аркадьевна, к.э.н., доцент кафедры маркетинга экономического факультета; e-mail: irachkovskaya@econ.msu.ru

² Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных по Государственному заданию Финуниверситета в 2015 г. (Проект LIX. ВТК-ГЗ-59-15 «Условия и факторы неоиндустриального развития»).

research can be used as recommendations for to design of logistics strategy of the company and process descriptions.

Key words: logistics, Supply Chains Management, Neoindustrialization (New Industrial Revolution), Industrie 4.0, Internet of Things, additive manufacturing.

Как и любая бизнес-концепция, логистика является весьма чувствительной к любым изменениям внешней среды. Каждая из базисных логистических функций: производство, снабжение и сбыт — в первую очередь чутко реагирует на изменения научно-технического прогресса. Быстро и правильно уловить ориентиры развития логистики — задача, от которой зависит как успех управления цепями поставок в целом, так и развитие логистических систем любого уровня. Всякое изменение экономического курса требует пересмотра взаимодействия всех участников рынка, связанных с производством продукции и ее последующим распределением. Поэтому переход к глобальному использованию электронных устройств, внедрение в бизнес-процессы вычислительных и контрольных систем в совокупности с системами хранения передачи информации не могли не затронуть все сферы деятельности, не обойдя и логистику. Для выбора стратегии развития отдельных предприятий и систем различного уровня необходимо представлять, какие преобразования может внести грядущая неиндустриальная эпоха в их логистическую составляющую. Данная работа — попытка рассмотреть возможные тенденции трансформации логистики и систематизировать основные направления ее развития в ходе неоиндустриализации.

Индустрия 4.0 и ее влияние на мировую экономику

Индустриальные революции, сменяющие друг друга в естественном эволюционном процессе, в основе своей содержат развитие производительных сил. Мир уже пережил индустриальные революции, связанные с силой воды и пара (Индустрия 1.0), силой электричества (Индустрия 2.0), силой ЭВМ (Индустрия 3.0). На подходе новый этап развития — Индустрия 4.0, — связанный с силой Интернета вещей (Internet of Things, IoT). Термин «Интернет вещей» был предложен в 1999 г. основателем исследовательского центра Auto-ID Center Массачусетского технологического института (MIT) К. Эш-тоном. И первоначально рассматривался как идея для маркетинговой кампании с целью продвижения RFID-меток (Radio Frequency Identification) [Amro M. Farid, 2003]. Сегодня Интернет вещей — это

технологии, уже давно вышедшие за рамки вещей, снабженных радиочастотными метками. Данный подход широко используется в таких современных концепциях, как всепроникающие компьютерные системы (Pervasive Computing) и интеллектуальная окружающая среда (Ambient Intelligence). В IoT полная автоматизация логистических процессов происходит за счет взаимодействия объектов с уникальными (Unique Identifier) или виртуальными (Virtual Identifier) идентификаторами. Такие объекты или вещи взаимодействуют друг с другом, создавая постоянные или временные сети, изменяя свойства и адаптируясь к окружающей среде. Ключевым техническим условием Интернета вещей является вычислительная сеть физических объектов, которая предусматривает возможность обмена данными как между всеми компонентами производственной системы, так и системы с внешней средой.

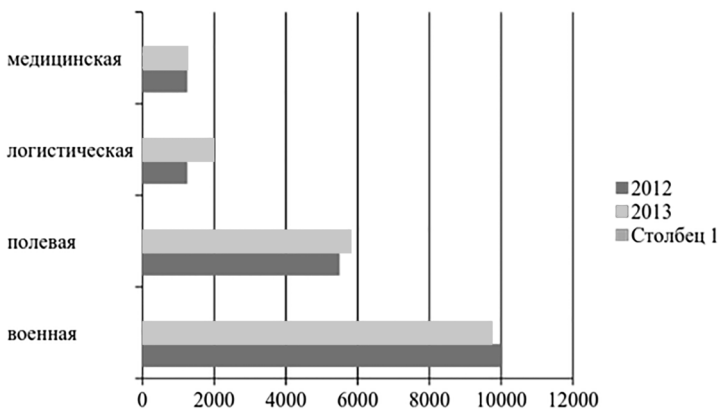
Анкетирование промышленных компаний, проведенное в 2015 г., свидетельствует о том, что около 40% участников опроса согласны с утверждением о том, что «Интернет вещей — это новое фундаментальное технологическое направление, уже готовое к крупномасштабным инвестициям бизнеса» [O'Marah, 2015]. По данным опроса Forrester Consulting, 53% руководителей планируют внедрение IoT-технологий в ближайшие 1–2 года. Среди владельцев предприятий Азии и Латинской Америки существует более решительный настрой — внедрять IoT предполагается в 69 и 60% организаций соответственно. По прогнозу IDC, к 2018 г. в составе Интернета вещей будет 9 млрд устройств по сравнению с 1,9 млрд в 2013 г. [Industry 4.0..., 2014]. В ближайшее время объем производственной информации, генерируемой компаниями, может превзойти объем бизнес-информации [Kreiling, 2013].

Реакция различных стран на данные изменения не заставила себя ждать. Так, правительство Германии в 2006 г., в 2010-м и 2012-м опубликовало уже три стратегии развития промышленности. Варианты стратегий получили общее название High-Tech Strategy 2020 Action Plan. Последний опубликованный документ получил название «Платформа Индустрия 4.0». По планам немецких промышленников, в 2030 г. в Германии должна заработать вся система интернетизированной промышленности. Аналогичные проекты существуют и в других странах: Smart Factory в Нидерландах, Usine du Futur во Франции, High Value Manufacturing Catapult в Великобритании, Fabbrica del Futuro в Италии. Американская модель неоиндустриализации — Промышленный интернет — выводит практически те же процессы, что и Индустрия 4.0,

за пределы собственно обрабатывающей промышленности. Американская модель промышленного интернета жестко встроена в существующий порядок вещей в новых технологиях и ищет решения проблем совместимости и безопасности в будущем [Bledowski, 2015]. Наиболее важные отличия двух моделей неоиндустриализации можно свести к следующим положениям [Толкачев, Рачковская, 2015]:

- если Индустрия 4.0 пытается оптимизировать производство, то Интернет вещей применим к любым активам;
- если Индустрия 4.0 работает в рамках стандартизации, то Интернет вещей только работает над созданием платформ, устанавливающих будущие стандарты;
- если Индустрия 4.0 ориентируется в своей работе на высокотехнологичные инновации, то Интернет вещей расширяет границы любых интернет-приложений.

Поскольку основные изменения в Индустрии 4.0 с большей вероятностью будут связаны с усилением роли потребителя в производственном процессе и выборе логистического сервиса, то очевидным будет наращивание объемов использования аддитивных технологий. Первые изделия, изготовленные на основе компьютерных 3D-моделей, появились еще несколько десятилетий назад и связаны с именами Чарльза Халла и Скотта Кампа. Неоиндустриализация выводит данное направление на новый виток развития. Машины 3D-прототипирования, а также трехмерной печати стали называться 3D-принтерами, не изменив при этом сущности аддитивных технологий. Изменения коснулись управления, когда при разработке новой продукции требуется более тесное сотрудничество специалистов маркетинга, логистики и промышленного дизайна. В таких условиях, безусловно, усиливается роль развития робототехники и использования роботов, в том числе в логистике (рис. 1). За счет использования роботов происходят существенные изменения конфигурации производственных линий, сокращается время переналадки оборудования, могут быть пересмотрены подходы к производственной логистике в целом, но в первую очередь к роли сотрудников. Одним из ключевых факторов, который позволит не только осуществить переход к Индустрии 4.0, но и изменит существующую структуру производства, будет фокусировка на «работниках знаний». По мнению Дж. Рифкина, это приведет к полному замещению работающих машинами, что, в свою очередь, заставит «все страны пересмотреть свои представления о роли людей в социальном процессе» [Рифкин, 2014].

*Рис. 1. Использование сервисных роботов по различным областям применения (шт.), 2012–2013 гг.
Источник: составлено с использованием [World Robotics, 2014].*

Сочетание информационных и промышленных технологий позволяет создавать продукты, удовлетворяющие индивидуальные требования потребителей в самых различных сферах. По исследованиям консалтинговой компании Accenture, концепции «промышленного интернета» пока еще недостаточно проработаны [Промышленный интернет вещей..., 2015]. Ограничивающими факторами являются как недостаточно развитая инфраструктура, так и нехватка профессиональных навыков сотрудников. Помимо этого, для использования и поддержания новых технологий в полной мере еще не созданы институциональные предпосылки. В качестве мер для преодоления данных недостатков аналитики компании предлагают пересмотреть операционную деятельность и структуры управления предприятиями и создать новые формы партнерства. В этой связи распространение Интернета вещей и аддитивных технологий может внести существенные изменения как в производственную логистику, так и в управление цепями поставок.

По исследованиям Gartner Inc (NYSE: IT) — лидера в области изучения информационных технологий, влияние Индустрии 4.0 на управление цепями поставок в последующем будет проявляться в четырех ключевых аспектах [MН&L Staff..., 2015]:

1. Создание интеллектуальных заводов (производств), основанных на гибких автоматизированных процессах. Такие предприятия будут интегрированы с каждой из групп стейкхол-

- дерев и охватят каждый из этапов жизненного цикла продукции;
2. Виртуальные производства на основе интернет-услуг, требующие создания новых бизнес-моделей, изменяя существующие конструкции цепей поставок;
 3. Прогнозный анализ на основе больших объемов данных, что позволит гибко управлять процессами, а не только самими производствами и технологическими линиями;
 4. Использование интеллектуального производства, когда все возрастающая сложность машин и технологий потребует еще большей фокусировки на знаниях работника, профессиональных навыках и инженерном мастерстве на каждом этапе цепи поставок.

Таким образом, по всем прогнозам и оценкам, влияние неоиндустриализации на управление цепями поставок и логистику в целом будет весьма существенным. И уже сейчас потребует четких ориентиров для разработки стратегий компаний и планов развития территорий. Предстоящие изменения в требованиях к компетенциям работников, в том числе логистическим компетенциям, приведут к необходимости подготовки всего комплекса мер для обучения таких специалистов, что также рождает спрос на понимание основных трансформаций логистики в Индустрии 4.0.

Текущее состояние логистики в мире

Одним из индикаторов логистической активности страны, раскрывающим ее сильные и слабые стороны, можно считать международный рейтинг индексов эффективности логистики (Logistics Performance Index — LPI). Индустрия 4.0 является, по существу, основой для пересмотра управления цепями поставок от завода до конечного потребителя, что, безусловно, повлияет на рейтинги LPI стран, активно продвигающих данную философию. Данный показатель рассчитывается на основе бенчмаркинга по шести параметрам: таможенный сервис, логистическая инфраструктура, качество международных перевозок, логистические компетенции, возможность отслеживания груза и своевременность доставки. Показатели демонстрируют сравнительные баллы от 1 (самый низкий балл) до 5 (высший балл) всех стран, вошедших в рейтинг, для оценки как эффективности логистики в целом, так и сравнения по отдельным параметрам. При этом в значение оцениваемых параметров вкладываются следующие характеристики:

- таможенный сервис — эффективность таможенного оформления (например, скорость, простота и предсказуемость формальностей) от органов пограничного контроля, в том числе таможенных;
- логистическая инфраструктура — наличие и качество транспортной и иной необходимой инфраструктуры (например, порты, железные дороги, автомобильные дороги, информационные технологии);
- качество международных перевозок — простота организации по конкурентоспособным ценам грузов в международных перевозках;
- логистические компетенции — компетентность и качество специалистов, предоставляющих логистические услуги (например, транспортные операторы, таможенные брокеры);
- возможность отслеживания грузов — наличие на территории страны технических и других (правовых) возможностей отслеживать грузы по пути их следования;
- своевременность доставки — наличие возможности своевременно доставлять грузы в пункт назначения в пределах запланированных или ожидаемых сроков поставки.

Последние исследования, опубликованные в 2014 г. по 160 странам, были сделаны по результатам опросов, проведенных в октябре-ноябре 2013 г., поэтому не затронули ситуации после введения эмбарго в Европе. Тем не менее на основе их анализа можно проследить ряд тенденций как по отдельным странам, так и по рынкам. На протяжении последних лет состав лидеров рейтинга изменялся незначительно (табл. 1).

Таблица 1

**Индекс эффективности логистики
(Logistics Performance Index — LPI) стран-лидеров**

Место в рейтинге	2007	2010	2012	2014
1	Сингапур	Германия	Сингапур	Германия
2	Нидерланды	Сингапур	Гонконг (Китай)	Нидерланды
3	Германия	Швеция	Финляндия	Бельгия
4	Швеция	Нидерланды	Германия	Великобритания
5	Австрия	Люксембург	Нидерланды	Сингапур
6	Япония	Швейцария	Дания	Швеция

Место в рейтинге	2007	2010	2012	2014
7	Швейцария	Япония	Бельгия	Норвегия
8	Гонконг (Китай)	Великобритания	Япония	Люксембург
9	Великобритания	Бельгия	США	США
10	Канада	Норвегия	Великобритания	Япония
11	Ирландия	Ирландия	Австрия	Ирландия
12	Бельгия	Финляндия	Франция	Канада
13	Дания	Гонконг (Китай)	Швеция	Франция
14	США	Канада	Канада	Швейцария
15	Финляндия	США	Люксембург	Гонконг (Китай)

Источник: составлено с использованием [The World Bank Group. Официальный сайт: <http://lpi.worldbank.org/international/global/>].

К сожалению, в международном рейтинге все годы, в течение которых проводится исследование, Российская Федерация получает одни из самых низких индексов (табл. 2).

Таблица 2

Индекс эффективности логистики (Logistics Performance Index — LPI) России

Российская Федерация	2007	2010	2012	2014
Место в рейтинге LPI	99	94	95	90
Индекс LPI	2,37	2,61	2,58	2,69
Таможенный сервис (индекс)	1,94	2,15	2,04	2,20
Логистическая инфраструктура (индекс)	2,23	2,38	2,45	2,59
Качество международных перевозок (индекс)	2,48	2,72	2,59	2,64
Логистические компетенции (индекс)	2,46	2,51	2,65	2,74
Отслеживание груза (индекс)	2,17	2,60	2,76	2,85
Своевременность доставки (индекс)	2,94	3,23	3,02	3,14

Источник: составлено с использованием [The World Bank Group. Официальный сайт: <http://lpi.worldbank.org/international/global/>].

Сегодня среднемировой показатель логистических издержек в валовом внутреннем продукте составляет 11,6%. В среднем по Европе величина логистических затрат находится на уровне 9,2%. Срав-

нивая страны с сопоставимыми территориями, следует отметить, что в России данный показатель составляет 19,0%, в КНР — 18%, в США — 8,5% [Рынок транспортно-логистических..., 2014]. Высокий уровень данных затрат в ВВП показывает слабую организацию внутренней логистики компаний, низкую эффективность транспортно-складской сети и логистической системы страны в целом. В первую очередь это связано с низкими логистическими компетенциями персонала предприятий и непониманием сущности процессов управления цепями поставок руководителями различных уровней. Одной из основных причин сложившейся ситуации в российской логистике является несоразмерно высокая стоимость данного вида услуг при недостаточно высоком их качестве. При этом основная часть услуг по перевозкам и хранению грузов, управлению логистикой осуществляется собственными службами предприятий (более 70% логистических операций). Это идет вразрез со сложившейся общемировой практикой, так как одним из определяющих показателей развития рынка логистических услуг является уровень логистического аутсорсинга. Наилучшие показатели в этой области показывают США — 81,3%. В Европе данный показатель составляет 64,6%, КНР — 49,0%, в Российской Федерации, по различным оценкам, — от 38,0 до 39,3% [Рынок транспортно-логистических..., 2014].

Наиболее продвинутой формой логистического аутсорсинга является формат 3PL-операторов (Third Party Logistics Provider). Компании, которые осуществляют комплексное логистическое обслуживание потребителей, объединяя основные виды операционной логистической деятельности (перевозку, экспедирование, складирование и грузопереработку, таможенное оформление, страхование грузов и пр.), несут ответственность за сроки выполнения, объем и качество работ, а также планируют и частично координируют общую логистическую деятельность для своих клиентов. Так, в 2014 г. объемы выручки на рынке 3PL в Северной Америке составили 146 млрд долл., показав рост в четыре раза больше, чем ВВП США за последние два десятилетия [Компания 3PLR, 2015]. Хотя транспортно-логистический рынок Европы считается на сегодняшний момент наиболее развитым, он обеспечивает только 23% от выручки рынка 3PL-услуг. Лидерами по абсолютному размеру 3PL-услуг являются страны Азии и Северной Америки. На изменения уровня данного рынка значительно повлияли как кризис 2008 г., так и рецессия 2012 г. (рис. 2). Хотя уже в 2013 г. среди азиатских стран наблюдалась динамика роста в сегменте 3PL-услуг.

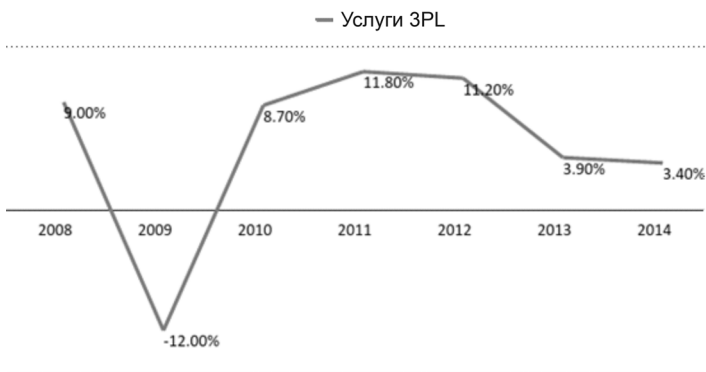

Рис. 2. Динамика объема мирового рынка 3PL-услуг

Источник: составлено с использованием [Armstrong & Associates, Inc. (A&A).
Официальный сайт: <http://www.3plogistics.com/>].

Принятая в Европе классификация рынка логистических услуг включает в себя:

1. Грузоперевозки и экспедиторские услуги;
2. Комплексные логистические услуги, включая услуги по хранению и дистрибуцию;
3. Управленческую логистику.

Изменение структуры мирового рынка логистических услуг можно проследить на рис. 3. Очевидно, что снижение темпов роста мировой экономики за последние два года негативно отразилось в первую очередь на темпах роста грузовых перевозок, в особенности автомобильных. Компании, работающие на данном рынке, помимо организации перевозок, как правило, предоставляют и весь комплекс услуг по грузопереработке, складированию, брокерских и таможенных услуг. В связи с этим динамика развития отдельных отраслей производства не может не отражаться на их объемах.

Анализируя приведенные данные, необходимо отметить, что согласованные действия всех участников процесса производства и распределения являются необходимым условием успешного экономического развития любого государства. Поэтому наряду с формированием промышленной политики страны необходимо одновременно формировать и ее логистическую стратегию. Однако изменение производственной модели в сторону мировоззрения «глобальный дизайн — локальное производство» с применением аддитивных технологий вносит существенные перемены во все логистические про-

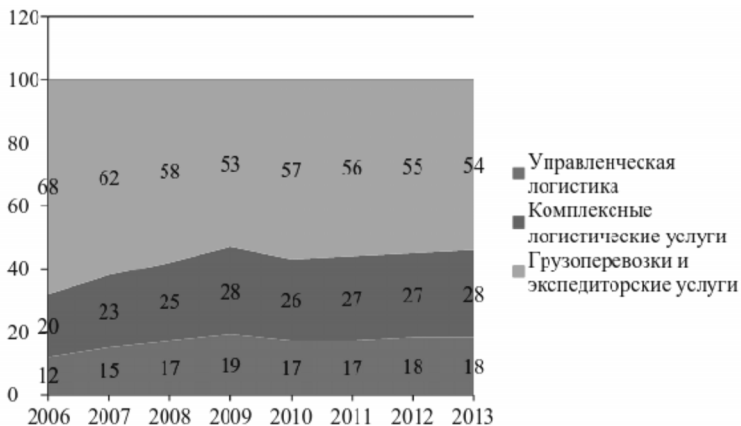

Рис. 3. Структура мирового рынка транспортно-логистических услуг

Источник: составлено с использованием

[Рынок транспортно-логистических..., 2011, 2014].

цессы. Это наблюдается как в глобальных цепях поставок, так и в отдельных организациях. Необходимость в закупочной деятельности и перевозках существует в любых индустриальных моделях и будет сохраняться вне зависимости от идеологии и формы производства. Преобразования могут касаться только формирования подходов к системе закупок и запасов и связанных с этим инфраструктурных изменений. Возможные трансформации могут коснуться также объемов перевозок и хранения, не затронув при этом уже наметившиеся тенденции, связанные с развитием интегрированной сети транспортно-логистических комплексов, ускоренным развитием интермодальных перевозок и усилением составляющей взаимоотношений с поставщиками. Значимость взаимоотношений с поставщиками при этом только усиливается, требуя в условиях Индустрии 4.0 быстрой реакции на изменения под конкретный заказ при поставках сырья и материалов.

Концепция управления цепями поставок (Supply Chain Management, SCM) уже в течение трех десятилетий является «одной из самых динамично развивающихся концепций, находящихся на стыке маркетинга, логистики и стратегического менеджмента» [Кротов, 2007]. Успех в управлении цепями поставок достигается путем оценки действующих коммуникаций и информации о существующих и ожидаемых характеристиках каждого поставщика. Управление взаимоотношениями с поставщиками (Supplier Relationship

Management, SRM) как программа совместных действий потребителя и поставщика с целью снижения общих издержек и повышения эффективности общих показателей функционирования видится наиболее важным звеном при рассмотрении влияния неиндустриальных подходов на управление цепями поставок. По ряду исследований, в настоящее время управление поставщиками достигло «высокого уровня и показало их готовность к открытости и готовности к кооперации» [Аль Макале, 2013]. В условиях, когда, выбирая товар, потребитель одновременно выбирает и цепь поставок, следует концентрироваться на уже положительно зарекомендовавших себя подходах:

- проводить многокритериальную оценку при отборе поставщиков;
- дифференцировать условия договоров по группам поставщиков;
- активно работать с поставщиками по совместной оценке их деятельности;
- разрабатывать меры по развитию взаимовыгодного сотрудничества и стимулирования поставщиков;
- осуществлять работу по совершенствованию коммуникаций с ведущими поставщиками.

Помимо перечисленных и отработанных логистических подходов, которые могут вписаться в неиндустриальную парадигму, возможны и существенные нововведения. На основании вышеизложенного можно подойти к систематизации основных направлений развития логистики при переходе к Индустрии 4.0, беря за основу уже существующие тенденции в управлении цепями поставок.

Систематизация основных направлений развития логистики в ходе неиндустриализации на основе оценки тенденций в управлении цепями поставок

Перенос производства ближе к сырьевым ресурсам в условиях использования аддитивных технологий потребует развития дистанционного управления и внесения корректив в управление цепями поставок. Однако, как было отмечено выше, изменения структуры логистической цепи не означают уход от наметившихся тенденций в SCM. Предлагаемая теоретиками Индустрии 4.0 одна из девяти технологических областей (горизонтальная и вертикальная системная интеграция, Интернет вещей, кибербезопасность, облака, анализ больших данных, моделирование, аддитивное производство,

дополненная реальность, роботы), составляющих ее основу, — горизонтальная и вертикальная системная интеграция — только «примеряется» компаниями-лидерами [Мак-Кендрик, 2015]. Однако в концепции управления цепями поставок системная интеграция в качестве комплекса мероприятий по взаимодействию как подразделений предприятия, так и предприятий-партнеров уже стала нормой. При этом переход к аддитивным технологиям может существенным образом снизить затраты в этой области за счет транспортировки сырья и материалов и уменьшения уровня складских запасов. Подходы к формированию системы запасов и решение задач транспортной логистики при этом останутся неизменными. Одним из ключевых факторов, который позволит осуществить данные переходы в условиях неоиндустриализации, как уже было отмечено, будет фокусировка на «работниках знаний». Это заставит «все страны пересмотреть свои представления о роли людей в социальном процессе» [Магретта, 2013]. Применительно к логистической составляющей помимо роботизации и IoT-технологий развитие компетенций работников следует сосредоточить на таких направлениях, как управление поставщиками, прозрачность цепи поставок, планирование спроса, дизайн цепи поставок, разработка инновационной продукции.

Необходимо отметить, что, кроме перечисленных логистических подходов, которые с большой степенью вероятности впишутся в неоиндустриальную парадигму, возможен и ряд нововведений. В основном это будет связано с новыми технологиями. В настоящее время информационные потоки, сопровождающие товар на всем пути следования в логистической цепи, уже используют те или иные методы автоматической идентификации. Разработанные учеными Центра электроники и гибких дисплеев (Flexible Electronics and Display Center — FEDC) Университета штата Аризона (Arizona State University) сгибаемые микросхемы на гибких подложках с использованием картриджей на основе графена могут стать новым шагом в развитии данного направления логистики [Flexible Electronics..., 2015]. Использование технологий печатной гибкой электроники при снижении себестоимости изготовления «умных микросхем» может заменить уже существующие методы идентификации товарно-материальных ценностей в цепи поставок за счет возможности переноса больших объемов информации и снижения ограничений для ее считывания.

Условия, когда каждая из заинтересованных сторон от производителя до конечного потребителя может иметь доступ к достовер-

ной информации обо всех материалах и комплектующих, вошедших в товар, хронологии их обработки, распределения и местонахождения в цепи поставок, являются необходимыми требованиями для эффективной работы системы менеджмента организации. Возможность проследить историю, применение или местонахождение объекта (товара и любого сырьевого компонента, необходимого для производства) принято называть термином «прослеживаемость» (traceability) [ГОСТ Р..., п. 3.6.13, 2015]. Механизмом, обеспечивающим возможность применить процедуру прослеживаемости на практике, является идентификация. Идентификация товарно-материальных ценностей, осуществляющая возможность прослеживаемости в производственном процессе и всей цепи поставок, является важнейшей задачей Индустрии 4.0. В условиях неоиндустриализации данный подход позволит определить ответственность каждого из участников цепи поставок и производственного процесса. При обнаружении несоответствий заявленным требованиям — обеспечить возврат или изъятие дефектной продукции. Дать доступ всем заинтересованным сторонам к наличию достоверной и объективной информации о происхождении компонентов (сырья) и его составляющих. Это еще одна возможность, позволяющая поддерживать цели производственных предприятий и предприятий оптово-розничной торговли по качеству и удовлетворять повышающиеся требования потребителей к экологичности и безопасности продукции. Такие требования к получению самой подробной информации на любом этапе цепи поставок в условиях развития аддитивных технологий могут быть реализованы за счет использования «умных микросхем».

Таким образом, принципы систематизации основных направлений развития логистики в ходе неоиндустриализации можно свести к ускорению времени доставки; адаптивности к изменчивому спросу; интеграции дизайна и производства; интеграции производителей и потребителей. Влияние их в условиях снижающейся динамики мировой торговли, замедления темпов роста ВВП ряда стран, усиления геополитических рисков будет возрастать, что потребует более пристального внимания к развитию таких составляющих, как:

- поиск и создание низкокзатратных путей между источниками сырья и производственными центрами;
- обеспечение безопасности в каналах между поставщиками и потребителями;
- создание современных транспортных средств и интеллектуальных транспортных систем;

- поиск и создание альтернативных видов доставки;
- разработка новых видов идентификации товарно-материальных ценностей на основе силы Интернета вещей;
- формирование новой идеологии концентрации основных видов ресурсов;
- развитие логистических компетенций.

Анализируя вышеизложенное, можно классифицировать наметившиеся в условиях неоиндустриализации тенденции в управлении цепями поставок по пяти основным направлениям, затрагивающим инфраструктуру, технологии, коммуникации, информацию и компетенции участников логистической системы. Каждое из них определяется несколькими элементами (характеристиками), которые могут рассматриваться в качестве ориентиров для формирования логистической стратегии в условиях новой производственной парадигмы как системы в целом, так отдельных компаний и логистических процессов (табл. 3).

Таблица 3

Тенденции в управления цепями поставок при переходе к Индустрии 4.0

Основные факторы перехода к Индустрии 4.0	Направления в развитии УЦП
Физическое сближение групп, сотрудничающих в вопросах дизайна, маркетинга и производства	Коммуникации
Сокращение времени доставки продукции	Инфраструктура
Улучшение процесса интеграции дизайна за счет сокращения периодов времени на представление нового дизайна продукции	Технологии
Способность адаптироваться под потребительский спрос на непрерывно эволюционирующие продукты	Информация
Улучшение качества взаимоотношений и более тесное взаимодействие между конечными потребителями и производителями как в сфере B2B, так и B2C	Компетенции

Источник: составлено автором.

Выделение однородных групп для систематизации логичнее проводить на основе перечисленных направлений в управлении цепями поставок, наметившихся в условиях неоиндустриализации. Данная систематизация является предварительной и потребует дополнений во внесении элементов, а возможно, и пересмотра выделенных групп с учетом изменений в технологиях и особенностях работы

в условиях различных экономик, на основе эмпирических данных. Таким образом, перечисленные направления развития, наметившиеся в ходе неоиндустриализации на основе управления цепями поставок и перспективных исследований в данной области, можно систематизировать следующим образом (табл. 4).

Таблица 4

Систематизация основных направлений развития логистики при переходе к Индустрии 4.0

Группы	Элементы
Инфраструктурная	<ul style="list-style-type: none"> • Интеллектуальные заводы • Модульный принцип построения производства • Развитие концепции «промышленных кластеров»
Технологическая	<ul style="list-style-type: none"> • Аддитивные технологии (3D-печать) • Роботизация • Встраиваемые метки
Информационная	<ul style="list-style-type: none"> • Создание новых транспортных средств в связке с интеллектуальными транспортными системами • Управление большими объемами данных • Оцифровка интернет-вещей
Коммуникационная	<ul style="list-style-type: none"> • Изменения во взаимодействии с поставщиками путем формирования безопасных и низкокзатратных путей между источниками сырья и производством • Обеспечение прослеживаемости на протяжении всей логистической цепи • Сближение подразделений маркетинга, логистики и производства на основе горизонтальной интеграции
Компетентностная	<ul style="list-style-type: none"> • Фокусировка на знаниях работников в каждом этапе цепи поставок • Принятие инженерным составом решений с учетом философии неоиндустриализации • Формирование логистических компетенций у рабочих

Источник: составлено автором.

Информация о перспективах развития неоиндустриализации была получена, основываясь на неэмпирических исследованиях, поэтому данные проведенного анализа в дальнейшем могут и должны потребовать корректировки. Тем не менее попытка систематизировать основные направления, по которым будет развиваться логистика, весьма важна для формирования стратегии компаний и систем различного уровня, может служить основой для описания логистических процессов предприятия, позволит правильно выделить направления подготовки и обучения персонала.

Список литературы

1. ГОСТ Р ИСО 9000–2015. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь. — М.: Стандартинформ, 2015.
2. *Аль Макале Ш.* Неоиндустриализация. Новая эпоха для новых рынков. — сентябрь, 2013. URL: http://world-economic.com/ru/articles_wej-331.html
3. Компания 3PLR. URL: <https://3plrecruiters.com/> (дата обращения: 19.09.2015).
4. Компания Armstrong & Associates, Inc. (A&A). URL: <https://3plrecruiters.com/> (дата обращения: 19.09.2015).
5. *Кротов К. В.* Управление цепями поставок: изучение концепции в контексте теории стратегического управления и маркетинга. Научные доклады № 10(R)–2007. — СПб.: НИИ менеджмента СПбГУ, 2007.
6. *Мак-Кендрик Д.* Индустрия 4.0: на этот раз вся суть в ИТ // PC-week. — 25.05.2015. URL: <http://www.pcweek.ru/idea/article/detail.php?ID=174770>
7. Промышленный интернет вещей // PC-week. — 22.01.2015. URL: <http://www.pcweek.ru/industrial/news-company/detail.php?ID=170196>
8. *Рифкин Дж.* Третья промышленная революция. — М.: Альпина нон-фикшн, 2014.
9. Рынок транспортно-логистических услуг в 2010–2011 годах и прогноз до 2014 года: Аналитический обзор / РосБизнесКонсалтинг. — М., 2011.
10. Рынок транспортно-логистических услуг в 2013–2014 годах и прогноз до 2017 года: Аналитический обзор / РосБизнесКонсалтинг. — М., 2014.
11. *Толкачев С., Рачковская И.* Влияние неоиндустриализации на изменения в управлении цепями поставок // Логистика. — 2015. — № 10.
12. *Amro M. Farid.* The State of Auto-ID Technology in Manufacturing & Supply Chain Control, 2 December 2003 Institute for Manufacturing Supervisor: Duncan C. McFarlane. URL: <http://amfarid.scripts.mit.edu/resources/TechReports/IEM-W01.pdf> (дата обращения: 20.02.2016).
13. *Bledowski Krzysztof.* IoT in Germany and America. AUGUST 5, 2015. URL: <https://www.mapi.net/blog/2015/08/iot-germany-and-america>
14. Industry 4.0: На пороге промышленной революции. Февраль 6, 2014. URL: <http://www.infocity.az/?p=17479>
15. *Kreiling Janet.* Quantum Disruptions are Transforming Manufacturing. Dec. 31, 2013. URL: <http://www.industryweek.com/rockwell-automation-connected-industrial-enterprise/quantum-disruptions-are-transforming-manufacturing>
16. MH&LStaff. How Will Industry 4.0 Affect the Supply Chain? Sep 16, 2015. URL: <http://mhlnews.com/global-supply-chain/how-will-industry-40-affect-supply-chain>
17. *O'Marah Kevin.* The Internet of Things Will Make Manufacturing Smarter. Aug 14, 2015. URL: <http://www.industryweek.com/manufacturing-smarter> (дата обращения 17.11.2015).

18. The World Bank Group. URL: <http://ipi.worldbank.org/international/global/> (дата обращения: 11.06.2015).
19. Flexible Electronics and Display Center — FEDC (Центр электроники и гибких дисплеев). URL: <https://flexdisplay.asu.edu/> (дата обращения: 19.09.2015).
20. World Robotics 2014. Service Robots. — P. 21–25. — Table 2.1–2.2.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. GOST R ISO 9000-2015. Sistemy menedzhmenta kachestva. Osnovnye polozhenija i slovar'. — M.: Standartinform, 2015.
2. *Al' Makale Sh.* Neoindustrializacija. Novaja jepoha dlja novyh rynkov - sen-tjabr', 2013. URL: http://world-economic.com/ru/articles_wej-331.html
3. Kompanija 3PLR. URL: <https://3plrecruiters.com/> (data obrashhenija: 19.09.2015).
4. Kompanija Armstrong & Associates, Inc. (A&A). URL: <https://3plrecruiters.com/> (data obrashhenija: 19.09.2015).
5. *Krotov K. V.* Upravlenie cepjami postavok: izuchenie koncepcii v kontekste teorii strategicheskogo upravlenija i marketinga. Nauchnye doklady № 10(R)—2007. — SPb.: NII menedzhmenta SPbGU, 2007.
6. *Mak-Kendrik D.* Industrija 4.0: na jetot raz vsja sut' v IT // PC-week 25.05.2015. URL: <http://www.pcweek.ru/idea/article/detail.php?ID=174770>
7. Promyshlennyj internet veshhej // PC-week. — 22.01.2015. URL: <http://www.pcweek.ru/industrial/news-company/detail.php?ID=170196>
8. *Rifkin Dzh.* Tret'ja promyshlennaja revoljucija. — M.: Al'pina non-fikshn, 2014.
9. Rynok transportno-logisticheskikh uslug v 2010-11 godah i prognoz do 2014 goda: Analiticheskij obzor / RosBiznesKonsalting. — M., 2011.
10. Rynok transportno-logisticheskikh uslug v 2013-14 godah i prognoz do 2017 goda: Analiticheskij obzor. / RosBiznesKonsalting. — M., 2014.
11. *Tolkachev S., Rachkovskaya I.* Vlijanie neoindustrializacii na izmenenija v upravlenii cepjami postavok / Logistika. — 2015. — № 10.

Трибуна преподавателя

О. Н. Антипина¹,

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

А. А. Никифоров²,

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Н. А. Миклашевская³,

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

ОТ УЧЕБНОГО ЗАДАНИЯ – К НАУЧНОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ (методика организации проектной работы студентов магистратуры)

Статья посвящена методике организации и проведения проектной работы студентов магистратуры в рамках курсов «Микроэкономика-3» и «Макроэкономика-3» на экономическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова. Цель этой работы заключается в углублении теоретических знаний студентов по актуальным темам современной микро- и макроэкономики на основе знакомства с первоисточниками на языке оригинала. Авторами представлен порядок организации и проведения проектной работы, а также показана ее роль в подготовке студентов магистратуры и приобщении их к научному поиску.

Ключевые слова: микроэкономика, макроэкономика, проектная работа, изучение первоисточников, кейс-метод.

FROM LEARNING TASK TO SCIENTIFIC RESEARCH (the technique of teamwork projects for graduate students)

The paper deals with the method of teamwork projects in the courses of Microeconomics-3 and Macroeconomics-3 for graduate students at the Economic

¹ Антипина Ольга Николаевна, д.э.н., профессор экономического факультета; e-mail: antipina@econ.msu.ru

² Никифоров Александр Алексеевич, д.э.н., профессор экономического факультета; e-mail: nikiforoff_a@mail.ru

³ Миклашевская Нина Анатольевна, к.э.н., доцент экономического факультета; e-mail: myklo@mail.ru

Faculty of Lomonosov Moscow State University. The purpose of this kind of work is to deepen the theoretical knowledge of students on relevant topics of modern micro- and macroeconomics based on acquaintance with the publications in their original language. The authors consider the organization, the procedure and the role of teamwork projects in training of graduate students and their familiarization with scientific research.

Key words: microeconomics, macroeconomics, teamwork projects, study of publications, case study.

Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова имеет большой «накопленный опыт организации научно-образовательного процесса в магистратуре, связанный с самой длительной в России историей реализации концепции двухуровневой системы образования» [Программа..., 2013, с. 6]. Этот опыт признан «Программой развития экономического факультета на 2014–2018 годы» одной из сильных сторон факультета, которые формируют предпосылки для его дальнейшего развития и взаимодействия в рамках профессионального сообщества вузов экономической направленности. В этой связи обмен опытом в области организации курсов в магистратуре и методики их преподавания представляется необходимым как для совершенствования образовательного процесса на факультете, так и для выстраивания партнерских отношений с другими научно-образовательными организациями.

Среди многочисленных преимуществ обучения в магистратуре экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, по мнению самих студентов [Обучение..., 2016], особо выделяется, во-первых, то, что на факультете учатся очень умные и разносторонние ребята, общение с которыми постоянно заставляет самосовершенствоваться, во-вторых, на факультете преподают современные курсы, соответствующие мировому уровню подготовки экономистов, и, в-третьих, в стенах факультета царит творческая атмосфера научного поиска, в которую вовлечены как преподаватели и научные сотрудники, так и студенты всех уровней обучения.

Проектная работа студентов магистратуры, которую наряду с традиционными видами аудиторной и самостоятельной работы авторы статьи практикуют на протяжении многих лет в рамках курсов «Микроэкономика-3» и «Макроэкономика-3», направлена на реализацию именно этих преимуществ. Успешно зарекомендовавшей себя методике ее организации и проведения посвящена данная статья.

Курсы «Микроэкономика-3» и «Макроэкономика-3» читаются студентам магистратуры всех программ направления «Экономика»

экономического факультета МГУ. Они, во-первых, соответствуют продвинутому уровню этих дисциплин, а во-вторых, через подбор отдельных тем и заданий адаптированы к профилю направлений подготовки магистров: «Экономическая теория», «Мировая экономика», «Экономика предпринимательства», «Когнитивная экономика» и др.

Цель проектной работы по этим курсам состоит в углублении теоретических знаний студентов по актуальным темам современной микро- и макроэкономики на основе знакомства с первоисточниками на языке оригинала.

Работа с первоисточниками – важная составляющая подготовки квалифицированного специалиста в любой области знаний, в том числе и в экономике. Поэтому, как правило, учебный план предполагает изучение студентами таких курсов, где работа с первоисточниками является основным компонентом программы. Например, в курсах по истории экономической мысли для обязательного изучения отбираются самые известные работы выдающихся ученых. Обычно задачи таких курсов сводятся к стремлению дать целостную картину развития экономической мысли, показать место наследия ученого в эволюции экономической мысли, проникнуть в его «творческую лабораторию», познакомиться с конкретными научными категориями и выводами, полученными в том или ином произведении.

Однако работа с первоисточниками на языке оригинала – это особый компонент экономического образования в отличие от изучения базовых произведений, с которыми обязан быть знаком каждый выпускник. Помимо фундаментальных трудов выдающихся экономистов студентам полезно изучать узкоспециализированные работы в рамках тематики их конкретных специализаций, а также статьи современных экономистов, расширяющие и углубляющие знания по отдельным курсам программы [Антипина, Читаем..., 2007]. Реализации этой важной составляющей подготовки квалифицированного специалиста и служит проектная работа.

Современная экономическая теория развивается в значительной мере на иной, гораздо более сложной и продвинутой методологической базе по сравнению с теоретическими основами учебников вводного и промежуточного уровня [Смирнов, 2000, с. 11]. Творческое освоение первоисточников помогает проследить истоки, логику и основные направления развития самых современных экономических теорий, полемику различных научных исследовательских программ и экономических школ в широком социально-экономическом контексте.

Студенты магистратуры, непосредственно знакомясь с новейшими публикациями в ведущих зарубежных профессиональных журналах и изданиях в выбранной области, становятся способны критически осмысливать подходы различных научных школ и традиций и адаптировать их к современному состоянию и актуальным задачам развития экономики России. В ходе работы над своими проектами они самостоятельно анализируют инструментарий, ход и итоги самых современных исследований и разработок зарубежных ученых в области экономической теории, а также прикладных аспектов микро- и макроэкономического анализа, что позволяет им осуществлять профессиональное общение с иностранными коллегами по вопросам экономической теории и хозяйственной практики. Кроме того, это позволяет им критически оценивать результаты исследований в рамках различных парадигм экономической теории, выявлять перспективные направления, научно обосновывать актуальность, теоретическую и практическую значимость выбранной тематики, а также методологическую базу собственных научных исследований с использованием современного научно-исследовательского инструментария, в том числе эконометрического.

Цель проектной работы достигается путем решения ряда задач. Прежде всего студенты должны:

- усовершенствовать навыки научного перевода текста;
- совершить продвижение в освоении математического аппарата, с использованием которого написаны изучаемые источники;
- развить аналитические способности путем разработки кейса, отражающего связь теории и экономической практики;
- приобрести опыт выступления с презентацией научного доклада;
- улучшить умение согласованно работать в команде.

Для успешной реализации поставленных задач проектная работа должна быть методически грамотно и последовательно организована.

Зачастую представители бизнес-сообщества высказывают довольно обидную претензию к выпускникам экономического факультета МГУ: имея очень хорошую индивидуальную подготовку, они неохотно и неумело работают в команде. В этой связи стоит подчеркнуть, что при работе над проектами студенты магистратуры учатся творческому сотрудничеству в одной команде, т.е. умению проявлять терпимость к точкам зрения других, идти на компромисс и вносить свой вклад в командные результаты, даже если при этом

не полностью учитываются их личные интересы и реализуются их амбиции. Они просто вынуждены активно поддерживать конструктивные идеи других участников проекта, даже если они не в полной мере совпадают с их предложениями и наработками. Каждому из них приходится вносить свой вклад в обсуждение проблем и выработку группового решения, для чего учитывать мнение коллег и запрашивать информацию, необходимую для решения совместных задач, с одной стороны, и своевременно и полно предоставлять свою информацию коллегам — с другой. При решении совместных задач работа над проектом мотивирует согласовывать и координировать свою работу с коллегами по команде, а в случае необходимости и помогать им с выполнением поставленных перед ними задач.

Поэтому первым шагом должно стать разделение группы студентов на проектные команды, в среднем состоящие из пяти человек. Формирование проектных команд помогает осуществлять староста группы. Принцип формирования проектных команд заключается в том, чтобы в каждой команде были объединены как студенты с хорошей языковой подготовкой, так и студенты, глубоко разбирающиеся в математике и эконометрике (поскольку в большинстве современных исследований используются эконометрические модели), и студенты, имеющие склонности к аналитической работе и желающие проявить оформительские, лекторские и организаторские способности. Такое разделение труда в проектных командах, как показывает опыт, повышает эффективность их работы.

Далее преподаватель, стремящийся максимально задействовать возможности в изучении предмета, которые открывает проектная работа с первоисточниками на языке оригинала, должен выбрать общую тему проектов и подобрать тексты, с которыми будут работать студенты.

Тематика проектов в каждой группе должна быть единой. Она определяется, во-первых, тем, что программа курса для магистров, особенно курса, учитывающего специфику направления подготовки, зачастую не может быть охвачена имеющимися учебниками, что попросту вызывает необходимость обращения к первоисточникам. Во-вторых, она может зависеть от интереса, проявленного студентами к тому или иному теоретическому течению, которое набирает актуальность и/или привлекает внимание Нобелевского комитета, удостаивающего его представителей самой престижной научной премии. В-третьих, тема должна иметь прикладное значение.

Каждый год для каждой группы выбирается своя тема, которая год от года не повторяется.

Например, в 2009–2015 гг. по курсам Микроэкономика-3 и Макроэкономика-3 студентам были предложены следующие темы: «Теория экономических механизмов», «Верна ли формула: *Деньги—Счастье—Деньги*’?», «Микроэкономика инноваций», «Моделирование ограниченной рациональности», «Ценовая дискриминация на современных рынках», «Интернет-рынки: инновации, цены и конкуренция», «Экономическая теория счастья», «Фирмы на рынках с сетевыми внешними эффектами», «Поведенческая экономика», «Экономический рост», «Современные циклы деловой активности», «Макроэкономическая политика», «Долговая экономика».

Темы проектов по микро- и макроэкономике в отдельной группе могут координироваться. К примеру, в 2015 г. по теме «Поведенческая экономика» студенты программы «Экономическая теория» выполнили проектную работу и по «Микроэкономике-3», и по «Макроэкономике-3».

После определения темы проектной работы преподаватель осуществляет подбор научных статей из числа опубликованных за последние три-пять лет, как правило, в ведущих англоязычных экономических журналах: *American Economic Journal: Microeconomics*, *Economic Theory*, *Econometrica*, *Economica*, *Journal of Political Economy*, *American Economic Review*, *Journal of Economic Perspectives*, *Journal of Monetary Economics*, *Journal of Money, Credit, and Banking*, *European Economic Review*, *Journal of the European Economic Association* и др. Количество отобранных статей должно быть равно числу проектных команд. В отдельных случаях в подборку самых свежих современных статей включаются одна-две более ранние статьи, ставшие фундаментальными для понимания основных идей представителей научного направления. Также может быть выбрана одна книга, состоящая из ряда глав, которые распределяются между студенческими проектными командами. При этом четко соблюдаются два условия: 1) ни один из источников не должен быть опубликован в переводе на русский язык; 2) объем работы, которую выполняют проектные команды, должен быть приблизительно равноценен.

Предложенные для проектов материалы с указанным порядком выступлений преподаватель размещает в разделе курса на портале «Онлайн-курсы экономического факультета МГУ»¹ и предлагает командам в течение недели распределить их между собой. По истечении установленного срока староста группы фиксирует выбор команд (табл. 1).

¹ <http://on.econ.msu.ru/login/index.php>

Групповые проекты: распределение по проектным командам и порядок выступлений

Тема проекта на русском и английском языке Номер учебной группы // учебный год	
Распределение по проектным командам и порядок выступлений ____ (дата) ____	
Команда № ____	
Время выступления: _____	
Автор(ы), название статьи, выходные данные статьи	
Переводчик:	____ (фамилия, имя) _____
Математик:	____ (фамилия, имя) _____
Художник:	____ (фамилия, имя) _____
Аналитик:	____ (фамилия, имя) _____
Докладчик:	____ (фамилия, имя) _____
Лидер команды: ____ (фамилия, имя) _____	
(Далее — аналогично для каждой команды)	

Источник: составлено авторами.

На определение состава проектных команд, выбор и распределение материалов для работы отводится один месяц — довольно продолжительный срок, в течение которого происходит знакомство студентов друг с другом и выявляется интерес группы к выбираемой теме. Следующий этап проектной работы — вплоть до ее завершения — рассчитан на два месяца.

Содержание каждого проекта включает следующие компоненты:

- 1) научный перевод полного текста статьи;
- 2) аннотация (1 страница);
- 3) презентация доклада;
- 4) кейс по теме статьи (с вопросом для обсуждения и авторской версией ответа на него);
- 5) устный доклад (в виде лекции) проектной группы с изложением основных положений статьи.

Работа проектной команды организуется по ролевому принципу. Каждый участник изначально определяет свою роль и соответствующий участок работы, за который он отвечает:

- «переводчик» — за организацию работы над переводом и научное редактирование текста;
- «математик» — за ясность экономического смысла формул и моделей;

- «художник» — за качество презентации (отбор материала для изложения на слайдах, оформление слайдов);
- «аналитик» — за разработку кейса и проведение дискуссии по нему;
- «докладчик» — за подготовку краткой аннотации статьи и организацию выступления проектной группы.

Один из членов проектной команды берет на себя дополнительную функцию лидера, заключающуюся в ответственности за организацию работы команды в целом.

Наиболее трудоемкий компонент работы — научный перевод текста. Как правило, в нем участвуют все или несколько членов проектной команды. Задача «переводчика», который может взять на себя большую часть перевода, состоит также в том, чтобы добиться единого стиля и научной точности в переводе терминов.

В тесном контакте с «переводчиком» работает «математик», который контролирует перевод математических терминов и добивается ясности в изложении представленной в статье модели.

Когда работа «переводчика» и «математика» подходит к концу, наступает черед «художника», «аналитика» и «докладчика».

Опыт показывает, что оформление презентации, за которое отвечает «художник», и логика доклада, которую выстраивает «докладчик», в общей подготовке проекта играют не менее важную роль, чем качество перевода и понимание математических моделей.

Особо следует выделить подготовку кейса по теме статьи. Впервые использованный в начале XX в. в преподавании коммерческого права в Гарвардской школе бизнеса, кейс-метод уже давно зарекомендовал себя как успешная методика обучения в бизнес-образовании. Однако и в теоретических курсах он незаменим тогда, когда учебная задача предполагает необходимость показать связь теории и практики [Антипина, Использование..., 2007]. Кейс-метод эффективен также тогда, когда «целью обучения является развитие определенных качеств мышления (таких, как любознательность, рассудительность, мудрость), личных качеств (твердость, чуткость, ответственность) и способности использовать общие понятия и знания для решения конкретных проблем» [Бранс, Кристенсен, Хансен, 2000, с. 25]. Безусловно, эти цели и задачи актуальны для подготовки выпускников магистратуры.

В проектной работе форма кейса может быть различной. Впервые, кейс может представлять собой краткое описание конкретной проблемной ситуации, сложившейся в современной экономике России или другой страны, для понимания которой необходимо ис-

пользовать идеи, модель и основные положения рассматриваемой статьи. Тогда вопрос, который выносится на обсуждение, должен быть нацелен на решение проблемы. Во-вторых, в кейсе могут быть описаны два события, произошедшие в прошлом в экономике России или другой страны, и даны теоретические объяснения этих событий. В этом случае студентам дается задание сделать критический разбор предложенных теоретических объяснений с позиции теории, которая представлена в статье. В-третьих, кейс может иметь вид задачи, построенной на базе модели, изложенной в статье. В этом случае ответ на поставленный вопрос предполагает расчеты и анализ полученных результатов.

Ко дню презентации проекта у каждой команды должны быть готовы следующие материалы: перевод, презентация, аннотация (объемом 1 страница), кейс (объемом 1–2 страницы). Все материалы должны быть представлены в электронном и печатном виде. Файлы должны быть размещены в разделе курса на портале «Онлайн-курсы экономического факультета МГУ» лидером команды до начала выступлений. Папка с распечатанными материалами должна быть сдана комиссии в день презентации группового проекта до начала выступлений команд.

Презентация групповых проектов происходит в установленный календарно-тематическим планом срок перед комиссией, которую формирует преподаватель, ведущий курс. В комиссию входят преподаватели, читающие курсы микро- и макроэкономики, математические дисциплины, а также руководители магистерских программ. Во время выступления каждой команды другие студенты группы обязаны выслушать доклад коллег и принять участие в обсуждении кейса.

Аннотация и кейс должны быть распечатаны для каждого участника дискуссии, т.е. в количестве, равном суммарному числу студентов в других группах, а также для членов комиссии. Аннотация и кейс раздаются перед началом выступления группы.

На презентацию одного проекта отводится не более 45 минут, из них: не более 20 минут — доклад в виде лекции, не более 10 минут — ответы на вопросы, не более 15 минут — дискуссия по кейсу. В заключительном слове (1–2 минуты) лидер команды кратко подводит итоги презентации проекта, прежде всего обобщая основные идеи доклада в сочетании с реакцией на них в виде вопросов и дискуссии по кейсу. Время, отведенное на доклад и дискуссию по кейсу, контролируется комиссией с помощью таймера. Превышение отведенного времени снижает баллы докладчика и аналитика.

От участия в докладе может быть освобожден аналитик, поскольку его основная работа связана с проведением дискуссии по кейсу. Все остальные члены команды должны участвовать в докладе. Как правило, математик комментирует модель или ее наиболее сложные моменты.

На вопрос кейса должны прозвучать ответы от каждой команды. Их анализирует «аналитик» и оценивает, определяя место команды в соревновании за лучшее решение кейса. В ходе дискуссии по кейсу проверяется усвоение материала статьи теми студентами, которые слушали выступления коллег.

Как и любой другой вид учебной работы, групповой проект предполагает выставление оценок. Каждый член комиссии выставляет баллы по каждому виду работы: перевод, математика, презентация, кейс, доклад (с учетом аннотации), ответы на вопросы.

Основные критерии оценки каждого вида работы:

- перевод — научная точность, стилистика, грамотность;
- математика — ясность логики и экономического смысла;
- презентация — композиция, четкость и емкость формулировок, доступность изложения, оформление, наглядность;
- кейс — соответствие теме статьи, современная актуальность, четкость поставленного вопроса (проблемы), проявленный интерес к обсуждению, ведение дискуссии, соблюдение регламента дискуссии;
- доклад и аннотация — логика построения, речь, владение вниманием аудитории, вовлеченность участников группы, соблюдение регламента, краткость и емкость формулировки главных положений статьи в аннотации;
- ответы на вопросы по презентации доклада — качество ответов на поставленные вопросы, степень доступности разъяснения проблемы или положения, затрагиваемого в вопросе.

Особое внимание комиссия обращает на вопросы, которые по итогам презентации доклада задают студенты, поскольку по их количеству и содержанию можно составить представление об интересе к представленному проекту. Комиссия, определяя рейтинг проектных команд по этому показателю, премирует их дополнительными баллами пропорционально месту в рейтинге.

Баллы заносятся в ведомость оценки проекта, форма которой приведена в табл. 2. В ней каждый член комиссии отмечает студентов, которые активно задавали вопросы, а также отвечали на вопросы по докладу и участвовали в дискуссиях по кейсам других команд.

Ведомость оценки проекта

Команда №__

Состав команды: _____

Тема: _____

Перевод	Математика	Презентация	Кейс	Доклад и аннотация	Ответ на вопрос кейса: <i>верно (+), неверно (-)</i>			Ответы на вопросы по презентации доклада
					1	2	3	
					Группы:			

На вопросы по презентации доклада отвечали: _____

На вопросы кейсов отвечали: _____

Вопросы задавали: _____

Источник: составлено авторами.

Еще одним компонентом оценки группового проекта может стать мнение самих студентов. По усмотрению преподавателя группы и комиссии, студентам может быть предложена анкета, в которой им предстоит оценить качество презентации и аннотации, доходчивость изложения материала в докладе, полноту и убедительность ответов на вопросы, проработанность кейса. В этом случае итоговая оценка групповых проектов может определяться, к примеру, на 70% на основе баллов, выставленных комиссией, и на 30% — на основе баллов, выставленных самими студентами. В качестве стимула к объективной оценке коллег-студентов и внимательному отношению к изучаемому и обсуждаемому материалу может выступать следующее включение вопросов по нескольким лучшим, по мнению студентов, проектам в экзаменационную работу.

На основании общей суммы баллов определяется команда-победитель. В результате вычисления среднего балла за отдельный вид работы каждый участник проектной команды получает свою оценку за индивидуальный вклад в групповой проект, которая не превышает 25% от общей суммы баллов за курс.

Нередко во время презентации проектов возникают не только творческие, но и дисциплинарные проблемы, связанные со сле-

дующими запрещенными вариантами поведения студентов: «уйду после выступления моей группы», «приду к началу выступления моей группы», «придем всей группой к концу пары, чтобы отметить», «не хватило времени доделать проект, поэтому будем доделывать его во время выступления других групп и выступим последними», «ждем нашего математика, который опаздывает, поэтому выступим после следующей группы», «не успели распечатать перевод (кейс, аннотацию), поэтому опоздаем» и т.п. Если простой запрет не исключает фактов проявления подобного поведения, то они могут «вознаградиться» баллами со знаком «минус».

При появлении подозрений в оппортунистическом поведении (отлынивании) отдельных членов проектных команд комиссия может запросить у лидера команды справку о коэффициентах трудового участия членов команды в выполнении проекта и скорректировать результат.

Однако результативность проектной работы студентов магистратуры по «Микроэкономике-3» и «Макроэкономике-3» не сводится только лишь к баллам и достижению непосредственной цели этой работы. Она гораздо шире.

Эта работа знакомит студентов с методологией научного исследования, причем на мировом уровне; формирует представления о структуре научной работы, постановке проблемы, разработке научной гипотезы; учит правильно формулировать цели и задачи исследования, определять методы их достижения; раскрывает алгоритм построения научного исследования, включая структуру и план, сбор первичной и вторичной информации, интерпретацию и критику результатов; наконец, обучает грамотному оформлению научной работы от титульного листа до составления библиографии, т.е. всему тому, что определяет научный аппарат их проектной работы.

Проектная работа углубляет интерес к новейшим исследованиям и разработкам в экономической теории и формирует вкус к применению теоретических моделей к анализу реальных ситуаций в экономике России и других стран, что продемонстрировали, к примеру, студенты программы «Экономическая теория», которые в 2015 г. выполнили проекты на темы «Поведенческие аспекты теории потребления» и «Поведенческая экономика и новая кейнсианская модель» [Поведенческая..., 2015].

Работа над проектами и их оценкой помогает вырабатывать собственную позицию по проблемам экономической теории и ее практических приложений, четко формулировать и убедительно обо-

сновывать аргументы в ее защиту. При этом развивается умение, с одной стороны, отстаивать свое мнение по принципиальным вопросам наряду с адекватным восприятием критических замечаний коллег и, с другой стороны, способность учитывать эти замечания в случае их обоснованности, соответствующим образом модифицируя свою позицию.

Тема проектной работы в каждом учебном году, как правило, соответствует одной из самых актуальных и интересных проблем сегодняшнего состояния экономической теории. Так, известно, что глобальный кризис 2008–2009 гг. вызвал со стороны экспертного сообщества жесточайшую критику всей новой макроэкономики. Однако прозвучавший в ее рамках призыв П. Кругмана «признать – и это будет очень сложно тем, кто хихикал над теориями Кейнса, – что кейнсианство остается лучшей из имеющихся теорий о природе рецессий и депрессий» произвел шокирующее впечатление. Обсуждение проектов, выполненных магистрантами по поведенческой экономике в 2015 г., показало, что из поля зрения критиков П. Кругмана ускользал тот факт, что его вывод не был простым призывом вернуться назад, а стал предложением обосновать традиционные кейнсианские постулаты с позиций поведенческой экономики. Кроме того, при этом предполагалось более активное включение в макроэкономическую картину финансового сектора [Krugman P., 2009, p. 3–8]. Студентами магистратуры было достаточно убедительно показано, что некоторые современные исследования, которые пока весьма далеки от того, чтобы влиться в мейнстрим, все же недвусмысленно говорят о том, что дальнейшее развитие экономической теории вполне может происходить «по Кругману». И хотя время для широких обобщений в этой области еще не наступило, разговор о возможностях и последствиях использования синтеза оптимизационных моделей с идеями поведенческой экономики уже может быть начат.

Весомым аргументом в пользу начала этого разговора служит основательная микроэкономическая база, исследование которой также входило в проектную работу. В частности, в центр внимания была помещена идея о том, что неоклассический взгляд на потребителей как на эгоистичных индивидов, максимизирующих получаемую полезность, оспаривается результатами исследований в области когнитивной психологии, антропологии, эволюционной биологии и неврологии. Так, к примеру, неоклассическая экономическая теория исходит из того, что только совокупные уровни дохода и потребления оказывают влияние на полезность, получаемую эконо-

мическими субъектами. Однако существуют основания полагать, что люди склонны сравнивать свое потребление с потреблением окружающих. Если это действительно так, тогда важный смысл приобретает вопрос: приводят ли переживания людей относительно «несоответствия» своего потребления и потребления окружающих к диспропорциям в экономике? Этот вопрос был поставлен К. Эрроу и П. Дасгупта [Arrow, Dasgupta, 2009], и дискуссия вокруг него вызвала большой интерес у студентов. В качестве наиболее обоснованного ответа на поставленный вопрос была признана идея о том, что подобные переживания у людей возникают только в отношении показных благ, и в равновесии предельная норма замещения показного блага непоказным будет всегда отличаться от общественно оптимальной. Следовательно, устанавливающееся равновесие не становится Парето-эффективным, поскольку домохозяйства потребляют больше показных благ и меньше непоказных по сравнению с оптимальным состоянием, что в результате приводит к экономическим диспропорциям. Причем этот вывод справедлив как для развитых стран, так и для стран с развивающимся рынком [Quintana-Domeque, Turino, 2013].

В ходе обсуждения магистерских проектов было отмечено, что модели поведенческой экономики, учитывающие множество отклонений поведения рыночных агентов от требований рациональности, в совокупности все-таки не стали альтернативной исследовательской программой, сравнимой по объему и значимости, например, с новой классической теорией или теорией новых кейнсианцев, и вряд ли смогут стать таковой. Однако поведенческая экономика, которая долгое время оставалась в микроэкономических рамках, поставила под сомнение святая святых экономической теории – принцип рациональности и тем самым бросила серьезный вызов новой макроэкономике. Это дает основания предполагать, что разрабатываемые частные модели нерационального поведения могут быть интегрированы в экономическую теорию в рамках нового синтеза. При этом для перехода к более реалистичной ступени эволюции экономической теории на основе включения в нее идей из поведенческой экономики и психологии при сохранении строгости доказательств и точности формулировок могут быть успешно использованы неоклассические оптимизационные модели, что весьма напоминает неоклассический синтез П. Самуэльсона.

Выпускники магистерских программ должны быть готовы работать не только в качестве исследователей, аналитиков, экспертов, но и преподавателей в высших учебных заведениях и сети бизнес-

образования. В этой связи одним из удачных проектов стала работа над переводом второго издания знаменитого учебника Д. Ромера [Romer, 2001] по макроэкономике продвинутого уровня, которая была выполнена нашими студентами задолго до публикации его русскоязычного издания под названием «Высшая макроэкономика» силами коллег из НИУ ВШЭ. В рамках проектной работы студенты не только освоили теоретическое содержание этого учебника, но и обсудили его методические достоинства — доступность изложения материала, структуру, уровень математической сложности и др.

Выступления с презентациями, которые, по сути, являются мини-лекциями, а их обсуждения — семинарами, круглыми столами или даже мастер-классами, в которых принимают участие магистранты, позволяют им заочно обсудить со специалистами мирового уровня актуальные проблемы экономической теории и хозяйственной практики, проблемы бизнеса и управления, а также познакомиться с решениями проблем в разных областях экономики. Разработка презентаций позволяет нашим студентам как будущим преподавателям нарабатывать навыки чтения лекций и проведения семинарских занятий по базовым дисциплинам (микроэкономика, макроэкономика, институциональная экономика, история экономических учений), владеть современными методами и методиками преподавания в вузах, в системе бизнес-образования, профессиональной подготовки и повышения квалификации.

Удовлетворить интерес наших магистрантов к практическим приложениям экономической теории был призван проект 2014 г., который предполагал научный перевод и обсуждение монографии «Чему мы научились? Макроэкономическая политика после кризиса» под редакцией Дж. Акерлофа, О. Бланшара, Д. Ромера и Дж. Стиглица [What..., 2014]. В презентациях наших студентов анализировались основные итоги дискуссий авторов этой книги вокруг уроков Великой рецессии и ее последствий, а также вопросов посткризисной монетарной политики, фискального стимулирования, макропруденциальных мер. Это было очень интересно и полезно, поскольку, знакомясь с зарубежным опытом, выпускники магистратуры будут способны вырабатывать концептуальные и практические рекомендации по совершенствованию систем регулирования экономики на основе сочетания универсальных экономических закономерностей со спецификой национальной экономики, разрабатывать рекомендации для осуществления институциональных изменений на микро- и макроуровне. Это важно, так как в будущем некоторые из них сами будут принимать решения в области государственного

регулирования на микро- и макроуровне, формулировать концепцию, экономическое содержание нормативно-правовых актов органов государственной власти различных уровней.

Таким образом, работа над проектами, на наш взгляд, способствует умению наших магистрантов *самостоятельно* разбираться в самых сложных проблемах экономической теории и хозяйственной практики, представленных в научных публикациях.

Как следствие этого, проектная работа может стать началом научного исследования и дать студенту основу для написания самостоятельной научной работы (статьи и/или магистерской диссертации), развивающей взгляды автора первоисточника, для подготовки научного доклада и выступления с ним на конференции. Так, студентами магистерской программы «Экономическая теория», выступившими с докладами по итогам проектной работы на круглом столе «Междисциплинарный взгляд на экономическую политику» в рамках Седьмой международной научной конференции «Инновационное развитие экономики России: междисциплинарное взаимодействие» 17 апреля 2014 г., были опубликованы статьи [Лепехова, Румянцев, 2014; Симочкин, Титов, 2014].

Содержанию и методике проектной работы студентов магистратуры был посвящен прошедший 19 ноября 2014 г. круглый стол «Резервы национальной экономики. Проекты студентов магистратуры» на Международной научной конференции «Экономическая система современной России: пути и цели развития», на котором студентами магистерской программы «Экономическая теория» были сделаны доклады: «Поведенческая макрофинансовая модель с эндогенными деловыми циклами» (Лепехова Ю. С., Субхангулов Р.А.), «За пределами счастья и удовлетворения: на пути к индексам благополучия» (Симочкин Д. И., Титов Е.Е.) [Программа..., 2014].

Таким образом, организация и проведение проектной работы студентов магистратуры, на наш взгляд, имеют своим неоспоримым результатом формирование у выпускников магистратуры совокупности компетентностей и навыков, позволяющих им выполнять самые разнообразные виды деятельности, и прежде всего осуществлять аналитическую деятельность в области экономической теории.

Изложенную в данной статье методику проектной работы студентов следует рассматривать в развитии. Цели и формы этой работы могут быть шире и разнообразнее в зависимости от предмета, уровня его изучения, подготовки студентов и многих других факторов. Однако, пожалуй, не существует такого курса, где бы не было

возможностей для плодотворного внедрения этой формы работы. Ее эффективность зависит во многом от творческого подхода к преподаванию и заинтересованности студенческой аудитории, поскольку, как известно, задача образования — не только в том, чтобы давать студентам полезные им знания, но и вырабатывать у них стремление к их непрерывному обновлению и научному поиску.

Список литературы

1. *Антипина О. Н.* Использование метода конкретных ситуаций в преподавании микроэкономики в условиях повышения роли самостоятельной работы студентов // Материалы Ломоносовских чтений экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова за 2005–2006 гг.: Методология экономической науки и методика преподавания экономической теории. Часть 2. — М.: ТЕИС, 2007. — С. 132–137.
2. *Антипина О. Н.* Читаем и творим! (о работе с первоисточниками в курсе «Микроэкономика-3») // Инновации в методике преподавания экономической теории. — М.: ТЕИС, 2007. — С. 134–143.
3. *Барнс Л. Б., Кристенсен К. Р., Хансен Э. Дж.* Преподавание и метод конкретных ситуаций (конкретные ситуации и дополнительная литература). — М.: Гардарики, 2000.
4. *Лепехова Ю. С., Румянцев Н. А.* Поведенческая экономика и государственная политика // Инновационное развитие экономики России: междисциплинарное взаимодействие. Седьмая международная научная конференция. Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, экономический факультет, 16–18 апреля 2014 г. Сборник статей. — М.: Проспект, 2014. — С. 183–188.
5. Обучение на экономическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова меняет мировоззрение: онлайн-интервью со студентом Виктором Брызгалиным. URL: <http://www.consultant.ru/edu/news/interview/view/bryzgalin/> (дата обращения: 14.02.2016).
6. Поведенческая экономика: альтернатива или приглашение к новому синтезу? URL: 2015 // http://www.econ.msu.ru/departments/politec/learning/m_et/Article.20151212174920_1509/ (дата обращения: 06.01.2016).
7. Программа Международной научной конференции «Экономическая система современной России: пути и цели развития». Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, Экономический факультет, 19 ноября 2014 г. URL: <http://www.econ.msu.ru/departments/politec/conf201411/prog/> (дата обращения: 06.01.2016).
8. Программа развития экономического факультета Московского университета на 2014–2018 годы. URL: http://www.econ.msu.ru/ext/lib/Category/x15/xf0/5616/file/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B0_final-1.pdf (дата обращения: 15.02.2016).
9. *Симочкин Д. И., Титов Е. Е.* За пределами счастья и удовлетворения: на пути к индексам благополучия // Инновационное развитие эконо-

- мики России: междисциплинарное взаимодействие. Седьмая международная научная конференция. Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, экономический факультет, 16–18 апреля 2014 г. Сборник статей. — М.: Проспект, 2014. — С. 70–75.
10. *Смирнов А. Д.* Лекции по макроэкономическому моделированию: Учебное пособие для вузов. — М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000. — 351 с.
 11. *Arrow K., Dasgupta P.* Conspicuous Consumption, Inconspicuous Leisure // University of Manchester, Economics Discussion Paper Series, EDP-0903, February 2009. — 30 p.
 12. *Krugman P.* How Did Economists Get It So Wrong? // The New York Times. — 02.09.2009. — P. 3–8.
 13. *Quintana-Domeque C., Turino F.* Relative Concerns on Visible Consumption: A Source of Economic Distortions // University of Oxford, Department of Economics Discussion Paper Series, No 676, October 2013. — 21 p.
 14. *Romer D.* Advanced Macroeconomics. — Boston: McGraw Hill, 2001. — 651 p.
 15. What Have We Learned? Macroeconomic Policy after the Crisis. Ed by G. Akerlof, O. Blanchard, D. Romer, J. Stiglitz. — Cambridge, Mass.: The MIT Press, 2014. — 359 p.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Antipina O. N.* Ispol'zovanie metoda konkretnyh situacij v prepodavanii mikroekonomiki v uslovijah povysheniya roli samostojatel'noj raboty studentov // Materialy Lomonosovskih chtenij jekonomicheskogo fakul'teta MGU imeni M. V. Lomonosova za 2005–2006 gg.: Metodologija jekonomicheskoy nauki i metodika prepodavanija jekonomicheskoy teorii. Chast' 2. — М.: TEIS, 2007. — S. 132–137.
2. *Antipina O. N.* Chitaem i tvorim! (o rabote s pervoistochnikami v kurse «Mikroekonomika 3») // Innovacii v metodike prepodavanija jekonomicheskoy teorii. — М.: TEIS, 2007. — S. 134–143.
3. *Barnes L. B., Christensen C. R., Hansen A. J.* Teaching and the Case Method. Text, Cases, and Readings. Third Ed. — Boston, Mass.: Harvard Business School Press, 1994.
4. *Lepshova Ju. S., Rumjancev N. A.* Povedencheskaja jekonomika i gosudarstvennaja politika // Innovacionnoe razvitie jekonomiki Rossii: Mezhdisciplinarnoe vzaimodejstvie. Sed'maja mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija. Moskva, MGU imeni M. V. Lomonosova, Jekonomicheskij fakul'tet, 16–18 aprelja 2014 g. Sbornik statej. — М.: Prospekt, 2014. — S. 183–188.
5. Obuchenie na jekonomicheskom fakul'tete MGU im. M. V. Lomonosova menjaet mirovozzrenie: onlajn-interv'ju so studentom Viktorom Bryzgalinym. URL: <http://www.consultant.ru/edu/news/interview/view/bryzgalin/> (data obrashhenija: 14.02.2016).

6. Povedencheskaja jekonomika: al'ternativa ili priglasenie k novomu sintezu? 2015. URL: http://www.econ.msu.ru/departments/politec/learning/m_et/Article.20151212174920_1509/ (data obrashhenija: 06.01.2016).
7. Programma Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Jekonomicheskaja sistema sovremennoj Rossii: puti i celi razvitija». Moskva, MGU imeni M. V. Lomonosova, Jekonomicheskij fakul'tet, 19 nojabrja 2014 g. URL: <http://www.econ.msu.ru/departments/politec/conf201411/prog/> (data obrashhenija: 06.01.2016).
8. Programma razvitija jekonomicheskogo fakul'teta Moskovskogo universiteta na 2014–2018 gody. URL: http://www.econ.msu.ru/ext/lib/Category/x15/xf0/5616/file/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B0_final-1.pdf (data obrashhenija: 15.02.2016).
9. *Simochkin D. I., Titov E. E.* Za predelami schast'ja i udovletvorenija: na puti k indeksam blagopoluchija // Innovacionnoe razvitie jekonomiki Rossii: Mezhdisciplinarnoe vzaimodejstvie. Sed'maja mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija. Moskva, MGU imeni M. V. Lomonosova, Jekonomicheskij fakul'tet, 16–18 aprelja 2014 g. Sbornik statej. — M.: Prospekt, 2014. — S. 70–75.
10. *Smirnov A. D.* Lekcii po makrojekonomicheskomu modelirovaniju: Uchebnoe po-sobie dlja vuzov. — M.: Izd-vo GU VShJe, 2000. — 351 s.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В. В. Герасименко¹,

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА И РАЗВИТИЕ УНИВЕРСИТЕТСКИХ НАУЧНЫХ ШКОЛ

**(по итогам научной конференции
«Ломоносовские чтения-2016»,
посвященной 75-летию экономического
факультета МГУ имени М. В. Ломоносова)**

В январе 2016 г. в МГУ состоялась ежегодная научная конференция «Ломоносовские чтения». Конференция на экономическом факультете была посвящена в этом году его 75-летию. Прошедшие на этой конференции дискуссии позволили обсудить ключевые области экономической науки и развитие университетских научных школ.

Ключевые слова: экономическая наука, университетские научные школы.

ECONOMIC SCIENCE AND THE DEVELOPMENT OF UNIVERSITY SCIENTIFIC SCHOOLS

**(The Results of the Conference
«Lomonosov Readings-2016»)**

In January 2016, Moscow State University held its annual scientific conference «Lomonosov readings». The conference at the Economic Faculty was dedicated this year's 75th anniversary of the Economic Faculty. The conference allowed to discuss the key areas of economic science and development of University scientific schools.

Key words: economic science, university scientific schools.

Ежегодно проводимые в Московском университете научные конференции «Ломоносовские чтения» всегда выступают как значимый

¹ Герасименко Валентина Васильевна, д.э.н., профессор, замдекана экономического факультета; e-mail: gerasimenko@econ.msu.ru

международный научный форум для подведения итогов научных исследований и выявления наиболее значимых научных достижений. Тем более это относится к конференции, которая посвящается юбилею факультета, как это было в нынешнем году.

Оглядываясь на развитие факультета в течение прошедших семидесяти пяти лет, естественно задаться вопросом о научных традициях и научных школах, сложившихся за эти годы. Эта постановка вопроса определила тематику конференции в целом и одно из направлений пленарной дискуссии. Другое направление, прямо вытекающее из первого, — это взгляд вперед, оценка наиболее перспективных и востребованных проблем научных исследований, на которых должно быть сосредоточено внимание ученых факультета. Объединив эти две идеи, конференция началась с обсуждения на пленарном заседании проблематики: «Университетские научные школы: развитие традиционных и формирование новых направлений», модератором которого выступил декан экономического факультета, профессор А. А. Аузан.

Многообразие направлений научных исследований факультета, проводившихся за эти годы, значительное число выдающихся ученых и воспитанных ими в стенах факультета учеников, резкие повороты в концептуальных направлениях экономического развития, происходившие в стране и, следовательно, в экономической науке тоже, — все это заставляет задуматься о наличии действительно признанных научных школ, о критериях их признания и о роли научных школ в развитии экономической науки. Различные подходы к оценке научных школ факультета и их роли прозвучали в выступлениях завкафедрой истории народного хозяйства и экономических учений, профессора А. Г. Худокормова, завкафедрой философии и методологии экономики, профессора Л. А. Тугова, завкафедрой политической экономии, профессора А. А. Пороховского.

Так, по мнению исследователей истории экономических учений (А. Г. Худокормов и участники руководимой им секции), есть основания говорить о различиях в степени определенности формальных методологических границ конкретных школ на разных этапах развития экономической мысли. На современном этапе, в условиях качественно нового уровня глобализации и развития средств коммуникации, роль научных школ размывается, прослеживается поглощение «мейнстримом» оригинальных течений и школ. Вместе с тем участники обсуждения подчеркивали, что широкий социокультурный, национально-исторический, политический и экономический контекст стимулирует постоянное возникновение новых оригиналь-

ных идей и движений, некоторые из которых, возможно, смогут оформиться в новые школы, а современный кризис мировой экономики дает новый шанс для маргинальных на сегодняшний день идей выйти на авансцену экономической истории.

С этой постановкой вопроса в целом нельзя не согласиться, научные школы не могут превратиться в застывшие догмы, их идеи и концепции развиваются вместе с динамично меняющейся экономической реальностью и системой общественных отношений. В то же время возникает вопрос о том, что же такое научная школа и как можно ее идентифицировать. Этот вопрос был поставлен профессором Л. А. Тутовым и закономерно оказался в центре дискуссий представителей направления философии и методологии науки.

Общее, что объединяет представления о научных школах на разных этапах развития науки, — наличие талантливых лидеров школ и их последователей. Справедливо отмечалось, что географическое место базирования школы является вторичным признаком, однако бесспорна роль университетов в их развитии. Научная школа — это модель организации и развития научного знания и форма устройства совместной деятельности ученых. Научная школа призвана не только продуцировать и распространять новое знание, но и повышать квалификацию своих участников, а также вовлекать в научную деятельность молодых людей, готовя из них специалистов в своей области. Понятие «научное сообщество» характеризует не только участников отдельных школ, но и всех исследователей, работающих в определенной предметной области и в науке в целом. Термин «научная школа» (английский аналог — *research school*) используется социологами науки применительно к уже сформировавшимся направлениям, признанным в профессиональном сообществе. Так, на примере Венской экономической школы, основателем которой стал лидер теории маржинализма К. Менгер (1840–1921), отмечалась важность методологических принципов научных школ. Например, исследовательская программа этой школы была основана на принципах методологического индивидуализма, чистой экономической науки, рационального выбора, экзогенности предпочтений, максимизации полезности в условиях ограниченных ресурсов, контрактных отношениях [Павельева Т. Ю., 2012; Устюжанина Е. В., Евсюков С. Г., Петров А. Г., 2011].

Атрибуты научной школы, которые можно выделить на основе анализа наиболее известных в экономической науке прошлого направлений, — это наличие яркого лидера, соратников, учеников и последователей, постоянный приток нового поколения; общность

цели и ценностей, разделяемых ее участниками; наличие систематизированного и верифицируемого научного знания, имеющего значительную научную важность и прорывной характер; общий методологический инструментарий; самоорганизующаяся система, не предполагающая принуждения и фиксированного членства. Научная школа — это система взглядов, разделяемых группой ученых, объединенных общей целью и ценностями, на основе которых формируется исследовательская программа. Общность цели обеспечивает целостность научной школы, каждый участник которой должен прикладывать максимальные усилия по ее достижению. Достижение цели обеспечивает рост массива удостоверенного научного знания в определенной области. Этапы развития научной школы: появление крупной научной проблемы, возникновение на ее основе научного направления, формирование научной школы благодаря получению значительных результатов исследования, реализация и исчерпание целей исследовательской программы и переход к новым научным проблемам или угасание школы.

Особенности научных школ в экономике — это значительная социально-историческая детерминированность; практическая ориентированность, связанная с необходимостью решения насущных социально-экономических задач; деятельность школ оценивается по использованию результатов, полученных ее членами; личностная окрашенность и индивидуальность исследований. На поддержку научных школ должно быть ориентировано государство [О государственной поддержке ведущих научных школ РФ, 1995; Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», 2008].

В докладе Л. А. Тутова на конференции отмечалось, что наиболее известные научные школы экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова — это Татуровская (С. К. Татур) научная школа (хозяйственный расчет, учет и комплексный экономический анализ), научная школа Н. А. Цаголова (политическая экономия), научная школа А. И. Анчишкина (прогнозирование экономических процессов), научная школа В. С. Немчинова (математические методы анализа экономики), научная школа Т. С. Хачатурова (экономические проблемы природопользования), научная школа Д. И. Валентя (системное исследование народонаселения), научная школа философии хозяйства Ю. М. Осипова (философское осмысление хозяйства), научная школа управления Г. Х. Попова.

На важную роль научных школ в университетах обратил внимание в своем выступлении профессор А. А. Пороховский. Он выде-

лил очень важные принципы университетских традиций научных школ:

- быть в русле мирового развития и науки, владеть иностранными языками, учитывать национальную самобытность России;
- опираться на развитие комплекса университетских наук – гуманитарных и естественных;
- насыщать учебный процесс результатами НИР, воплощенными в пособиях, учебниках, публичных лекциях;
- предлагать решения социальных и экономических проблем страны, совершенствовать национальную экономическую модель;
- готовить кадры, опираясь на фундаментальность и системность университетского обучения.

Были выделены периоды развития экономических научных школ в МГУ:

- 1755–1917 гг. — классическая политическая экономия;
- 1917–1991 гг. — марксистская политическая экономия;
- 1991 г. — настоящее время — экономикс и обогащающие его школы.

Применительно к экономической теории были названы яркие представители научных школ прошлого и настоящего:

- И. К. Бабст (1824–1881) «Новый опыт о богатстве народном» (1857);
- А. И. Чупров (1842–1908) «Курс политической экономии» (1983);
- Н. А. Цаголов (1906–1985) «Курс политической экономии» (1963–1974);
- В. Н. Черковец (р. 1924) Политическая экономия, «Капитал» и экономикс», общественное воспроизводство.

Ярким вектором, характеризующим развитие науки на факультете, всегда были концептуальные подходы не только политико-экономического, но и экономико-математического направления. Различия подходов этих двух направлений часто носили концептуальный характер. Характерные черты и тенденции развития научных взглядов их представителей стали, прежде всего, темами двух выступлений на пленарном заседании конференции: «Экономико-математические исследования в России: ЦЭМИ РАН, МГУ, далее везде...» члена-корреспондента РАН, профессора, замдиректора ЦЭМИ РАН Г. Б. Клейнера, а также «Дилеммы и дискурсы политической экономии» профессора НИУ ВШЭ О. И. Ананьина.

Экономико-математические исследования на факультете имеют богатую историю, связанную с деятельностью кафедры экономико-математических методов. Поэтому характеристики этой научной школы, оценка современного состояния экономико-математического направления экономической науки, границ и возможностей использования современных математических методов и инструментальных средств для обоснования управленческих решений разного уровня обсуждались не только в докладе профессора Г. Б. Клейнера, но и на круглом столе кафедры, руководимой профессором М. В. Грачевой. В ее докладе «О вкладе кафедры ММАЭ в развитие экономико-математической научной школы» отмечалось, что исторически важное место в научно-исследовательской работе кафедры занимали научные семинары: под руководством В. С. Немчинова, знаменитые семинары Д. Б. Юдина, Е. З. Майминаса, И. В. Нита и П. А. Медведева, Б. П. Суворова и др. Необходимо и сейчас поддерживать сложившиеся традиции, в рамках научных семинаров объединяя усилия аспирантов, магистров и преподавателей в разработке актуальных экономических проблем. На экономическом факультете была создана и плодотворно развивается научная школа по экономико-математическому моделированию, отражающая прогрессивные тенденции в этой области и отвечающая современным потребностям российской экономики по подготовке экономистов в области математических и инструментальных методов.

Говоря о развитии научных школ и концепций, которыми была насыщена история факультета, профессор О. И. Ананьин напомнил, что двигателем научных дискуссий тех лет был так называемый «главный треугольник»: два академических института — Институт экономики и ЦЭМИ, а также кафедра политической экономии экономического факультета МГУ. По его мнению, развитию методологии экономической теории в те годы мешали противоречия тезиса «объективных законов» и материальности производственных отношений, а также трудности в осмыслении планомерности, роли государства, институтов. В то же время научный вклад политической экономии социализма был интересен стремлением осмыслить новый феномен — плановую, т.е. нестихийную и некапиталистическую экономику, а также попытками сформулировать пути ее исследования и принципы функционирования. То, что сегодня актуально в этих подходах к методологии, — это попытки построения системного представления развивающегося объекта и уроки для осмысления современной российской экономики, вобравшей в себя свойства и плановой, и рыночной экономик.

Наряду с оценками прошлого развития научных школ факультета на конференции активно обсуждались новые перспективные направления развития университетских исследований. Прежде всего, участниками пленарной дискуссии были анонсированы такие новые научные проблемы, как «Стратегическое управление и обеспечение устойчивости экономического роста в контексте традиций школы макроструктурного анализа и долгосрочного прогнозирования» (завкафедрой макроэкономической политики и стратегического управления А.Н. Клепач); «Россия и риски мировой экономики» (руководитель Центра исследований экономической политики, доцент кафедры макроэкономической политики и стратегического управления О. В. Буклемишев); «Макроэкономические последствия долгового кризиса на Украине и интересы России» (директор научно-образовательного центра «Мировая экономика» МГУ имени М. В. Ломоносова и ИМЭМО РАН имени Е. М. Примакова С. А. Афонцев) и в продолжение этой темы — круглый стол «Современные тенденции в развитии мировой экономики и их отражение в научных исследованиях на экономическом факультете МГУ», ведущий — В. П. Колесов, д.э.н., профессор, завкафедрой мировой экономики, президент экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; «Этнокультурные факторы, конфликты и экономическое развитие» (ведущий научный сотрудник Международной лаборатории культурного разнообразия и экономического развития Д. В. Давыдов), а также «Триединая интерпретация развития системы Природа—Человек—Производство» (завкафедрой экономики природопользования, академик РАЕН К. В. Папенев). В дальнейшей работе конференции эти направления были дополнены дискуссиями о новых трендах и перспективах развития научных школ в работе 11 секций 25 круглых столов. В конференции приняло участие более 900 человек, выступили с докладами более 400 человек, из них представители таких стран, как Россия, Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Польша, Таджикистан и Украина. Россия была широко представлена участниками из 38 городов, таких как Москва, Санкт-Петербург, Аргун, Благовещенск, Владимир, Воронеж, Грозный, Екатеринбург, Елец, Иркутск, Йошкар-Ола, Казань, Кемерово, Коломна, Кострома, Краснодар, Красноярск, Курск, Липецк, Махачкала, Нальчик, Новороссийск, Новосибирск, Орел, Оренбург, Пятигорск, Ростов-на Дону, Самара, Саратов, Старый Оскол, Сургут, Тамбов, Тверь, Томск, Тула, Улан-Удэ, Уфа, Якутск.

Характеризуя содержание этих дискуссий, надо отметить, что они были направлены главным образом на актуализацию научных ис-

следований, выработку научно обоснованных ответов на вызовы экономической практики и социального развития.

Так, целью проведения секции «Университетская школа политической экономии: совершенствование исследования инновационного развития на основе применения сравнительных методов» стало использование теоретического и методологического потенциала университетской школы политической экономии для нахождения путей активизации инновационного развития. При этом предлагалось сделать акцент на сравнительный анализ опыта различных стран по выстраиванию национальных инновационных систем. Такой анализ показывает, что национальная инновационная система опирается прежде всего на скоординированную работу специальных институтов инновационного развития и меры по экономическому стимулированию инноваций. В то же время успехи и неудачи в формировании национальных инновационных систем в значительной мере определяются общими экономическими условиями как объективного, так и субъективного характера. К первым были отнесены прежде всего состояние промышленной базы страны, наличие развитой сферы НИОКР и квалифицированных кадров, ко вторым – наличие общенациональной стратегии развития, благоприятствующей активизации инновационных процессов.

Представителями направлений экономической теории и политической экономии было предложено объединить исследовательские усилия сторонников университетской школы системных исследований под названием «Клуб школы Цаголова».

В отношении развития научной школы философии хозяйства профессора Ю. М. Осипова, на конференции получила поддержку трактовка современной экономики как специфической исторической формы — неэкономике в русле философско-хозяйственного подхода. Раскрытие отличительных особенностей неэкономике как реальности конца XX — начала XXI в. в финансовом, технологическом и организационном аспектах было выдвинуто в качестве актуальной научной задачи.

Профессор В. Н. Черковец, яркий представитель современной научной школы политической экономии на экономическом факультете, обосновал применение методологии воспроизводства к исследованию экономики современной России и показал роль кафедры политической экономии в развитии этого направления исследований. Как отмечалось на конференции, классическая политэкономия в учениях Ф. Кэне, А. Смита, К. Маркса, В. И. Ленина разработала развитую методологию и теорию воспроизводства инди-

видуального и всего общественного капитала. Неоклассическое направление экономической теории, включая мейнстрим, а также институционализм, исключило воспроизводство из экономического пространства и из сферы научных исследований. Кафедра политической экономии МГУ применяла теорию воспроизводства в процессе преподавания, уточняя и развивая некоторые аспекты метода и теории. В научных работах ученых кафедры исследовались дискуссионные проблемы теории воспроизводства. К ним относятся проблема эффективности общественного производства; проблемы пропорции двух подразделений общественного производства, добывающей и обрабатывающей промышленности, материального производства и сферы услуг; воспроизводство национального продукта и его измерение; воспроизводство национального богатства, его структура и динамика. По мнению представителей научной школы В. Н. Черковца, отсутствие воспроизводственного подхода к отображению экономики мейнстримом неизбежно делает недоступной существенную часть содержания рыночной экономики и смешанной экономики рыночного типа, а также важнейшие взаимосвязи ее элементов. Это обуславливает необходимость включения в процесс преподавания экономической теории (микро- и макроэкономики), а также российской экономики, классической теории воспроизводства. Теория воспроизводства содержит информацию, необходимую для разработки модели инновационного развития российской экономики, поскольку именно в непрерывной повторяемости процесса производства обнаруживаются истинные источники технологического развития, последовательность распространения базовых технологических инноваций между отраслями, а также оптимальные межотраслевые пропорции.

Развитие научной школы экономики труда на экономическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова (профессор Р. П. Колосова, профессор Т. О. Разумова) рассматривалось на конференции как выработка методологических подходов к формированию Концепции новой экономики труда, как задача реализации в России принципов достойного труда, выдвинутых Международной организацией труда (МОТ), и как идентификация новых направлений научных исследований в контексте Целей развития новой экономики труда. Интеграция ученых, представленных в данном сообществе, направлена на решение следующих задач:

- формирование концепции новой экономики труда как основополагающей в изучении и развитии социально-трудовых отношений в современной экономике России;

- продвижение концепции МОТ «Достойный труд» в регионах, при акцентировании внимания на отражении принципов и расчете индикаторов достойного труда в региональных стратегиях социально-экономического развития «2030»;
- исследование нестандартных форм занятости и гибких форм организации трудовой деятельности во всем многообразии их проявления;
- развитие новых форм взаимодействия рынка труда и рынка образовательных услуг на базе согласования профессиональных и образовательных стандартов.

При обсуждении перспектив развития научной школы учета и анализа заслуженного профессора А. Д. Шеремета было выделено три основных этапа развития комплексного анализа: первый — установление взаимосвязи финансового и производственного анализа и их влияния на финансовый результат; второй — формирование системного комплексного анализа, когда были предложены многофакторные модели, позволяющие исследовать причинно-следственную связь между отдельными показателями (их совокупностью) при определении финансового результата; третий этап — расширение показателей комплексного анализа за счет введения показателей социального и экологического учета. Как отметил профессор В. П. Суйц, традиционно комплексный экономический анализ в России понимается гораздо шире, чем управленческий или финансовый анализ за рубежом. Это значительное преимущество комплексного анализа, так как обеспечивает его полноту и системность по сравнению с отдельными видами анализа.

Большое внимание на конференции было уделено истории формирования университетской научной демографической школы Д. И. Валентя в ее основных чертах, подходах и традициях. Было показано использование принципов школы в современных исследованиях народонаселения. Помимо системности, комплексности и междисциплинарности в исследованиях, научная школа Д. И. Валентя заложила основы связи теоретических и прикладных исследований, обосновала необходимость внедрения программно-целевого подхода в разработку социально-демографической политики, создала учебно-научное подразделение, органично соединяющее как преподавательскую, так и научную деятельность — Центр по изучению проблем народонаселения.

В качестве одного из актуальных направлений научного развития факультета профессор А. А. Аузан обозначил на руководи-

мой им секции исследования в области институциональной экономики. Выступление профессора В. Л. Тамбовцева было посвящено первому этапу становления институциональных исследований на экономическом факультете МГУ в рамках научного семинара Е. З. Майминаса, развивавшего концепцию социально-экономического генотипа. Профессор А. Е. Шаститко сосредоточил внимание на политико-экономических корнях факультетской институциональной школы, отметив, что к настоящему времени данная школа развилась как вглубь, так и вширь и проявляет себя в широком спектре прикладных исследований.

На круглом столе под руководством профессора К. В. Папенова обсуждался социально-эколого-экономический подход в развитии идей Т. С. Хачатурова. Работа круглого стола посвящена изучению современных тенденций, складывающихся в сфере использования природных ресурсов и охраны окружающей среды в экономике России. Для достижения долгосрочной устойчивости новая модель российской экономики обязана учитывать «зелёные» приоритеты, ограничивать экстенсивное использование природного капитала, добиваться роста благосостояния населения и экономических результатов за счет сокращения потерь и резкого повышения эффективности использования уже вовлеченных в оборот природных ресурсов на основе радикального технологического обновления экономики. Необходим комплексный подход к социальным, экологическим, экономическим сторонам современного развития страны. Основное внимание предполагается уделить анализу общетеоретических и практических проблем экономики природопользования, путей обеспечения устойчивого развития в единстве социальных, экологических, экономических аспектов, повышению эффективности мероприятий экологического назначения, улучшению экологической ситуации на основе приоритетов развития экономики с учетом имеющихся преимуществ, созданных в прошлом, и факторов развития в перспективе.

Наряду с научными школами, формировавшимися многие десятилетия и имеющими теоретические истоки в политической экономике прошлого, на экономическом факультете происходит бурное **развитие и становление новых научных школ**, связанных с исследованием современных механизмов функционирования рыночной экономики и экономики инноваций.

Так, на круглом столе, посвященном формированию новых университетских школ маркетинга, прошло обсуждение современной маркетинговой мысли, вопросов развития университет-

ских школ и формирования профессиональных стандартов маркетинга. Руководитель круглого стола — завкафедрой маркетинга, руководитель Научного центра анализа рынков и ценообразования, профессор В. В. Герасименко отметила, что современная теория маркетинга создает пространство для поиска новых подходов и развития научных школ. Это пространство гораздо шире инструментальных подходов к формированию рыночной политики компании, считавшихся парадигмой маркетинга в прошлом веке. Социальный маркетинг, «зелёный» маркетинг, маркетинг территорий, нейромаркетинг, сетевой маркетинг, маркетинг отношений — огромный спектр новых понятий и определений отражает востребованность маркетингового подхода и его применимость ко многим отраслям общественной жизни, необходимость поиска новых парадигм. Было решено приступить к созданию сетевого сообщества различных университетских школ маркетинга в целях координации научных исследований и совершенствования преподавания маркетинга в вузах.

В этом же ключе — развития новых научных школ, связанных с исследованием современных механизмов функционирования рыночной экономики, — прошло обсуждение современных исследований в сфере гостеприимства и туризма и их междисциплинарного аспекта на круглом столе, руководителем которого выступила М. Ю. Шерешева, профессор кафедры прикладной институциональной экономики, завлабораторией институционального анализа, директор Центра исследований сетевой экономики экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Целью этого круглого стола было обсуждение результатов современных исследований по различным актуальным вопросам развития туризма. Особый акцент в ходе круглого стола был сделан на междисциплинарном характере исследований в сфере гостеприимства и туризма, на роли данной сферы в развитии российских регионов.

Важно отметить, что в числе новых научных направлений и школ развиваются теоретические подходы для прикладных теорий маркетинга — это поведенческие модели. Традиционный и поведенческий подходы в теоретических экономических исследованиях обсуждались на круглом столе, ведущими которого выступили профессора кафедры политической экономии О. Н. Антипина и А. А. Никифоров. Цель проведения круглого стола — выявить возможности и определить перспективы использования поведенческого подхода в теоретических экономических исследованиях — позволила обсудить три направления:

- 1) поведенческие аспекты функционирования электронной коммерции и отраслевых рынков (в том числе при наличии сетевых эффектов и асимметрии информации);
- 2) традиционный и поведенческий подходы в современной макроэкономике;
- 3) экономика счастья и поведенческая экономика.

Выводы дискуссии имеют не только теоретическое, но и практическое значение:

- 1) на выбор потребителей на интернет-рынках и рынках с сетевыми эффектами, кроме видимых и хорошо наблюдаемых факторов, также оказывают сильное влияние потребительские ощущения и эмоции, воздействие на которые имеет специфику. Продавцы на таких рынках используют новые стратегии функционирования, анализ которых требует формулировки новых или модификации уже известных теоретических моделей с использованием идей поведенческой экономики;
- 2) взгляд на традиционные кейнсианские постулаты с позиций поведенческой экономики позволяет утверждать, что надежное таргетирование инфляции Центральным банком и введение контрциклических ограничений на уровень заемных средств уменьшают амплитуду финансовых циклов и их влияние на реальные переменные экономики;
- 3) перспективы развития экономики счастья как научной школы связаны с углублением интеграции психологических феноменов поведения в оптимизационные схемы принятия решений экономическими субъектами.

Наряду с микроэкономическими парадигмами современного маркетинга на других круглых столах обсуждались макроэкономические аспекты формирования долгосрочной стратегии развития российской экономики. Здесь отмечалось, что в сложившихся условиях активная экономическая политика имеет очевидные преимущества перед политикой пассивной стабилизации. При этом риски наращивания уровня инвестиционной активности являются незначительными. В том числе и в отношении возможного роста инфляции при смягчении денежно-кредитной политики (завкафедрой к.э.н. А. Н. Клепач). Имеющийся долгосрочный потенциал развития позволяет российской экономике развиваться в перспективе ближайших 10–15 лет темпами, опережающими ожидаемые темпы роста мировой экономики. Необходимым условием устойчивого развития российской экономики является выбор отраслевых приоритетов, основывающийся на определении возможных тех-

нологических сдвигов. Значительное место в процессе разработки долгосрочной стратегии развития должно отдаваться вложениям в человеческий капитал. Структурные факторы экономического роста содержат еще значительный незадействованный потенциал, который при надлежащей экономической политике может быть использован для повышения темпов и качества экономического роста. В то же время ограничения развития на региональном уровне постоянно возрастают, что может негативно отразиться на возможностях ускорения экономического роста. Одним из возможных направлений снижения проблем регионального развития может быть определенная модернизация межбюджетных отношений. Необходимо существенное развитие механизмов стратегического управления экономикой, направленное на расширение ориентиров долгосрочного развития. Только в этих условиях возможен ресурсный маневр, обеспечивающий как устранение фундаментальных ограничений развития по трудовым ресурсам и качеству капитала, так и снижение структурных диспропорций отраслевого и регионального развития. На основе этих концептуальных подходов были сформулированы предложения для развития макроэкономического регулирования:

- 1) в целях повышения качества и результативности экономической политики целесообразно сконцентрировать особое внимание на формировании целей долгосрочного экономического развития и определении механизмов их достижения;
- 2) при формировании долгосрочной стратегии развития российской экономики ключевое место должно быть отведено вопросам количественного обоснования воздействия научно-технологического развития и качества человеческого капитала на экономический рост. Для этого в процессе принятия стратегических решений должна быть повышена роль макроструктурного прогнозирования;
- 3) целесообразно дополнительно проанализировать вопрос о влиянии активной инвестиционной политики на инфляцию. В целом требуется расширить анализ альтернатив экономической политики в среднесрочной перспективе;
- 4) одним из направлений устранения ограничений развития регионального характера может стать определенная реформа системы межбюджетных отношений, направленная на постепенное увеличение бюджетной обеспеченности региональных и местных бюджетов. Целесообразно рассмотреть вопрос о мерах компенсирующего характера для регионов, теряю-

щих по тем или иным причинам крупнейших налогоплательщиков.

Научно-исследовательская программа по вопросам защиты конкуренции и промышленной политики была обоснована в дискуссии на секции под руководством профессора А. Е. Шаститко, завкафедрой конкурентной и промышленной политики экономического факультета. Секция состояла из двух подсекций: «Развитие конкурентной политики в России» и «Внешние факторы развития конкуренции». В рамках первой подсекции участники рассмотрели основные проблемные вопросы совершенствования антимонопольного законодательства, в том числе в отраслевом разрезе, с учетом экономической ситуации в России и развития технологического прогресса. В рамках второй — участники проанализировали ряд факторов, оказывающих влияние на развитие конкуренции, но зачастую не рассматриваемых антимонопольными экономистами: коррупцию, особенности промышленной политики, параметры защиты интеллектуальной собственности. Было предложено сформировать долгосрочную программу скоординированного развития российской конкурентной и промышленной политики с учетом их высокой взаимозависимости и взаимовлияния. В ходе круглого стола состоялось обсуждение основного доклада А. Е. Шаститко и Н. С. Павловой, посвященного теоретическим аспектам положительных и отрицательных эффектов барьеров входа на товарные рынки на интенсивность конкуренции, ее особенности, а также на положение потребителей и производителей. Было предложено изменить стандарты правоприменения антимонопольной политики в сфере входных барьеров на основе более тщательного экономического анализа отдельных отраслей и рынков.

Еще одно новое направление, в котором отмечается становление и развитие научных школ, — это инновационная экономика. Круглым столом, посвященным этому направлению, руководила профессор Н. П. Ивашенко, завкафедрой экономики инноваций экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Цель проведения круглого стола заключалась в том, чтобы выявить факторы, влияющие на формирование научных направлений при разработке теории и практики инновационной экономики. Были сформулированы предложения:

- разработать четкую систему оценки эффективности государственных вложений в инновационную инфраструктуру, в том числе в развитие инновационных территориальных кластеров;

- применять различные подходы к разным моделям вовлечения вузов в инновационные территориальные кластеры;
- создать условия, чтобы в российских университетах появлялись инновационные проекты, ориентированные на рынок и стремящиеся к своей коммерциализации;
- тщательно подходить к определению факторов, влияющих на конкурентоспособность инновационных товаров на различных этапах выведения продукта на рынок;
- создать и поддерживать каналы продвижения высокотехнологичных идей в промышленность, в том числе за счет более активного вовлечения как институтов развития, так и отраслевых научно-исследовательских институтов и образовательных университетов и институтов к формированию комплексных групп по решению данной задачи.

В контексте этих идей обсуждалась также и экономика открытых инноваций, ее роль в создании новых продуктов и развитии бизнеса на круглом столе, ведущим которого выступил Г. Д. Лаптев, руководитель лаборатории инновационного бизнеса и предпринимательства экономического факультета. Отмечалось, что глобальная конкуренция стимулирует современный бизнес к переходу от замкнутой модели создания инноваций, базирующейся в основном на использовании собственных ресурсов и возможностей, к модели «открытые инновации (open innovation)», основанной на активном использовании внешних источников интеллектуального капитала. Принципиально важными становятся предпринимательский подход и развитие сетевых форм взаимодействия участников, разных по масштабу (крупный и малый бизнес) и виду деятельности (создание новых продуктов и сервисов, дизайн-исследования и разработки, обучение и консалтинг).

Существенную роль в развитии факультетских научных школ играют инструментальные методы исследований, эволюция которых рассматривалась на секциях конференции. Прошло обсуждение вопросов развития статистических научных школ и проблем преподавания статистических дисциплин в вузах России, а также актуальных проблем статистической науки. Доклады были посвящены истории развития статистики в Московском университете и на экономическом факультете МГУ. 2016 г. – год 110-летия со дня рождения выдающегося статистика, демографа и математика, заведовавшего кафедрой статистики в течение 19 лет, – Боярского Арона Яковлевича. К числу наиболее актуальных проблем статистической науки и практики в России относится также становление

статистики предпринимательства и бизнес-демография в Российской Федерации. Важной практической задачей является уточнение методологии расчета показателя средней заработной платы, который широко используется в России для оценки эффективности проводимой социально-экономической политики. Было предложено провести в октябре 2016 г. на экономическом факультете МГУ научную конференцию, посвященную 110-летию со дня рождения А. Я. Боярского.

Профессор М. И. Лугачев, завкафедрой экономической информатики факультета, в докладе «Экономика больших данных (Big Data): дидактический аспект» показал, как в настоящее время большие данные становятся бизнесом, превращаясь в инструмент извлечения прибыли непосредственно из анализа данных. Важную роль в этом процессе играет общедоступность данных и их «институциональная неустроенность», упрощающая доступ крупных интернет-компаний к данным пользователей. Возникающий предиктивный анализ может значительно снизить роль неопределенности в экономике. Продолжая эту тему, доцент К. Г. Скрипкин предложил новый подход к построению бизнес-слоя архитектуры предприятия, основанный на описании комплементарных связей между параметрами организационного дизайна, а также между ними и влияющими на них внешними факторами. Возможности подхода были рассмотрены на примере современных российских вузов.

Обсуждение различных актуальных проблем современного и будущего социально-экономического развития страны и мира неизбежно проводилось в контексте университетских и факультетских исследований. Миссия университетов была вынесена в качестве основной темы круглого стола «Производство, наука и образование России: место университетов», ведущим которого выступил А. В. Бузгалин, профессор кафедры политической экономии. Участники стремились обсудить актуальные проблемы места университетов в решении задач интеграции производства, науки и образования, необходимой для обеспечения устойчивого инновационного развития страны, затронув следующие проблемы: преподавание курсов экономики и экономической теории на неэкономических факультетах как основа формирования экономической грамотности выпускников; проблемы взаимодействия производства, науки и образования; развитие регулирования в сфере экономики и культуры; обновление преподавания экономической теории с целью обеспечения соответствия новым социально-экономическим реалиям; роль инноваций в обеспечении устойчивого развития муниципальных обра-

зований и значение интеграции производства, науки и образования как условия такого развития. В социально-экономический контекст проблем, вынесенных на круглый стол, был внесен политико-экономический дискурс, который побуждает задуматься о качестве социально-экономических отношений, имеющих место внутри существующей реальности. По итогам обсуждения были сделаны выводы о том, что один из важных аспектов роли университетов — формирование представления студентов о социально-экономическом устройстве общества и о возможностях проявления гражданской инициативы. В связи с этим необходимо в преподавании курсов экономики и экономической теории большее внимание уделять проведению взаимосвязей между рассматриваемыми теоретическими положениями курса и соответствующими им сторонами практической жизни. При этом следует приводить и примеры успешного осуществления гражданских инициатив, чтобы показать, что в большинстве случаев возможность их осуществления зависит от личных усилий и активности участвующих в них граждан, а не от внешних условий или, напротив, ограничений. Опыт общения участников круглого стола с различными поколениями студентов на протяжении нескольких десятилетий свидетельствует о том, что воззрения студентов изменчивы, подвижны, формируются во многом под влиянием социально-политической и интеллектуальной среды, в которой они находятся. Это обуславливает важность развития самостоятельного, критического мышления в ходе преподавания университетских дисциплин, чтобы студенты умели критически воспринимать постулаты не только различных научных школ, но и аргументы различных позиций по ключевым вопросам жизни общества, умели формировать собственную аргументированную позицию по ним.

Прошедшая конференция стала значимым событием научной жизни факультета и развития экономической науки в целом. Системный взгляд на формирование и развитие университетских научных школ помогает осмыслить траектории развития экономической науки и вклад в него ученых экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Список литературы

1. О государственной поддержке ведущих научных школ РФ. Постановление Правительства РФ № 957 от 26.09.1995 // Поиск. — 1995. — № 41.
2. *Павельева Т. Ю.* Научные школы в системе науки: философский анализ. Диссертация доктора философских наук. — М., 2012.

3. *Устюжанина Е. В., Евсюков С. Г., Петров А. Г.* и др. Научная школа как структурная единица научной деятельности. — М.: ЦЭМИ РАН, 2011.
4. Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, утверждена распоряжением Правительства РФ от 07.04.2008 № 440-р.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. О государственной поддержке ведущих научных школ РФ. Постановление Правитель'sтва РФ № 957 от 26.09.1995 // Поиск. — 1995. — № 41.
2. Pavel'eva T. Ju. Nauchnye shkoly v sisteme nauki: filosofskij analiz. Dissertacija doktora filosofskih nauk. — М., 2012.
3. *Ustjuzhanina E. V., Evsjukov S. G., Petrov A. G.* i dr. Nauchnaja shkola kak strukturnaja edinica nauchnoj dejatel'nosti. — М.: СJeMI РАН, 2011.
4. Federal'naja celevaja programma «Nauchnye i nauchno-pedagogicheskie kadry innovacionnoj Rossii» na 2009–2013 gody, utverzhdjena rasporyzheniem Pravitel'stva RF ot 07.04.2008 № 440-г.

А. М. Белянова¹,
МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)
В. А. Бирюков²,
МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)
В. Н. Черковец³,
МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

**(материалы научного семинара
по проблемам стратегического планирования)**

В статье представлены материалы научного семинара по проблемам стратегического планирования в Российской Федерации. Семинар был организован проблемной группой «Воспроизводство и экономический рост» совместно с Центром социоэкономики кафедры политической экономики, кафедрой макроэкономической политики и стратегического управления и Лабораторией сравнительного исследования экономических систем экономического факультета МГУ.

Ключевые слова: стратегическое планирование, стратегическое управление, экономическое развитие, стратегия развития, прогнозирование.

STRATEGIC PLANNING IN CONDITIONS OF MODERN RUSSIA'S ECONOMY

(materials of research seminar on strategic planning)

The article presents materials of the research seminar on issues of strategic planning in the Russian Federation. The seminar was organized by the problem group Reproduction and Economic Growth in conjunction with the Center for Socioeconomics at the Department of Political Economy, the Department of Macroeconomic Policy and Strategic Management and the laboratory for

¹ Белянова Антонина Михайловна, к.э.н., старший научный сотрудник экономического факультета; e-mail: belant32@mail.ru

² Бирюков Вячеслав Алексеевич, к.э.н., старший научный сотрудник экономического факультета; e-mail: birva@migmail.ru

³ Черковец Виктор Никитич, д.э.н., главный научный сотрудник экономического факультета; e-mail: cherkovets@econ.msu.ru

Key words: strategic planning, strategic management, economic development, development strategy, forecasting.

Во **вступительном** слове руководитель проблемной группы, заслуженный деятель науки РСФСР **В. Н. Черковец** (*д.э.н., профессор МГУ*) отметил особую принципиальную роль в обсуждении объявленной темы Федерального закона №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. и наметил круг вопросов, которые следует обсудить. Логика обсуждения данной темы, по мнению В. Н. Черковца, предполагает прежде всего *уяснение содержания и структуры стратегического планирования с точки зрения самого Закона*: какие институты и виды деятельности предполагает ввести в практику хозяйствования законодатель. И уже здесь, на данной ступени анализа, важно выявить весьма принципиальные вещи, характеризующие новизну намечаемой к вводу функции регулирования экономики. В Законе не затрагивается и, по сути, остается открытым вопрос об *индикативном и директивном* планировании, о выборе способов и методов достижения цели социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности. На структурной «вертикали» системы стратегического планирования (далее — СП) Закон определяет три элемента: СП осуществляется на федеральном уровне, уровне субъектов Российской Федерации и уровне муниципальных образований. Тем самым напрашивается принципиальный вывод: если система СП наделяется указанными выше подфункциями, распространяет свою юрисдикцию на регулирование всего народного хозяйства, включая отрасли экономики и социальную сферу, то не становится ли она *всеобщей формой деятельности по общегосударственному регулированию производства и социальной сферы страны, ее социально-экономического развития*? Однако остается неясно, попадает ли частный сектор в сферу деятельности по СП. Выясняя проблему *необходимости и возможности* введения в России системы СП, нельзя пройти мимо ее роли в решении нелегких задач *новой индустриализации*. Есть и другие вопросы, которые, по мнению В. Н. Черковца, требуют обсуждения.

С докладом «Стратегическое планирование: опыт и пути становления» выступил завкафедрой макроэкономической политики и стратегического управления **А. Н. Клепач** (*к.э.н.*). Он отметил,

что в России, несмотря на демонтаж системы планового хозяйства, элементы планирования продолжали действовать и в 90-е — первой половине 2000-х гг. Это воплощалось не только и не столько в среднесрочных (трехлетних) прогнозах экономического развития, сколько в системе государственных закупок и государственных инвестиций, а также в директивном планировании тарифов естественных монополий. В качестве индикативных планов отчасти выступали прогнозы, особенно когда они увязывались со среднесрочными институциональными программами Правительства и с программами взаимодействия с МВФ в период, когда он выступал в качестве кредитора правительства и с ним согласовывались параметры денежно-кредитной, бюджетной политики и индексации регулируемых тарифов.

И сегодня в России, несмотря на то что главным стержнем государственного управления экономикой является бюджет, и Бюджетный кодекс имеет приоритет над другими институциональными правилами, набирает силу движение в сторону целостной системы СП, охватывающей не только финансово-денежные, но и реальные пропорции производства. Можно сказать, что мы имеем уже не только бюджетно, но и *структурно ориентированную систему управления*. А с принятием Закона о СП ставка на создание целостной системы стратегического управления в России получила законодательное закрепление.

А. Н. Клепач подробно охарактеризовал четырехуровневый алгоритм стратегического управления, определенный в Законе. *Первый уровень* — стратегический, это — собственно Стратегия социально-экономического развития страны, а также стратегии развития отдельных секторов (решения межотраслевых проблем), регионов, макрорегионов и пространственного развития страны в целом. Стратегический блок включает в себя и Указы Президента, определяющие стратегические параметры развития экономики и национальной безопасности. Он очерчивает круг взаимодействия стратегий экономического развития с документами, определяющими вопросы национальной безопасности. Основные подходы к реализации Долгосрочной стратегии и других стратегических документов раскрываются в Основных направлениях деятельности правительства. Текущие принципы и приоритеты долгосрочной экономической политики наиболее полно отражены в Концепции долгосрочного социально-экономического развития-2020 и серии указов Президента России от 7 мая 2012 г. Однако кризис 2008—2009 гг., да и нынешние кризисные коллизии значительно отклонили фак-

тическую траекторию развития от целевых ориентиров. И дело не только в изменившихся внешних условиях, но и в недостаточной последовательности и целостности деятельности по реализации этой программы. Сейчас идет работа над новой Стратегией социально-экономического развития России, но уже до 2030 г., однако не проведена ревизия итогов и оценка фактических результатов реализации предыдущей Стратегии и не извлечены уроки из ее достижений и ошибок.

Второй уровень СП представлен прогнозами развития экономики, науки и технологий, демографической ситуации. Предписано, что прогнозы носят сценарный характер, обосновывающий возможные варианты развития российской экономики и мира в зависимости от изменения внешних условий и проводимой внутренней макроэкономической политики и институциональных изменений. А. Н. Клепач считает, что России необходимо поднять статус прогноза, начать утверждать его самостоятельным актом правительства, а не в составе обосновывающих материалов для Закона о бюджете, как это принято сейчас. Необходима органическая увязка прогноза с программами отраслевого и регионального уровня, которая, однако, не должна превращаться в механическое дезагрегирование показателей экономики в целом по ведомствам.

Третий уровень — это государственные программы и планы, обеспечивающие реализацию стратегических задач и подходов путем соответствующих мероприятий, институциональных преобразований, бюджетного и частного финансирования. Программы, особенно в формате федеральных целевых программ, включают в себя и основные проекты, которые должны стать проводниками проводимой политики, драйверами намеченных преобразований. *Четвертый уровень* — это уровень корпораций и других субъектов экономики, которые являются не только объектом государственного СП, но и активными субъектами системы стратегического управления, реализуя свои стратегии и планы. Госкорпорациям и корпорациям с доминирующим государственным участием распоряжениями правительства предписана разработка долгосрочных программ развития и стратегий, а также программ инновационного развития и среднесрочных инвестиционных программ, при этом долгосрочные программы и инвестиционные программы согласовываются с правительством.

Докладчик отметил, что успех стратегического управления во многом определяется достигнутым уровнем единства или, напротив, разобщенности государственного народно-хозяйственного, отраслевого, регионального и корпоративного уровней. Ключевыми

проблемами, или болезнями роста системы стратегического управления, являются отрыв программ и планов от бюджетного планирования; постоянное принесение в жертву долгосрочных системных задач в пользу сиюминутных краткосрочных частных интересов и мероприятий; низкий уровень ответственности и исполнительской дисциплины. Горизонт принятия многих важных экономических решений (и не только планирования федерального бюджета) сейчас сократился до одного года. И это вызвано не столько возросшей неопределенностью внешнеэкономической ситуации и ожидаемых цен на нефть, сколько внутренней непоследовательностью проводимой политики и откладыванием принятия системных стратегических решений.

При формировании новой стратегии развития России, отвечающей сегодняшним и будущим вызовам, необходимо преодолеть недостатки, имевшие место при реализации стратегических программ и антикризисных планов. К таким недостаткам докладчик относит доминирование краткосрочных тактических вопросов и решений над стратегическими; точечный, а не системный характер долгосрочных решений; слабость собственно государственной координации и засилье частных ведомственных корпоративных интересов при принятии стратегических решений; хроническое недофинансирование принятых программ и проектов; приоритет бюджетного планирования и целеполагания над остальными целями и мероприятиями. Наконец, нужно преодолеть сложность увязки и согласования различных направлений и блоков стратегических документов — отраслевых, региональных и национальной безопасности со стратегией страны в целом.

Что делается сейчас для достройки системы стратегического планирования? Наряду с начатой работой над Стратегией-2030 принят и подготовлен к принятию пакет нормативно-правовых документов, обеспечивающих реализацию Закона о стратегическом планировании: Постановление правительства № 823 от 8 августа 2015 г. «О правилах разработки, корректировки, мониторинга и контроля реализации стратегии социально-экономического развития России»; Постановление № 631 «О ведении реестра стратегических документов»; Постановление № 789 «О правилах разработки, корректировки и мониторинга Основных направлений деятельности правительства» и др.

В заключение докладчик высказал свое мнение по поводу того, нужен ли орган, подобный Госплану. По его мнению, сегодня главным является не вопрос создания отдельного комитета или ор-

гана стратегического управления, в отличие от оперативного, а повышение роли целостного стратегического управления и подчинение ему бюджетного. Это потребует и соответствующего повышения роли, и уточнения функций Министерства экономического развития. Без изменения духа современного государственного управления создание еще одного комитета ничего не решит, а только еще больше ослабит и без того слабое Минэкономразвития. Дело не в новом органе, а в изменении принципов и приоритетов экономической политики, заключил А. Н. Клепач.

Доклад «Планирование XXI: перезагрузка» был подготовлен руководителем Центра социэкономки **А. В. Бузгалиным** (*д.э.н., профессор МГУ*) и заведующим Лабораторией сравнительного исследования экономических систем **А. И. Колгановым** (*д.э.н., профессор МГУ*). В докладе, с которым выступил А. В. Бузгалин, был представлен взгляд на проблемы СП со стороны элементов сознательного воздействия на экономическое развитие, целесообразность «перезагрузки» института планирования в условиях остающейся в целом рыночной экономики. Докладчик заметил, что сегодня планированием называют очень разные явления. Во-первых, связанную с реальным социализмом XX в. практику планирования — «плановую экономику». Во-вторых, социально-экономические прогнозы, которые разрабатываются почти во всех странах уже более полувека, в том числе и так называемые форсайты. В-третьих, государственные индикативные планы, широко разрабатывавшиеся в 60—70-е гг. XX в. во Франции, Скандинавских странах, Японии, Индии и других странах, а в последние десятилетия — в Китае.

При всех существенных различиях в экономических системах стран, использовавших планирование, институты планирования были весьма схожи и использовались для достижения во многом аналогичных — модернизационных — целей. Но почему многие капиталистические страны на определенном этапе отказались в какой-то степени от широкого использования методов регулирования и индикативного планирования? Дело в том, что по мере завершения модернизационного рывка национальный капитал этих стран обрел достаточный потенциал, чтобы успешно выйти «на равных» в глобальную конкурентную среду и уйти от государственных ограничений и планирования, ибо они заставляют его делиться властью и прибылями с государственной бюрократией, централизующей ресурсы в отраслях прорыва, с населением, либо и с теми, и с другими. И с этого момента вопрос об использовании планирования переходит в плоскость «кто — кого»: бюрократия

или транснациональный капитал (прежде всего финансовый). Однако отказа от планирования как такового не произошло – и Франция, и Скандинавские страны по-прежнему используют элементы планирования. Более того, в последние десятилетия планирование стало одним из важнейших институтов ускоренного развития Китая, Индии, ряда стран Латинской Америки.

Сегодня и в России большинство населения, государственно-бюрократический аппарат и та часть бизнеса, которая, несмотря ни на что, продолжает сохраняться в несырьевом производственном секторе — все объективно заинтересованы в развитии более активного государственного селективного (избирательного и ограниченного по методам и сферам применения) регулирования и индикативного планирования. Но переход к такой политике сложен, потому что он требует серьезного ущемления экономических и политических интересов крупнейших корпораций России (преимущественно сырьевых и интегрированных с ними финансовых), а также сращенной с ними политической элиты и обслуживающей их части среднего класса, т.е. правящего в России экономико-политического альянса.

Что предлагается авторами доклада? Какая «перезагрузка» необходима? Предлагается критическое наследование отечественного и международного опыта планирования в рыночной смешанной экономике; использование системы отношений и институтов селективного планирования; определение обществом и утверждение государством на определенный период четких целей и основных правил игры в области прямого (для общественного сектора) и косвенного (для частного сектора) регулирования той части национальной экономики, на которую распространяется общественное регулирование. При этом все институты прогнозирования, целеполагания, прямого и косвенного формирования параметров общественного воспроизводства должны быть объединены в систему общенациональных целевых программ. Эта системность вкупе с обновлением методов и процедур планирования и снятием основных «провалов» государства и составит суть «перезагрузки» институтов планирования в рамках рыночной экономики. Более радикальная «перезагрузка» планирования связана с переходом к качественно другой социально-экономической модели.

По докладом на семинаре развернулась дискуссия.

В. П. Орешин (*д.э.н., профессор МГУ*) уделил основное внимание вопросу определения потенциала планирования экономики, заметив, что планирование развития любого объекта — неперенное ус-

ловие его успешного развития, и это касается как бизнес-структур, так и национальной экономики в целом. Наша страна волею судеб стала пионером в области планового ведения хозяйства, а после Второй мировой войны идеи планирования национальной экономики активно применялись во многих странах мира. Опыт развитых стран мира свидетельствует о целесообразности применения этого инструментария не только в условиях преобладания государственного хозяйства (как это было в Советском Союзе), но и в условиях смешанной экономики.

Выступающий заметил, что Закон о СП своевременен и полезен. В рамочной форме он регламентирует процедуру обоснования перспектив развития национальной экономики и знаменует переход к более активной экономической политике со стороны руководства нашей страны. Однако этот инструмент недостаточен для эффективного проведения экономической политики. Нужен документ, отражающий действия правительства по управлению ходом экономического развития. Нерешенной проблемой остается и механизм мотивации бизнеса следовать установкам индикативного плана. Эта процедура разработана и нашла применение во Франции, но требует адаптации к российским условиям.

При внедрении рационального управления ходом экономического развития со стороны государственных органов власти выстраивается сложная система, требующая серьезной координации, и, по мнению В. П. Орешина, нужен специальный орган, занимающийся проблемами развития экономики, — Госплан или Секретариат планирования.

Т. А. Агапова (*д.э.н., профессор МГУ*) в своем выступлении остановилась на месте СП в системе госрегулирования рыночной экономики, отметив, что оно позволяет осуществлять координацию федеральных и региональных программ, нацеленных на решение основных социально-экономических проблем развития Российской Федерации, ее субъектов и местных органов управления, а также обеспечивать комплексное включение инструментов бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики в механизм реализации стратегических целей. В настоящее время в России создана законодательная база для осуществления СП, однако ее использование в практике государственного регулирования экономики имеет пока ограниченный характер.

Одной из причин этого, по мнению Т. А. Агаповой, является преобладание целей тактического, т.е. краткосрочного, государственного регулирования экономики над долгосрочными стратеги-

ческими целями. В середине прошлого десятилетия в Российской Федерации была сделана попытка продвижения вперед *бюджетного планирования* (как элемента системы СП) в форме перехода от одногодичного к трехлетнему государственному бюджету и бюджетированию, ориентированному на результаты, что позднее было дополнено *бюджетным правилом*. Однако воздействие глобального финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг. на экономику Российской Федерации привело к возвращению к системе одногодичных государственных бюджетов, которая сохраняется и в настоящее время, в том числе и под влиянием экономических санкций и усложнившихся внешнеэкономических и политических условий. Хотя наряду с одногодичными государственными бюджетами и отступлением от бюджетного правила в России разрабатываются и стратегические программы развития экономики, параметры последних имеют сугубо *вероятностный* характер ввиду преобладания текущих целей государственного регулирования, относительно невысокой прозрачности в разработке макроэкономических решений и значительной неопределенности результатов макроэкономической политики вследствие частых корректировок ее целевых ориентиров.

Отметив интересные и важные постановки вопросов в обоих докладах, **Р. Т. Зяблюк** (*д.э.н., профессор МГУ*) обратила внимание на то, что разрабатываемые в стране стратегии, по существу, выражают интересы бизнеса, а не всего общества. Касаясь Закона о СП, она отметила, что идеи, заложенные в нем, плодотворны, их реализация поможет проведению структурной диверсификации экономики страны. В условиях внешнего давления на нашу страну инструмент планирования жизненно необходим. При этом может быть весьма полезен как прежний опыт планирования в нашей стране, так и разработка теоретических проблем взаимодействия двух противоположных методов хозяйствования — плана и рынка.

Е. В. Красникова (*д.э.н., доцент МГУ*) акцентировала внимание на причинах неэффективного стратегического управления в стране, заметив, что практически ни одна программа не была выполнена в полном объеме, российская экономика пребывает в тяжелом положении. Что же касается реструктуризации экономики, то ситуация еще больше ухудшилась, так как совершенно сознательно был сформирован сырьевой вектор развития. Почему же элементы планирования, о которых говорится в докладе А. Н. Клепача, не дают эффекта? Причины множество: не отработан механизм планирования в новых условиях хозяйствования; не создан институт, аналогичный Госплану, в котором концентрировалась бы вся многогранная

деятельность госорганов по разработке плановых заданий адресного характера с их тесной увязкой в масштабах госсектора; не предусмотрены и санкции за невыполнение стратегий развития.

Наша экономика есть единство государственного и корпоративного секторов, и поэтому государственное планирование должно сочетаться с косвенным регулированием частного сектора, но пока это сочетание слабо отработано, что ведет, по мнению выступающей, к уходу бизнеса в тень, ориентации его на краткосрочные цели и, самое худшее, к устойчивому и масштабному вывозу капитала.

В. А. Бирюков (*к.э.н., доцент МГУ*) заметил, что анализ принимаемых в стране стратегий, программ и результатов их реализации вызывает опасения, что Закон о СП вместо инструмента развития России может превратиться «муляж». В стране принимаются программы, разрабатываются стратегии социально-экономического развития, но до сих пор нет ответа на вопрос, куда идет Россия, какая экономическая модель выведет ее на магистраль инновационного развития. По его мнению, сегодня планирование — это новое поле борьбы с неясными результатами.

Г. Г. Чибриков (*д.э.н., профессор МГУ*) отметил, что в докладе А. Н. Клепача дана содержательная характеристика самых значительных программ и стратегий развития экономики России. Однако среди них отсутствует детально разработанная программа преодоления сырьевой модели российской экономики. Создается впечатление, что проблема обсуждается, но она не доведена до дорожной карты ее выполнения. Нет и анализа причин, препятствующих переходу к инновационной модели развития. Выступающий коснулся и затронутых в докладе Бугалина и Колганова аспектов планомерности и СП. По его мнению, «полной» планомерности никогда не было в социалистической экономике, нет ее и никогда не будет в современной капиталистической экономике.

По мнению **С. В. Кайманаква** (*к.э.н., вед. науч. сотр. МГУ*), усиление турбулентности мирового развития, связанное с переходом к следующему технологическому укладу, неадекватность международной финансовой системы новым реалиям, снижение спроса на традиционные источники энергии, санкции Запада, приближение военной инфраструктуры США к нашим границам, тупиковость сложившейся в Российской Федерации либерально-рыночной модели экономики — все эти вызовы и угрозы требуют формирования в России модели экономики национальной безопасности. Основной механизм функционирования такой модели — взаимодействие СП и рынка. Цель направляющего воздействия плана — переход к дол-

госрочному устойчивому развитию на основе нового технологического уклада. Для этого необходимы изменения структуры и функций управления в постлиберальной модели экономики и особый орган планирования с соответствующими полномочиями.

А. М. Белянова (к.э.н., доцент МГУ) заметила, что вопросы СП пока не вышли на передний край экономической политики и в выступлениях властных структур они также остаются в тени. Поэтому не может не возникнуть вопрос, призван ли Закон о СП стать инструментом, направленным на изменение сложившейся модели развития, вывод страны на магистраль модернизации и неоиндустриализации. Неясно также, какие объекты предполагается охватить СП, каков механизм вовлечения в эту систему предприятий разных форм собственности и какой орган призван осуществлять разработку, реализацию и контроль над его исполнением. Неясны и методологические и теоретические основы СП.

* * *

Упомянутому научному семинару были представлены два доклада: завкафедрой макроэкономического регулирования А. Н. Клепача «Стратегическое планирование: опыт и пути становления» (далее «первый доклад») и совместный доклад руководителей Центра социэкономике кафедры политической экономии А. В. Бузгалина и Лаборатории сравнительного анализа экономических систем экономического факультета А. И. Колганова «Планирование XXI века: перезагрузка» (далее «второй доклад»). Нетрудно заметить, что в обоих докладах и в ряде выступлений прозвучали различные мнения по поводу введения в структуру государственного управления экономикой России системы стратегического планирования. Соответственно по-разному оценивается и роль такой системы и Закона, её определяющего, в решении ключевых проблем дальнейшего социально-экономического развития страны и ее национальной безопасности. По-разному они относятся и к вопросу о необходимости создания специального института-учреждения как субъекта(-ов) государственного планирования. В связи с этим есть необходимость остановиться на некоторых вопросах темы, как затронутых, так и прошедших мимо внимания участников обсуждения.

1. Прежде всего о концепциях обоих докладов. Они совпадают в ряде моментов, в том числе с некоторыми существенными, на наш взгляд, отличиями, в отношении к концепции, заложенной в Закон. Вместе с тем ни в одном из докладов не анализируется и не комментируется вопрос об определении двух ключевых понятий *планирова-*

ния, введенных Законом, — «планирование» как таковое и «система планирования», в которую «планирование» включено в координатах «пространство—время» как структурный компонент, составляющий также один из пяти этапов разработки «системы планирования». Второй доклад вообще обошел этот вопрос.

2. Первый доклад представил эту проблему в несколько иных понятиях и в иной структуре, чем в Законе. В докладе выдвигается принципиально важное, с нашей точки зрения, положение о том, что «целостная система стратегического планирования... призвана охватить не только финансово-денежные, но и пропорции реального производства», а это, по мнению докладчика, есть «уже движение к *структурно ориентированной системе управления*». В Законе же докладчик видит лишь «законодательное закрепление» (пока еще) *курса* экономической политики на создание такой системы в будущем. По сути, как представляется, докладчик поставил вопрос о плановом в государственном масштабе формировании народно-хозяйственных пропорций в материальном производстве, т.е. о реализации одной из главных функций закона планомерного развития, присущего социалистической экономике (как обосновывалось в политической экономии социализма). К сожалению, этот момент выпал из поля зрения выступавших, как не обратили они внимания еще на два ключевых момента в первом докладе. Так, не замечено различие структур системы стратегического *управления* в этом докладе и структуры системы стратегического *планирования* в Законе, что требовало бы соответствующих разъяснений и докладчика. Система стратегического управления, по его мнению, включает *четыре уровня* (в Законе — пять уровней системы стратегического планирования), описываемых иными, чем в Законе, содержательными понятиями. Первый — «стратегический» уровень, которым определяются стратегии социально-экономического развития страны, отдельных секторов, регионов, макрорегионов, пространственного развития страны в целом, включая целевые установки. Второй — это прогнозы развития экономики, науки и технологий, возможные демографические ситуации. Третий — разработка государственных программ и планов (программирование в докладе идет *раньше планирования* (в законе же, наоборот, — программы образуют особый, следующий за планом уровень, на котором конкретно реализуются индикаторы плана). Наконец, последний, четвертый уровень (в Законе он не указывается) — уровень *корпораций и других субъектов экономики*, реализующих свои стратегии и планы. В докладе госкорпорации и корпорации с доминирующим государственным уча-

стием фигурируют и как субъекты управления своим хозяйством, и как объекты государственного стратегического планирования, находясь таким образом в сфере макроэкономического регулирования и одновременно осуществляя рыночный принцип хозяйственной самостоятельности в микроэкономике. Этот момент, по нашему мнению, бесспорно, представляет интерес для политической экономики, обращенной на изучение возможностей перехода от хаотического состояния корпоративно-олигархической к социально ориентированной рыночной экономике. Правда, за скобками (и в Законе и в докладе) остается принципиальный вопрос о частных корпорациях и частном секторе экономики вообще.

3. В отличие от первого доклада, пытающегося все же навести мосты между своей концепцией и концепцией Закона, во втором докладе А. В. Бузгалина — А. И. Колганова прочитывается довольно скептическое к нему отношение, что можно подтвердить хотя бы двумя следующими положениями, также не ставшими, к сожалению, предметом дискуссии на семинаре. Оценивая значение Закона, второй доклад характеризует его «как абсолютно нейтральный документ, предполагающий исключительно некоторое упорядочивание прогнозирования, уже и так сложившегося в России за последние полтора десятилетия». В качестве второго положения можно назвать представленный в докладе альтернативный Закону проект формирования отношений так называемого «*селективного*» (*читай: выборочного*) *национального планирования и регулирования экономики*.

Касаясь первого положения, авторы второго доклада не обратили внимания на то, что в Законе вводятся не просто новые термины, а новые содержательные институционально-экономические понятия. Предлагается, как отмечено выше, двоякая трактовка планирования с разграничением этих трактовок и понятия прогнозирования как особого этапа в процессе системного стратегического планирования перед собственно планированием в узком смысле. Авторы должны были бы рассмотреть критически-аналитически эту концептуальную установку Закона и выразить, если они не согласны, свою точку зрения на различие (или тождество) между планированием и прогнозированием. Кстати, такая расшифровка была бы полезна и для самих разработчиков и законодателя данного государственного документа, в котором, действительно, есть местами нечеткая редакция, тяжелая юридическая стилистика и недоговоренности на сей счет. Авторы доклада правы, когда они говорят, что в экономике «позднего капитализма» широко используются *прогнозирование* и согласованное с ним *селективное регулирование экономических*

пропорций, составляются и реализуются значимые *госпрограммы*, *проекты производства* общественных благ на основе *государственных инвестиционных программ*. Может ли эта практика быть названа планированием — спрашивают они. «*Наш ответ — да*». Свой ответ они подкрепляют тем, что «сегодня планированием называют очень разные явления»: планирование в СССР и других соцстранах, социально-экономические прогнозы и государственные индикативные планы, разрабатывавшиеся в ряде стран. Все это, конечно, — достоверные эмпирические факты. Но разве они исключают научный подход к категориальному определению планирования? Наоборот: вызывают, как нам кажется, к познанию не только на уровне практического, но и теоретического разума, к использованию в креативном мире, в науке и экономической политике. Ведь нельзя пройти мимо не случайно утвердившегося определения советской экономической системы как *плановой экономики* в противоположность рыночной экономике, хотя элементы того и другого вкраплены в противоположные системы координации секторов, отраслей, предприятий. А в плановой экономике адекватной формой планирования является *централизованное планирование*, объектом которого становится общественное (общенациональное) воспроизводство, субъектом же — общество в целом, интересы которого представляет государство. Такова высшая форма планомерной организации народного хозяйства и адекватной ей формы планирования. Что касается *директивности* и *индикативности*, то это вопрос не сущности данной формы планирования, а скорее применяемых ею методов, которые обеспечивают обязательность выполнения плановых заданий. На таком уровне, как мы полагаем, и должно определяться *полит-экономическое понятие планирования* — как *понятие действительного народно-хозяйственного планирования, необходимого и возможного только в условиях общенародной (общенациональной) собственности на основные средства производства*. В этом сущность народно-хозяйственного планирования как социально-экономической категории вообще, отражающей специфику экономического строя социализма. Такое планирование не требуется и невозможно при доминировании частной собственности (физических и юридических лиц) на средства производства, созданные трудом, и природные ресурсы. В этом смысле (и только в этом) в «Курсе политической экономии в двух томах» под ред. Н. А. Цаголова, созданного на кафедре политической экономии экономического факультета МГУ, употреблялось понятие «*полной планомерности*» в функционировании и развитии социалистической плановой экономики. В рыночной эконо-

мике «позднего капитализма», как и на ранней ступени реального (так и теоретического) социализма, экономика приобретает растущее по мере обобществления производства качество «*неполной плановмерности*». Продвижение к ренессансу такой плановмерности происходит, предположительно, в экономике современной России. Так можно ответить в поддержку доклада А. В. Бузгалина — А. И. Колганова двум из выступавших в семинаре с критикой этих положений. Без учета смысла, который вкладывался в данное понятие авторами «Курса...», дискуссия на эту тему просто бесполезна.

Что касается альтернативного Закону проекта авторов второго доклада, то он имеет, конечно, право на существование и участие в полемике по поводу основных положений принятого Закона о системе стратегического планирования. Более того, ряд его идей, по нашему мнению, могут вполне дополнить и социально активизировать позиции самого Закона, в котором, действительно, есть дефицит этой составляющей.

4. Существенным пунктом новизны концепции, заложенной в Закон (который вряд ли правомерно представлять только простым «упорядочением» уже сложившейся практики прогнозирования), является, со всей очевидностью, признание прогнозирования недостаточной формой государственного регулирования рыночной экономики России. Ограничиться одним прогнозированием (с тремя или двумя вариантами прогноза) наша экономика уже не может, войдя в полосу без экономического роста. Всего 1% роста ВВП ожидало Министерство экономического развития в 2015 г. [Российская газета. 2014. 27 авг. № 193(6465)], снизив свои первоначальные надежды в связи с тем, что 2014 г. дал почти нулевой рост в 0,6%. Реальность опровергла даже такие скромные *ожидания в краткосрочных* предположениях, не являющихся обязательными для исполнения и обеспеченными ресурсами планами. Рост ВВП в 2015 г. упал на 4%, хотя в июле этого же года прогнозировали спад на 2,8% [Ведомости. 2015. 3 июля. № 119]. Совершенно обосновано Закон о стратегическом планировании признал (глава 15) утратившим силу прежний Федеральный закон «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» от 25 июля 1995 г., утвердивший в самый разгар экономического кризиса отказ от планирования вообще, в силу чего прогнозы и программы оказались столь же «ожидаемыми», скорее неопределенными, что и разноцветные предсказания-предположения. Теперь же прогнозирование превращается в необходимый ответственный работающий (будем надеяться) элемент системы стра-

тегического планирования. На многовариантно-сценарной базе этого элемента должно осуществляться собственно планирование (разработка безвариантного плана), реализующееся затем в программах социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов РФ, муниципальных образований, а также отраслей экономики, сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности страны. В Законе эта система не именуется, по аналогии с советской плановой экономикой, *централизованным планированием народного хозяйства*. Однако единство централизации и децентрализации здесь присутствует де-факто, как и принцип децентрализации использовался в советском плановом управлении. Реальный хозрасчет (хотя на практике он иногда и нарушался в пользу общегосударственных интересов и вследствие непродуманных несбалансированных решений экономической политики) покоился на относительной хозяйственной самостоятельности предприятий (объединений), которые к тому же могли производить и сверхплановую продукцию. Однако классическая рыночная экономика по самой своей *природе* исключает директивность централизованного планирования, что является краеугольным камнем живущей и сегодня либеральной идеологии. В современном же варианте со *смешанной* структурой рыночная экономика и теоретически и практически (фактически) допускает этот принцип в ограниченной мере по отношению к государственным корпорациям и отдельным государственным программам. Таковы объективные границы, определяющие *возможности* введения системы не только стратегического — долгосрочного, но и средне-, и краткосрочного — тактического, если можно так сказать, планирования в координатах времени и пространства — в масштабе Федерации, ее макрорегионов, субъектов Федерации, муниципальных образований, отраслей материального производства и социальной сферы, а также корпораций, что означало бы ее выход и на уровень микроэкономики.

5. *Необходимость* же введения этой системы (как подсистемы) в более крупную по своим параметрам и структуре систему государственного регулирования экономики современной России диктуется, на наш взгляд, двумя главными причинами. Во-первых, нынешним деформированным состоянием экономики, ее упадком, сырьевой доминантой, техно-технологической отсталостью, вызванным финансами не только текущим финансово-экономическим кризисом. Вызваны они и тем, что этот периодический кризис разразился и продолжается на базе и в рамках более глубокого перманентного

(хронического) четвертьвекового так называемого *трансформационного кризиса* всей экономической системы, связанного с переходом страны от советского социализма к капитализму второго пришествия, от плановой к рыночной экономике. Во-вторых, система стратегического планирования требуется для определения и внедрения целевых установок, отражающих *общенациональные интересы*, и среди них главной (высшей) цели (*высшего национального интереса*) в перспективе дальнейшего хода (вектора) социально-экономического развития. Реальное планирование отличается от прогнозирования (помимо указанных выше черт) еще и тем, что оно является инструментом общества по *формированию* посредством практической созидательной деятельности его членов, адресно использующих трудовые, материальные и финансовые ресурсы, не виртуальной, а *реальной собственной перспективы*. К числу таких интересов (*приоритетов*) можно отнести следующие.

6. Хотя Россия стала на путь капитализма с экономической целевой установкой его хозяйствующих субъектов на максимизацию прибыли, в прогрессивных гуманитарных и научных кругах в развитых западных странах, в ООН все шире распространяется мнение о необходимости тесной увязки экономического роста стран с ростом благосостояния, повышением уровня и качества жизни людей внутри стран и в междустрановом пространстве. Эта позиция отвечает интересам и российского народа, она может стать одним из главных пунктов *«национальной идеи»*. Вторым в этом ряду есть основание полагать преодоление возникшего в пореформенной России глубокого *социального неравенства*, выражающегося прежде всего в огромном разрыве доходов различных слоев населения, его высшего и низшего классов, составляющем, даже по известным официальным данным, более 16 раз, а по неофициальным расчетам, более 25 и выше раз, в растущей пропасти между богатыми и бедными гражданами России. Радужные надежды социологов на стабильность даже в условиях последнего кризиса так называемого не определенного наукой «среднего класса» могут только ослаблять остроту проблемы противоречий между действительными классами в современном российском обществе. Третьим компонентом национальных приоритетов России является обеспечение всесторонней *безопасности страны*: экономической и оборонной. Все эти виды национальных интересов (приоритетов) образуют ряд взаимосвязанных общенациональных *целей*, объективно поставленных реальным положением дел перед экономической политикой государства. Но реализация их служит *средством достижения*

одной — *высшей цели*, которую сформулировал наш великий соотечественник *М. В. Ломоносов*, выдвигая еще 250 назад как задачу и программу «*сохранение и размножение народа*». Эта цель и должна стоять во главе «дерева целей» перед системой стратегического планирования и всей системой государственного регулирования экономики. Основные приоритеты (цели) могли бы быть определены и закреплены в особой статье Конституции РФ, являющейся законодательным основанием решений Президента РФ, который, согласно Закону (статья 10), «определяет и уточняет направления, цели и приоритеты социально-экономической политики, цели социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации».

7. Диалектика «целей и средств» выводит и на конкретные специфические актуальные проблемы *сегодняшней повестки дня*, в решении которых становление реальной системы стратегического планирования может сыграть далеко не последнюю роль. Речь идет о решающих материальных «средствах» достижения ближайших общенациональных интересов — *восстановления и развития производительных сил общества и обеспечения роста производительности общественного труда путем новой индустриализации страны, импортозамещения, формирования сбалансированного единого народно-хозяйственного комплекса страны со структурой пропорций, избавляющих экономику от сырьевого перекоса*. Двигателем решения этих проблем и создания системы стратегического планирования и всей системы эффективного регулирования экономики являются *экономические (производственные) и институционально-хозяйственные отношения*, ждущие существенного обновления своей нынешней модели.

Требования к статьям, принимаемым к публикации в журнале «Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не публиковавшимся ранее в других научных изданиях, соответствовать профилю и научному уровню журнала. Решение о тематическом несоответствии может быть принято редколлекгией без специального рецензирования и обоснования причин.

Подача статьи осуществляется в электронном виде на адрес электронной почты редакции: econeditor@econ.msu.ru.

Оформление статьи

Статья должна быть представлена на русском языке в виде файла в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (12 пт.) с полуторным межстрочным интервалом.

Файл с текстом статьи *не должен* содержать сведений об авторе или элементов текста, позволяющих идентифицировать авторство. Сведения об авторах отправляются отдельным файлом (см. ниже).

Объем статьи

Рекомендуемый объем статьи — от 30 тыс. до 45 тыс. знаков (с пробелами).

Структура статьи

Статья должна начинаться с названия (не более 10 слов), аннотации (100–150 слов) и ключевых слов (не более 8) на русском и английском языках. В аннотации должны быть указаны предмет и цель работы, методология, основные результаты исследования, область их применения, выводы. Несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями не допускается.

Структура основной части статьи должна строиться по принятым в международном сообществе стандартам: введение (постановка проблемы по актуальной теме, цели и задачи, четкое описание структуры статьи), основная часть (обзор релевантных научных источников, описание методологии, результаты исследования и их анализ), заключение (выводы, направления дальнейших исследований), список литературы.

Сведения об авторах

К статье необходимо *отдельным файлом* приложить сведения об авторе (авторах):

- полные фамилия, имя и отчество, основное место работы (учебы), занимаемая должность;
- полный почтовый адрес основного места работы (учебы);
- ученая степень, звание;
- контактный телефон и адрес электронной почты.

Все указанные сведения об авторе (авторах) должны быть представлены на русском и английском языках.

Список литературы

Список литературы должен содержать библиографические сведения обо всех публикациях, упоминаемых в статье, и не содержать указаний на работы, на которые в тексте нет ссылок. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке). Дополнительно должен прилагаться список русскоязычных источников в романском алфавите (транслитерация). Программой транслитерации русского текста в латиницу можно воспользоваться на сайте <http://www.translit.ru>

Оформление ссылок

Ссылки на список литературы даются в тексте в следующем виде: [Oliver, 1980], [Porter, 1994, p. 45], [Иванов, 2001, с. 20], [Porter, 1994; Иванов, 2001], [Porter, Yansen, 1991b; Иванов, 1991]. Ссылки на работы трех и более авторов даются в сокращенном виде: [Гуриев и др., 2002] или [Bevan et al., 2001]. Ссылки на статистические сборники, отчеты, сборники сведений и т.п. даются в виде: [Статистика акционерного дела..., 1898, с. 20], [Статистические сведения..., 1963], [Устав..., 1992, с. 30].

Все данные должны иметь сноски на источник их получения, таблицы должны быть озаглавлены. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несут в соответствии с законодательством РФ авторы статей.

Статьи, соответствующие указанным требованиям, регистрируются, им присваивается регистрационный номер (сообщается по электронной почте). Все статьи проходят процедуру двойного «слепого» рецензирования.

Отклоненные статьи не возвращаются авторам. В случае отказа в публикации автору статьи направляется мотивированный отказ, основанный на результатах рецензирования. По запросам авторов рукописей и экспертных советов ВАК редакция предоставляет соответствующие рецензии на статью без указания имен рецензентов.

Автор дает согласие на воспроизведение статьи на безвозмездной основе в Интернете.

Журнал является открытым — любой автор, независимо от гражданства, места работы и наличия ученой степени, имеет возможность опубликовать статью при соблюдении требований редакции.

Выплата гонорара за публикации не предусматривается. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Адрес редколлегии: Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й учебный корпус, экономический факультет, ком. 326. **Электронная почта:** econeditor@econ.msu.ru